

«Быть впереди народа, освещать ему путь, направляя его правосознание ко благу и правде в человеческих отношениях, – такова истинная обязанность юриспруденции и ее отдельных представителей»

ISSN 2074–7306

И. А. Покровский
История Римского права. Введение.
Петроград. Изд. 4. 1918. С. 4

СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 1, 2026

Периодичность: 1 раз в квартал

Издается с 1997 г.
Основан д. ю. н., проф.
Д. Ю. Шапсуговым

Издание включено в Единый государственный перечень научных изданий – «Белый список»

Включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук» по отрасли: 5.1. Право (юридические науки)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС 77-76204 от 02 августа 2019 г.

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Редакционная коллегия

Главный редактор

- **Шапсугов Дамир Юсуфович** – доктор юридических наук, профессор, академик АМАН и МАНЭБ, Заслуженный юрист РФ, директор центра правовых исследований, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).

Заместитель главного редактора

- **Краковский Константин Петрович** – доктор юридических наук, профессор кафедры междисциплинарных программ и исследований по юриспруденции отделения «Высшая школа правоведения» юридического факультета имени М. М. Сперанского Института права и национальной безопасности, РАНХиГС (Россия, г. Москва).

Состав редакционной коллегии

- **Авакян Р. О.** – доктор юридических наук, профессор, академик МАНЭБ и Всеармянской Академии проблем национальной безопасности (Армения, г. Ереван).
- **Авдеев Д. А.** – доктор юридических наук, доцент, Тюменский государственный университет, Академический департамент Школы права и управления, руководитель Тюменского отделения Межрегиональной ассоциации конституционалистов России, член Тюменского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» (Россия, г. Тюмень).
- **Алиев А. И.** – доктор юридических наук, ректор Академии Коллегии Адвокатов Азербайджанской Республики, профессор кафедры «Права человека и информационное право», Бакинский государственный университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Алиева С. И.** – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой «Общей истории и технологии преподавания истории», Азербайджанский государственный педагогический университет (Азербайджан, г. Баку).
- **Баранов П. П.** – доктор юридических наук, профессор, академик РАЕН, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Душаклова Л. А.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и служебного права, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Егорова М. А.** – доктор юридических наук, профессор, начальник Управления международного сотрудничества, профессор кафедры конкурентного права, Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА) (Россия, г. Москва).
- **Корецкий А. Д.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, судья Ростовского областного суда (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Лазарева Н. Ю.** – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС, член Российской криминологической ассоциации им. А. И. Долговой (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Маремкулов А. Н.** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова (Россия, г. Нальчик).
- **Мехмет Али Бейхан** – доктор исторических наук, профессор, Стамбульский университет (Турецкая Республика, г. Анкара).
- **Овсепян Ж. И.** – доктор юридических наук, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры конституционализма юридического факультета, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Овчинников А. И.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).

- **Шатковская Т. В.** – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Шелухин С. И.** – доктор права, университетский профессор, Городской университет, факультет законодательства, полиции и криминальной юстиции (США, г. Нью-Йорк).

Состав редакционного совета

- **Акопов Л. В.** – доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» юридического факультета, Донской государственной технической университет (г. Ростов-на-Дону).
- **Бойко А. И.** – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (г. Ростов-на-Дону).
- **Волова Л. И.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры международного права, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Казинян Г. С.** – доктор юридических наук, профессор юридического факультета, Ереванский государственный университет (Армения, г. Ереван).
- **Исмаилов М. А.** – доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Обычное право» юридического института, Дагестанский государственный университет (Россия, г. Махачкала).
- **Исмаилов Х. Д.** – доктор юридических наук, профессор, юридический факультет Бакинского государственного университета (Азербайджан, г. Баку).
- **Ляхов Ю. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Южный федеральный университет (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Озова Ф. А.** – доктор исторических наук, Академик Адыгской (Черкесской) Международной академии наук, доцент, заведующий отдела истории народов, Карачаево-Черкесский ордена «Знак Почета» института гуманитарных исследований им. Х. Х. Хапсирокова (Россия, г. Черкесск).
- **Радачинский Ю. Н.** – кандидат юридических наук, доцент, председатель Территориальной избирательной комиссии г. Батайска, доцент кафедры теории и истории права и государства, Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС (Россия, г. Ростов-на-Дону).
- **Сайдумов Дж. Х.** – доктор юридических наук, доцент, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (Россия, г. Москва), профессор кафедры истории, Чеченский государственный педагогический университет (Россия, г. Грозный).
- **Титова Е. В.** – доктор юридических наук, профессор, Почетный работник сферы образования РФ, директор Юридического института, заведующий кафедрой конституционного и административного права, Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет) (Россия, г. Челябинск).
- **Фаргиев И. А.** – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист РФ, судья Верховного Суда Российской Федерации (Россия, г. Москва).

Адрес редакции:

344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54;
тел.: (8-863) 279-41-62; e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

“To be ahead of the nation, show the way to its people directing their legal awareness towards the benefit and truth in human relations – that is the genuine duty of jurisprudence and some of its representatives”

I. A. Pokrovsky

History of Roman Law. Introduction.

Petrograd. Ed. 4. 1918. P. 4

ISSN 2074-7306

NORTH CAUCASUS LEGAL VESTNIK

SCIENTIFIC-PRACTICAL JOURNAL

№ 1, 2026

The frequency is 1 time per quarter

*Published since 1997
was founded
by Doctor of Law, professor
D. Yu. Shapsugov*

The journal is included in the Unified State List of Scientific Publications – the "White List"

*The journal is included into the «List of reviewed scientific publications where main research results of dissertations for the degree of Candidate and doctor of Science».
Enters the VAK List on the industry: 5.1. Law (legal sciences)*

Registration number and date of the decision on registration:
series PI № FS77-76204 dated August 02, 2019

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

Editorial board

Chief Editor

- **Damir Yu. Shapsugov** – Doctor of Law, Professor, Academician of AMAN and MANEB, Honored Lawyer of the Russian Federation, Director of the Center for Legal Studies, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).

Deputy Chief Editor

- **Konstantin P. Krakovski** – Doctor of Law, Professor of the Department of Interdisciplinary Programs and Research in Jurisprudence, Department of the Higher School of Jurisprudence, M. M. Speransky Law Faculty, Institute of Law and National Security, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Moscow).

The editorial board

- **Ruben O. Avakyan** – Doctor of Law, Professor, Academician of MANEB and All-Armenian Academy of National Security Problems (Armenia, Yerevan).
- **Dmitry A. Avdeev** – Doctor of Law, Associate Professor, Tyumen State University, Academic Department of the School of Law and Management, Head of the Tyumen Branch of the Inter-regional Association of Constitutionals of Russia, member of the Tyumen Regional Branch of the All-Russian public organization “Association of Lawyers of Russia” (Russia, Tyumen).
- **Amir Ibragim ogly Aliev** – Doctor of Law, Rector of the Academy of the Bar Association of the Republic of Azerbaijan, Professor of the Department "Human Rights and Information Law", Baku State University (Azerbaijan, Baku).
- **Sevindzh I. Alieva** – Doctor of History, Professor, Head of the Department "General History and Technology of Teaching History", Azerbaijan State Pedagogical University (Azerbaijan, Baku).
- **Pavel P. Baranov** – Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Lesya A. Dushakova** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Administrative and Service Law, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Maria A. Egorova** – Doctor of Law, Professor, Head of the International Cooperation Office, Professor of the Department of Competition Law, Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow).
- **Arkadiy D. Koretskiy** – Doctor of Law, Professor, head of the Department of Civil Law, Rostov Branch of the Lebedev Russian State University of Justice), judge of the Rostov Regional Court (Russia, Rostov-on-Don).
- **Natalia Yu. Lazareva** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal-Legal Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, member of the Russian Association of Criminology (Russia, Rostov-on-Don).
- **Arsen N. Maremkulov** – Doctor of Law, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov (Russia, Nalchik).
- **Mehmet Ali Beihan** – Doctor of History, Professor, Istanbul University (Republic of Turkey, Ankara).
- **Zhanna I. Ovsepyan** – Doctor of Law, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Constitutionalism, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexey I. Ovchinnikov** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Tatiana V. Shatkovskaya** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Sergey I. Shelukhin** – Doctor of Law, University Professor, City University, Faculty of Law, Police and Criminal Justice (USA, New York).

Editorial Council

- **Leonid V. Akopov** – Doctor of Law, Professor of the Department of "Criminal Law and Public Law Disciplines" of the Law Faculty, Don State Technical University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Alexander I. Boiko** – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law Disciplines, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Larisa I. Volova** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of International Law of the Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don).
- **Magomedsgid A. Ismailov** – Doctor of Law, Professor of the Department of History of State and Law, Head of the Research Laboratory «Customary Law» of the Institute of Law, Dagestan State University (Russia, Makhachkala).
- **Khayyam J. Ismayilov** – Doctor of Law, Professor of the Department Theory and History of State and Law, Law Faculty (Azerbaijan, Baku).
- **Gagik S. Kazinyan** – Doctor of Law, Professor of the Faculty of Law, Yerevan State University (Armenia, Yerevan).
- **Yuri A. Lyahov** – Doctor of Law, Professor, Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russia).
- **Fatima A. Ozova** – Doctor of Historical Sciences, Academician of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences, Associate Professor, Head of the Department of History of Peoples, Karachay-Cherkess Order of the Badge of Honor of the Institute of Humanitarian Studies named after H. H. Khapsirokov (Cherkessk, Russia).
- **Yuri N. Radachinsky** – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Chairman of the Territorial Election Commission of Bataysk, Associate Professor of the Department of Theory and History of Law and State, South-Russian Institute of Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Russia, Rostov-on-Don).
- **Dzhambulat H. Saidumov** – Doctor of Law, Associate Professor, Senior Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), Professor at the Department of History, Chechen State Pedagogical University (Russia, Grozny).
- **Elena V. Titova** – Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation, Director of the Law Institute, Head of the Department of Constitutional and Administrative Law, South Ural State University (National Research University) (Russia, Chelyabinsk).
- **Ibragim A. Fargiev** – Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (Russia, Moscow).

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54

Tel: 8-863-279-41-62,

e-mail: yurvestnik-uriu@ranepa.ru

<http://vestnik-uriu.ranepa.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	9
<i>О. А. Кожевников</i> Правовое регулирование организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения: некоторые парадоксы	9
<i>Н. Л. Пешин</i> Реформа местного самоуправления в России 2025 года: переход к модели единой публичной власти.....	19
<i>Р. А. Алексеев</i> Муниципальная реформа 2021–2025 гг.: организационно-правовые аспекты	29
<i>О. Е. Шишкина</i> Административная ответственность органов местного самоуправления: проблемы эффективности.....	43
ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ	52
<i>Д. Х. Сайдумов</i> Монография А. А. Плиева «Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880–1970 годы»: источниковедческий потенциал и методологическое значение (обзорно-аналитическое исследование).....	52
<i>Т. В. Шатковская</i> Нейроправо в системе современной юридической науки.....	77
ПРОБЛЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА.....	90
<i>Н. Н. Мазаева, В. И. Степкин</i> Международно-правовые аспекты торгово-экономического взаимодействия Европейского союза с государствами и интеграционными объединениями Африки	90
ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА.....	102
<i>В. В. Тихонов</i> О конституционном ведении и основах предпринимательского законодательства в Российской Федерации	102
<i>К. С. Понедельник</i> Ответственность лицензиатов за незаконное использование объектов интеллектуальных прав.....	114
ПРОБЛЕМЫ ТРУДОВОГО ПРАВА.....	125
<i>М. Р. Богатырева, М. К. Боташева</i> Актуальные вопросы правового регулирования трудовых отношений в условиях цифровой трансформации: проблемы дифференциации и охраны труда.....	125
<i>М. А. Драчук</i> Профсоюзы, организации профсоюзов и профсоюзные организации: специфика и проблемы правового статуса.....	136
ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА.....	149
<i>Ю. Б. Чупилкин</i> Законные интересы уголовно преследуемого лица: теоретико-правовой анализ и проблемы законодательного закрепления	149
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	171
Проект «Правовой мир Кавказа» продолжается.....	171
Откровенная беседа о связи времен в профессии (по мотивам открытой лекции проф. А. И. Бойко).....	172
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	175

CONTENT

PROBLEMS OF IMPROVING LOCAL SELF-GOVERNMENT IN THE SYSTEM OF PUBLIC AUTHORITY IN MODERN RUSSIA.....	9
<i>Oleg A. Kozhevnikov</i> Legal regulation of the organization of local self-government in the subjects of the Russian Federation – cities of federal significance: some paradoxes	9
<i>Nikolai L. Peshin</i> The 2025 local self-government reform in Russia: transition to a unified public power model.....	19
<i>Roman A. Alekseev</i> Municipal reform 2021–2025: organizational and legal aspects.....	29
<i>Olga E. Shishkina</i> Administrative liability of the local government bodies: problems of the effectiveness.....	43
PROBLEMS OF SOURCE STUDIES AND INTERDISCIPLINARITY IN LEGAL RESEARCH	52
<i>Dzhambulat Kh. Saidumov</i> A. A. Pliev’s monograph “Some aspects of the legal culture of Chechens and Ingush: 1880–1970”: source-study potential and methodological significance (review and analytical study)	52
<i>Tatiana V. Shatkovskaya</i> Neurolaw in the system of modern legal science.....	77
PROBLEMS OF INTERNATIONAL LAW	90
<i>Natalya N. Mazaeva, Vadim I. Stepkin</i> International law aspects of EU’s trade and economic cooperation with African countries and integration associations.....	90
PROBLEMS OF BUSINESS AND INTELLECTUAL PROPERTY LAW.....	102
<i>Vladimir V. Tikhonov</i> On constitutional jurisdiction and the fundamentals of business legislation in the Russian Federation.....	102
<i>Konstantin S. Ponedelnik</i> Licensee’s liability for illegal use of an intellectual property object.....	114
PROBLEMS OF LABOR LAW	125
<i>Marta R. Bogatyreva, Madina K. Botasheva</i> Topical issues of legal regulation of labor relations in the context of digital transformation: problems of differentiation and occupational safety	125
<i>Maria A. Drachuk</i> Trade unions, organizations of trade unions and trade union organizations: specifics and problems of legal status.....	136
PROBLEMS OF CRIMINAL PROCEDURE LAW	149
<i>Yuri B. Chupilkin</i> Legitimate interests of a criminally prosecuted person: theoretical and legal analysis and problems of legislative consolidation.....	149
SCIENTIFIC LIFE.....	171
The project "Legal world of the Caucasus" continues	171
A frank conversation about the connection of times in the profession (based on an open lecture by Professor A.I. Boiko)	172
EQUIREMENTS FOR THE PREPARATION OF ARTICLES.....	175

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 9–18
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(1):9–18

Научная статья
УДК 342.552
EDN TAXENN

Правовое регулирование организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения: некоторое парадоксы

Олег Александрович Кожевников^{1, 2}

¹Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева, Екатеринбург, Россия

²Уральский государственный экономический университет, Екатеринбург, Россия

jktu1976@yandex.ru, SPIN-код: 1494-4895, <https://orcid.org/0000-0003-1371-7249>

Аннотация

Введение. На протяжении всей новейшей российской истории вопросы правовой регламентации организации и функционирования местного самоуправления постоянно находятся в фокусе исследований, дискуссий и даже споров многочисленных ученых, практиков, да и просто неравнодушных исследователей. С вступлением в силу Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» широта дискуссий о перспективах местного самоуправления не только не уменьшилась, а, наоборот, еще более увеличилась, «обнажив» новые грани споров между сторонниками и противниками новой модели построения местного самоуправления в единой системе публичной власти в РФ.

Цель. На основе действующего федерального законодательства и сложившейся законотворческой практики реализации властями городов федерального значения своего права по установлению особенностей организации местного самоуправления в данных субъектах Российской Федерации выделить «очевидные» недостатки данной практики, сложившейся ещё в период действия федерального закона от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ».

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили традиционно выработанные и апробированные для сравнительных исследований конституционно-правовой, муниципально-правовой наукой, а также общей теорией государства и права, методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход и другие общепринятые в юридической доктрине способы познания, с помощью которых удалось синтезировать и сопоставить достижения муниципально-правовой доктрины и фактически сложившейся правоприменительной практики.

Результаты. Несмотря на то обстоятельство, что города федерального значения традиционно входят в круг территорий РФ, занимающих лидерские позиции в области экономики, промышленности, науки, образования, культуры и т.д., анализ базовых законов Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя о местном самоуправлении позволяет говорить о существенном отклонении от предоставленных федеральным законодателем прав властям субъектов РФ – городов федерального значения устанавливая особенности организации

© Кожевников О. А., 2026

* В данной рубрике опубликованы статьи, написанные авторами по результатам обсуждения на дискуссионной площадке научно-практического журнала «Северо-Кавказский юридический вестник», состоявшейся 25 ноября 2025 г.

местного самоуправления на своих территориях. До настоящего времени нормативные акты названных субъектов РФ не только не приведены в соответствии с положениями федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», но и в отдельных случаях, прямо противоречат его нормам, что ставит под сомнение прямое и непосредственное действие Конституции РФ в части приоритета федерального законодательства над региональным по вопросам правового регулирования местного самоуправления.

Выводы. В условиях формирования «обновленной» правовой базы субъектов РФ после вступления в законную силу федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» существенный выход законодательных органов передовых субъектов РФ – городов федерального значения за пределы федеральных дозволений в части регулирования отдельных вопросов организации и функционирования местного самоуправления на своих территориях является во-первых, крайне «негативным» примером для иных субъектов РФ, не имеющих вышеуказанных «преимуществ» как города федерального значения, но, также наделенных, в соответствии со ст. 6 упоминаемого закона полномочиями в области местного самоуправления, а, во-вторых, ярким примером «фактического» бездействия федеральных властей по обеспечению гарантий права граждан на осуществление местного самоуправления, установленных Конституцией Российской Федерации и федеральными законами.

Ключевые слова: Конституция РФ, прямое действие и верховенство Конституции РФ, реформа местного самоуправления, муниципальные образования, внутригородские муниципальные образования, вопросы совместного ведения, города федерального значения, Конституционный Суд РФ, местное самоуправление, территория муниципальных образований

Для цитирования: Кожевников О. А. Правовое регулирование организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения: некоторые парадоксы // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 9–18. EDN TAXENN

Original article

Legal regulation of the organization of local self-government in the subjects of the Russian Federation – cities of federal significance: some paradoxes

Oleg A. Kozhevnikov^{1, 2}

¹Ural State Law University named after V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia

²Ural State University of Economics, Yekaterinburg, Russia

Jktu1976@yandex.ru, SPIN-code: 1494-4895, <https://orcid.org/0000-0003-1371-7249>

Abstract

Introduction. Throughout recent Russian history, issues of legal regulation of the organization and functioning of local self-government have always been the focus of research, discussion, and even controversy by numerous scientists, practitioners, and simply concerned researchers. With the entry into force of Federal Law No. 33-FZ dated 03/20/2025 "On the general principles of organizing local Self-government in a unified system of public Authority," the breadth of discussions about the prospects of local self-government has not only not decreased, but, on the contrary, has increased even more, "exposing" new facets of disputes between supporters and opponents of the new model of building local self-government in the unified system of public authority in the Russian Federation.

Purpose. Based on the current federal legislation and the established legislative practice of the authorities of cities of federal significance exercising their right to establish the specifics of the organization of local self-government in these subjects of the Russian Federation, identify the "obvious" shortcomings of this practice, which developed during the period of the federal Law of 06.10.2003 "On the general principles of the organization of local self-government in the Russian Federation.

Materials and methods. The methodological basis of the research was traditionally developed and tested for comparative studies by constitutional law, municipal law science, as well as the general theory of state and law, methods of analysis and synthesis, induction and deduction, dialectical approach, and other generally accepted methods of cognition in legal doctrine, with the help of which it was possible to synthesize and compare the achievements of municipal legal doctrine and the actual established law enforcement practice.

Results. Despite the fact that cities of federal significance are traditionally included in the range of territories of the Russian Federation that occupy leading positions in the field of economics, industry, science, education, culture, etc., an analysis of the basic laws of Moscow, St. Petersburg and Sevastopol suggests a significant deviation from the rights granted by the federal legislator to the authorities of the subjects of the Russian Federation – cities of federal significance to establish the specifics of the organization of local self-government in their territories. To date, the normative acts of these subjects of the Russian Federation have not only not been brought into line with the provisions of Federal Law No. 33-FZ dated 03/20/2025 "On General Principles of Organizing Local Self-Government in a Unified system of Public Authority," but also in some cases directly contradict its provisions, which casts doubt on the direct and immediate effect of the Constitution of the Russian Federation in parts of the priority of federal legislation over regional legislation on issues of joint jurisdiction of the Russian Federation and its subjects, which include the legal regulation of local self-government.

Conclusions. In the context of the formation of an "updated" legal framework of the subjects of the Russian Federation, against the background of the Federal Law No. 33-FZ of 03/20/2025 "On General Principles of Organizing Local Self-Government in a unified system of public Authority", which entered into force, the legislative bodies of the advanced subjects of the Russian Federation have significantly withdrawn – First, it is an extremely "negative" example for other subjects of the Russian Federation who do not have the above-mentioned "advantages" as cities of federal significance, but who, in accordance with Article 6 of the said law, are also empowered to regulate certain issues of the organization and functioning of local self-government in their territories. in the field of local self-government, and, secondly, a vivid example of the "actual" inaction of the federal authorities to ensure guarantees of the right of citizens to exercise local self-government, established by the Constitution of the Russian Federation and federal laws.

Keywords: Constitution of the Russian Federation, direct effect and supremacy of the Constitution of the Russian Federation, reform of local self-government, municipalities, inner-city municipalities, issues of joint jurisdiction, cities of federal significance, Constitutional Court of the Russian Federation, local government, territory of municipalities

For citation: Kozhevnikov O. A. Legal regulation of the organization of local self-government in the subjects of the Russian Federation – cities of federal significance: some paradoxes. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):9–18 (In Russ.). EDN TAXENN

Введение

Вопросы правовой регламентации организации и функционирования местного самоуправления со стороны правотворческих органов субъектов РФ уже длительное время находятся в фокусе внимания многочисленных исследователей, однако, публикации и сообщения появляются вновь и вновь на страницах периодических изданий, в выступлениях на площадках конференций и т.д. [1; 2; 3; 4]. В этой связи особую «пищу» для размышлений даёт качество законодательных и иных нормативных правовых актов субъектов РФ по вопросам реализации представленных им компетенций в сфере правового регулирования местного самоуправления, особенно в контексте очевидного усиления полномочий региональных властей после вступления в силу Федерального закона от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», далее по тексту Закон № 33-ФЗ.

До вступления в силу названного правового акта в рамках реализации конституционных изменений 2020 г. в РФ уже действовал Федеральный закон от 21 декабря 2021 г.

№ 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», который в ст. 6 весьма чётко и императивно закрепляет формат участия региональных властей в решении задач местного самоуправления на территориях соответствующих субъектов РФ.

Во избежание злоупотребления нормотворческими полномочиями всеми уровнями власти, Закон № 33-ФЗ, казалось бы, поставил серьёзный заслон различным попыткам разрушения системности и единства законодательства о местном самоуправлении. Так, ст. 4 названного Закона установила базовые принципы правового регулирования местного самоуправления, а ст. 5 и 6 того же Закона установили полномочия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в области местного самоуправления. Однако, как показывает первая практика применения Закона № 33-ФЗ, о единообразии и единстве системы законодательства о местном самоуправлении приходится пока только «мечтать».

В рамках настоящего исследования автор считает возможным акцентировать внимание на отдельных аспектах существующей законодательной практики городов федерального значения-субъектов РФ в определении особенностей осуществления местного самоуправления на своих территориях. Обращение к городам федерального значения обусловлено несколькими предпосылками: во-первых, города федерального значения традиционно входят в круг территорий РФ, занимающих лидерские позиции в области экономики, промышленности, науки, образования, культуры и т.д. В связи с этим говорить о серьёзной ограниченности ресурсов для построения полноценной организации местного самоуправления не приходится; во-вторых, в городах федерального значения уже давно используется модель перераспределения вопросов местного значения и полномочий по их осуществлению на уровне законов данных субъектов РФ, что только предстоит осуществить абсолютному большинству субъектов РФ к 01.01.2027; в-третьих, в городах федерального значения, по крайней мере в Санкт-Петербурге и Москве сосредоточены ведущие научные юридические школы, что позволяет при формировании особенностей организации местного самоуправления в данных субъектах РФ использовать весь передовой опыт российской правовой доктрины; и, наконец, в-четвёртых, ст. 87 Закона № 33-ФЗ императивно закрепляет право названных субъектов РФ устанавливать своими законами особенности организации местного самоуправления на своих территориях, чего не имеется «прямым» образом у других субъектов РФ; ну и, наконец, в завершение перечня предпосылок можно отметить, что сфера научных интересов автора во многом обращена к исследованию различных аспектов правового регулирования местного самоуправления в РФ [5; 6].

Материалы и методы

При анализе положений базовых актов, регламентирующих вопросы организации местного самоуправления в городах федерального значения Москва, Санкт-Петербург и Севастополь, в том числе и построение территориальных основ местного самоуправления в названных субъектах РФ, был применён целый комплекс методов, традиционно выработанных и апробированных для подобных исследований конституционно-правовой, муниципально-правовой наукой, а также общей теорией государства и права, а именно: методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, диалектический подход и иные общепринятые в юридической доктрине способы познания.

Результаты и обсуждение

Включение в нормативную нишу федерального законодательства о местном самоуправлении положений, позволяющих особым образом осуществлять законодательную регуляцию вопросов организации местного самоуправления на отдельных территориях нашего государства, не является какой-либо новинкой [7; 8]. Так, ныне лишь частично действующий федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации

местного самоуправления в Российской Федерации», далее по тексту Закон № 131-ФЗ, содержал в себе целую главу 11, определявшую возможности специального правового регулирования особенностей организации местного самоуправления на отдельных территориях. К числу особых территорий ст. 79 вышеупомянутого федерального закона устанавливала и территории городов федерального значения как субъектов РФ. Вступивший в июне 2025 г. Закон № 33-ФЗ продолжил более чем 20 летнюю традицию возможности закрепления специальными правовыми актами особенностей осуществления местного самоуправления на территориях городов федерального значения, при этом, внимательное изучение отдельных положений законов о местном самоуправлении в городах Москва, Санкт-Петербург и Севастополь очевидно свидетельствуют о «злоупотреблении» властями данных субъектов РФ своими полномочиями по регулированию названных особенностей.

Так, вызывает искреннее удивление объем нормативной базы, которой руководствуются региональные власти городов федерального значения в регламентации особенностей местного самоуправления на своей территории. Так, в преамбуле Закона города Москвы от 6 ноября 2002 г. № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве», далее Закон № 56 не только отсутствует полный перечень актов федерального уровня, которому должны соответствовать акты данного субъекта РФ, но и отсутствует упоминание о Законе № 33-ФЗ, а Закон № 131-ФЗ указан без его номера и даты. Почти аналогичная ситуация наблюдается в законе города Севастополя от 30 декабря 2014 г. № 102-ЗС, далее по тексту – Закон 102-ЗС, где также в преамбуле отсутствует упоминание о Законе № 33-ФЗ, при этом есть упоминание сначала об общепризнанных принципах и нормах международного права, международных договорах Российской Федерации, а затем уж о Конституции Российской Федерации и Законе № 131-ФЗ.

Закон Санкт-Петербурга от 23.09.2009 № 420-79 (в редакции на 5 декабря 2025 г., далее по тексту – Закон № 420-79) в своей преамбуле вообще совместил недостатки преамбул вышеназванных законов Москвы и Севастополя, в частности, общепризнанные принципы и нормы международного права, международного договора Российской Федерации указаны до Конституции Российской Федерации, а Закон № 131-ФЗ отмечен в перечне без номера и даты. Несомненно, что представленные подходы региональных властей городов федерального значения противоречат ст. 3 Закона № 33-ФЗ, которая устанавливает иной объем правовой основы местного самоуправления в РФ и является ярким свидетельством несоблюдения уполномоченными органами субъектов РФ положений ч. 5 ст. 76 Конституции РФ.

Следующим негативным примером законотворческой практики городов федерального значения может свидетельствовать их отношение к определению базовых для местного самоуправления категорий и понятий. Так, в отличие от Закона № 33-ФЗ, который императивно закрепил новый подход к содержанию категории «местное самоуправление» ч. 1 ст. 1 Закона № 56 содержит иное понимание местного самоуправления в городе Москва, которое мало того, что «имеет отдельные отголоски» уже не действующего в данной части Закона № 131-ФЗ, так ещё и определяет в качестве субъектов местного самоуправления – местное сообщество (жителей внутригородского муниципального образования). Тут нельзя не вспомнить о том, что, во-первых, ст. 6 Закона № 33-ФЗ не предоставляет органам государственной власти субъектов Российской Федерации полномочий устанавливать иное нормативное закрепление понятия «местного самоуправления», а, во-вторых, в законе города Москвы нет определения местного сообщества и жителей внутригородского муниципального образования. Кроме того, федеральное законодательство не связывает право на местное самоуправление с местом жительства гражданина, поскольку данное право включает в себя не только объем избирательных прав, но и иные элементы статуса гражданина, при наличии которых он является участником отношений в области местного самоуправления.

В Севастополе в части 2 ст. 1 Закона № 102-ЗС определение «местное самоуправление» все ещё ориентируется на утратившее силу понятие местного самоуправления, ранее закреплённое в Законе № 131-ФЗ и ныне утратившее силу, при этом игнорируя положения ст. 1 Закона № 33-ФЗ с новым подходом к содержанию категории – «местное самоуправление».

Еще один пример пренебрежения властями городов федерального значения норм Конституции РФ и закона № 33-ФЗ мы находим в нормативном закреплении территориальных основ местного самоуправления в данных субъектах РФ. Закон № 33-ФЗ определил целый ряд базовых положений для территориальных основ местного самоуправления, действующих на всей территории РФ, в том числе и городов федерального значения. Среди них можно выделить закрепление в ч. 1 ст. 9 понятия муниципального образования, в ч. 2 этой же статьи – закрепления видов муниципальных образований с их последующим раскрытием характеристик в ч. 3, 4 и 5 этой же статьи Закона № 33-ФЗ. При этом ч. 2 и 3 ст. 87 Закона № 33 закрепляет положения, согласно которым в городах федерального значения местное самоуправление осуществляется во внутригородских муниципальных образованиях города федерального значения, виды которых могут быть определены законами этих субъектов РФ.

Казалось бы, все чётко и ясно, только исполняй, но что же мы имеем в части территориальной организации местного самоуправления в нормативных актах городов федерального значения?

Так, закон № 56 в ч. 2 ст. 1 указывает, что местное самоуправление в городе Москве осуществляется во внутригородских муниципальных образованиях – муниципальных округах, городском округе. Согласно официальному сайту Совета муниципальных образований города Москвы, в состав данного города федерального значения входят 132 внутригородских муниципальных образования, среди них – 131 муниципальный округ и 1 городской округ (наукоград – город Троицк). При этом каких-либо дополнительных положений, определяющих категории «городской округ» и «муниципальный округ», названный закон города Москвы не содержит. Поскольку Троицк является наукоградом, и в силу прямого указания Федерального закона от 07.04.1999 №70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации» иного статуса как городской округ данная территория осуществления местного самоуправления иметь не может, то с иными 131 муниципальными округами возникают объективные вопросы, поскольку в соответствии с ч. 4 ст. 8 закона № 33-ФЗ муниципальные округа функционируют на базе одного или нескольких сельских населённых пунктов, не являющихся муниципальными образованиями. При этом конечно же территория муниципального округа также может включать в себя городской населённый пункт, но при этом есть императивное требование, чтобы площадь территорий сельских населённых пунктов и территорий, предназначенных для развития социальной, транспортной и иной инфраструктуры должна в два и более раза превышать площадь городских населённых пунктов, входящих в состав муниципального округа.

Обращаясь к Закону города Москвы от 5 июля 1995 г. № 13-47 «О территориальном делении города Москвы», а именно к его ст. 1, видим, что территориальными единицами города Москвы являются районы города Москвы и административные округа города Москвы, имеющие наименования и границы, закреплённые правовыми актами города Москвы. То есть территориальное деление города Москвы не предполагает наличие ни сельских, ни городских населённых пунктов вообще. Тогда остаётся загадкой, о каких муниципальных округах идёт речь в городе федерального значения – Москва?

До 16.12.2025 в Законе № 420-79 внутригородское муниципальное образование города федерального значения Санкт-Петербурга определялось как часть территории субъекта Российской Федерации Санкт-Петербурга в виде: муниципальный округ, город

или посёлок, в границах которого осуществлялось местное самоуправление. Совершенно очевидно наличие противоречий нормам федерального законодательства, которое не допускает в определении внутригородского муниципального образования смешения муниципально-территориальных и административно-территориальных единиц. В настоящее время вышеуказанная коллизия из вышеназванного закона была устранена, так, как и понятие местного самоуправления в Санкт-Петербурге, и глава 2 этого же закона, посвящённая территориальной организации местного самоуправления, признана утратившими силу. Однако остаётся действовать Закон Санкт-Петербурга от 25 июля 2005 г. № 411-68 «О территориальном устройстве Санкт-Петербурга», глава III которого и определяет в настоящее время территориальную организацию местного самоуправления в Санкт-Петербурге. И что мы видим? Статья 7 названного закона определяет территории муниципальных образований города федерального значения – Санкт-Петербург. Среди них: 81 наименование муниципальных округов, 8 муниципальных образований – города, 20 муниципальных образований – посёлки.

Таким образом, власти Санкт-Петербурга, упразднив из базового регионального закона о местном самоуправлении нормы о территориальной организации местного самоуправления, оставили «на потом» перечисление видов муниципальных образований в законе о территориальном устройстве данного субъекта РФ, который пока так и оставил «бурную» смесь муниципально-территориального и административно-территориального устройства при определении видов муниципальных образований, что очевидно противоречит положениям Закона № 33-ФЗ.

Интересна ситуация в городе Севастополе, где в ст. 3 закона № 102-ЗС под внутригородским муниципальным образованием города Севастополя установлена часть территории этого субъекта РФ, в границах которой местное самоуправление осуществляется населением и органами местного самоуправления. Данное понятие не соответствует положениям Закона № 33-ФЗ и является «эхом» утративших силу положений Закона № 131-ФЗ. Обращает на себя внимание и тот факт, что положения ст. 8 закона № 102-ЗС определяют, что местное самоуправление в Севастополе осуществляется в его пределах административных границ как субъекта Российской Федерации на территориях внутригородских муниципальных образований. Данное положение входит в противоречие с положениями ст. 9 Закона № 33-ФЗ, определяющей, что местное самоуправление осуществляется в границах муниципальных образований, а не границ субъектов РФ. Более того, ч. 1 ст. 131 Конституции РФ императивно закрепляет, что местное самоуправление осуществляется в муниципальных образованиях, виды которых устанавливаются федеральным законом.

Перечень внутригородских муниципальных образований и описание их границ устанавливаются в Севастополе законом данного города от 03 июня 2014 года № 17-ЗС «Об установлении границ и статусе муниципальных образований в городе Севастополе». Ч. 3 ст. 3 названного закона определяет внутригородские муниципальные образования сообразно границам административно-территориальных единиц города Севастополя – Балаклавского, Гагаринского, Ленинского и Нахимовского районов. При этом, как и в Санкт-Петербурге, в границах административно-территориальной единицы – Балаклавский район города – определены как муниципальные округа, так и город Инкерман, хотя такого вида муниципального образования, как «город» федеральное законодательство не предусматривает. Таким образом, налицо ещё один недопустимый с точки зрения федерального законодательства пример смешения муниципально-территориальных и административно-территориальных единиц при определении видов муниципальных образований на территории городов федерального значения. Но даже не это вызывает самое большое удивление в законодательстве города Севастополя, а положения ст. 4 вышеупомянутого

закона, в которой предписано наделить Балаклавский муниципальный округ статусом внутригородского муниципального образования и определить его административным центром населённый пункт Балаклава, а город Инкерман наделить статусом внутригородского муниципального образования. После такого действительно уместно вспомнить выражение: «Пути Господни неисповедимы...». То есть один вид муниципального образования по мановению «волшебной палочки» регионального законодателя в нарушение всех положений Закона 33-ФЗ приобретает статус совершенно иного вида муниципального образования, и положения закона №33-ФЗ этому не являются помехой.

Но окончательную точку в примерах явного игнорирования законодателями городов федерального значения положений действующего федерального законодательства являются положения ст. 11 того же закона города Севастополя от 03 июня 2014 года № 17-ЗС «Об установлении границ и статусе муниципальных образований в городе Севастополе», в соответствии с которыми до сих пор в этом субъекте РФ возможно создание вновь образованных поселений на межселенных территориях. Мало того, что такой способ создания нового муниципального образования Закон № 33-ФЗ не предусматривает, так ещё интересно, где власти Севастополя собираются взять у имеющих на их территории муниципальных округов и города Инкерман населённые пункты на межселенных территориях? Данные территориальные единицы возможны только при двухуровневой модели территориальной организации местного самоуправления в субъектах РФ, которой в Севастополе нет. Не говоря уж о том обстоятельстве, что Закон 33-ФЗ при определении категории «муниципальный район» исключил упоминание о межселенных территориях.

Выводы

Постоянная трансформация правовых основ местного самоуправления совершенно очевидно привела к элементам нарастающего хаоса и непонимания со стороны государственных властей результатов их «бурного» законотворчества. Вступивший в Закон 33-ФЗ не только не устранил возрастающую «неопределённость», а ещё больше её усугубил.

Города федерального значения, которые традиционно воспринимаются как лидеры по многим критериям оценки и развития субъектов РФ в вопросах же реализации полномочий по определению законодательных особенностей организации местного самоуправления на своей территории ну никак нельзя привести в качестве примера для «подражания». При этом, «поражает» тот факт, что при наличии очевидных противоречий с положениями действующего федерального законодательства происходит «молчаливое» согласие с имеющейся ситуацией органов прокуратуры, территориальных органов Министерства юстиции РФ и, в конечном счёте, всех федеральных властей. В таких условиях совершенно очевидно, что добиться единства в правоприменении, эффективности в решении вопросов непосредственного жизнеобеспечения населения как основной цели местного самоуправления, слаженности взаимодействия между муниципальными, региональными и федеральными властями просто невозможно.

В этой связи в завершение настоящего исследования хочется вспомнить цитату Президента РФ В.В. Путина из его статьи 2012 г. «Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить»: «Повторяющаяся в истории проблема России – это стремление части её элит к рывку, к революции вместо последовательного развития. Между тем не только российский опыт, а весь мировой опыт показывает пагубность исторических рывков: забегания вперёд и ниспровержения без созидания»¹.

Может всё-таки настало время для объективного анализа сложившейся ситуации с местным самоуправлением в России, уровнем и системностью его правового регулирования,

¹ URL: <https://iz.ru/news/511884> (дата обращения 25.12.2025).

жёсткой реакцией федеральных властей на любые попытки даже малейшего умаления гарантий местного самоуправления со стороны властей субъектов РФ? Поскольку совершенно очевидно, что установленные в ст. 4 Закона 33-ФЗ принципы правового регулирования местного самоуправления, имеющие в своей первооснове положения нашей Конституции, в сложившейся ситуации законотворчества властей городов федерального значения явно не работают и только усугубляют и без того «плачевную» ситуацию с обеспечением единства правового пространства и соблюдением на всей территории конституционных и федеративных основ местного самоуправления, при этом виновные лица остаются без какой-либо ответственности за прямое несоблюдение норм той же Конституции РФ и Закона № 33-ФЗ.

Список источников

1. Зотов К. В., Шаповалов В. Д. Проблемные аспекты местного самоуправления в России на примере города федерального значения Санкт-Петербурга // Федерализм в современном публичном праве: собрание трудов V Международной научно-практической конференции, Москва, 07-18 ноября 2022 года. Москва: Блок-Принт, 2023. С. 399-410. EDN: WQXCCF.
2. Мокроусова К. А., Нифанов А. Н. Некоторые особенности формализации организации местного самоуправления в субъектах Российской Федерации – городах федерального значения // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. Т. 10. № 2. С. 394–400. EDN: KNLTUR.
3. Сухоруков А. С. Глава 3. Местное самоуправление в системе публичной власти России // Проблематика организации публичной власти в России / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. Тюмень: ТюмГУ-Press, 2023. С. 121–168. EDN: DONJQZ.
4. Бунецкий Л. Л. Модернизация местного самоуправления в городе федерального значения Севастополь: особенности и новые приоритеты // Парадигмы истории и общественного развития. 2020. № 20. С. 45–54. EDN: ZEXPGJ.
5. Кожевников О. А., Бекетов О. И. Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования местного самоуправления в городах федерального значения // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20. № 4. С. 344-354. <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-344-354>. EDN: ANHYKD.
6. Кожевников О. А. Новый закон о местном самоуправлении: начало нового этапа дискуссий и обсуждений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 3(61). С. 6–11. EDN: OXTDCM.
7. Кравцова, Е. С. Особенности организации местного самоуправления в городе Севастополе // Эффективное государственное и муниципальное управление как фактор социально-экономического развития территорий : материалы V Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов, молодых ученых, Севастополь, 14 ноября 2024 года. – Севастополь: Севастопольский государственный университет, 2024. С. 105-108. EDN: PZKJKM.
8. Нудненко Л. А. Местное самоуправление в городе федерального значения – Санкт-Петербурге: особенности конституционно-правового закрепления и организации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2025. № 1(105). С. 50-57. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-50-57>. EDN: NPBE0Z.

References

1. Zotov K.V., Shapovalov V.D. Problematic aspects of local self-government in Russia on the example of the federal city of St. Petersburg. In: *Federalism in modern public law : Proceedings of the V International Scientific and Practical Conference*, Moscow, November 07-18, 2022. Moscow: Blok-Print; 2023. P. 399-410. EDN WQXCCF. (In Russ.).
2. Mokrousova K.A., Nifanov A.N. Some features of the formalization of the organization of local self-government in the subjects of the Russian Federation – cities of federal significance. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*. 2024;10(2):394–400. (In Russ.). EDN: KNLTUR.

3. Sukhorukov A.S. Chapter 3. Local self-government in the system of public power in Russia. In: *Problems of the organization of public power in Russia* / Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Tyumen State University, Institute of State and Law. Tyumen : Tyumen State University Press; 2023. P. 121–168. (In Russ.). EDN: DOHJQZ.

4. Bunetsky L.L. Modernization of local self-government in the federal city of Sevastopol: features and new priorities. *Paradigms of history and social development*. 2020;(20):45–54. (In Russ.). EDN: ZEXPGJ.

5. Kozhevnikov O.A., Beketov O. I. Some aspects of the regulatory and legal regulation of local self-government in cities of federal significance. *Siberian Law Review*. 2023;20(4):344–354. (In Russ.). <https://doi.org/10.19073/2658-7602-2023-20-4-344-354>. EDN: ANHYKD.

6. Kozhevnikov O.A. The new law on local government: the beginning of a new stage of discussions and discussions. *Problems of law-enforcement activity*. 2025;3(61):6-11. (In Russ.). EDN: OXTDCM.

7. Kravtsova, E. S. Features of the organization of local self-government in the city of Sevastopol. In: *Effective state and municipal management as a factor of socio-economic development of territories* : proceedings of the V All-Russian Scientific and Practical Conference of students, postgraduates, young scientists, Sevastopol, November 14, 2024. Sevastopol: Sevastopol State University; 2024. P. 105–108. (In Russ.). EDN: PZKJKM.

8. Nudnenko L.A. Local self-government in the city of federal significance – St. Petersburg: features of constitutional and legal consolidation and organization. *Vestnik of the St. Petersburg University of the Ministry of internal affairs of Russia*. 2025;1(105):50–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2025-1-50-57>. EDN: NPBE0Z.

Информация об авторе

О.А. Кожевников – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева; профессор кафедры конституционного и международного права, Уральский государственный экономический университет.

Information about the author

O.A. Kozhevnikov – Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Constitutional Law, Ural State Law University named after V.F. Yakovlev; Professor of the Department of Constitutional and International Law, Ural State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.12.2025; одобрена после рецензирования 09.02.2026; принята к публикации 13.02.2026.

The article was submitted 29.12.2025; approved after reviewing 09.02.2026; accepted for publication 13.02.2026.

Реформа местного самоуправления в России 2025 года: переход к модели единой публичной власти

Николай Леонидович Пешин

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия,
administrative@law.msu.ru, SPIN-код: 6491-8559, IstinaresearcherID (IRID): 394941,
ResearcherID: I-5270-2018, Scopus Author ID: 57192372152,
<https://orcid.org/0000-0001-5821-224X>

Аннотация

Введение. Современный этап конституционного развития России характеризуется интеграцией местного самоуправления в единую систему публичной власти. Данный процесс, инициированный поправками в Конституцию Российской Федерации 2020 г., знаменует собой кардинальное изменение принципов первоначальной модели местного самоуправления, закрепленной в Конституции Российской Федерации 1993 г., и вызывает значительный научный и практический интерес. Актуальность исследования обусловлена продолжающимся процессом реформирования муниципального законодательства, кульминацией которого стало принятие Федерального закона от 20 марта 2025 г. №33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти».

Цель. Комплексный анализ конституционных и законодательных новаций, определяющих новые элементы статус субъектов местного самоуправления, и выявление системных проблем, порождаемых данным реформированием.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой и формально-юридический методы. В работе проведен анализ текстов Конституции Российской Федерации, федерального законодательства (включая новый Федеральный закон от 20.03.2025 г. №33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»), а также решений Конституционного Суда Российской Федерации. Теоретической основой статьи выступили доктринальные положения о природе муниципальной власти.

Результаты. В статье представлено авторское видение ключевых аспектов реформы, в том числе размывание конституционной категории «вопросы местного значения», замена территориальной и организационной самостоятельности местного самоуправления жесткими государственными стандартами. Высказаны аргументы в защиту тезиса о фактической утрате местным самоуправлением его самостоятельной сущности. Показано авторское понимание проблемы как системного противоречия между новой моделью и положениями ст. 12 и 130 Конституции Российской Федерации.

Выводы. В статье доказывается, что конституционные поправки 2020 года и последующее законодательное регулирование приводят к трансформации местного самоуправления из самостоятельной формы народовластия в субрегиональный уровень публичной власти, интегрированный в общегосударственную управленческую вертикаль, что влечет за собой отход от его самостоятельности и порождает правовые коллизии.

Ключевые слова: местное самоуправление, публичная власть, Конституция Российской Федерации, конституционная реформа, вопросы местного значения, территориальная организация местного самоуправления, организационные основы местного самоуправления, федеральный закон, муниципальные образования, единая система публичной власти

Для цитирования: Пешин Н. Л. Реформа местного самоуправления в России 2025 года: переход к модели единой публичной власти // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 19–28. EDN TRPFGY

Original article

The 2025 local self-government reform in Russia: transition to a unified public power model

Nikolai L. Peshin

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
administrative@law.msu.ru, SPIN-code: 6491-8559, IstinaresearcherID (IRID): 394941,
ResearcherID: I-5270-2018, Scopus Author ID: 57192372152,
<https://orcid.org/0000-0001-5821-224X>

Abstract

Introduction. The current stage of Russia's constitutional development is characterized by the integration of local self-government into a unified system of public power. This process, initiated by the 2020 constitutional amendments, signifies a radical change in the principles of the original local self-government model established by the 1993 Constitution and generates significant scholarly and practical interest. The relevance of the study is due to the ongoing process of reforming municipal legislation, which culminated in the adoption of Federal Law No. 33-FZ dated March 20, 2025 "On the General Principles of Organizing local Self-Government in a unified system of public Authority."

Purpose. To conduct a comprehensive analysis of the constitutional and legislative innovations defining the new elements of the status of local self-government entities and to identify the systemic problems arising from this reform.

Materials and Methods. The methodological basis of the research comprises comparative legal and formal legal methods. The study analyzes the texts of the Constitution of the Russian Federation, federal legislation (including new Federal Law № 33 of March 20, 2025, "On the General Principles of Organizing Local Self-Government in the Unified System of Public Power"), as well as rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation. The theoretical foundation of the article is based on doctrinal provisions concerning the nature of municipal power.

Results. The article presents the author's perspective on key aspects of the reform, including the erosion of the constitutional category "issues of local significance" and the replacement of the territorial and organizational autonomy of local self-government with rigid state standards. Arguments are put forward supporting the thesis of the actual loss of local self-government's autonomous essence. The author's vision of the problem is presented as a systemic contradiction between the new model and the provisions of Articles 12 and 130 of the Constitution of the Russian Federation.

Conclusions. The article argues that the 2020 constitutional amendments and subsequent legislative regulation lead to the transformation of local self-government from an autonomous form of popular sovereignty into a sub-regional level of public power, integrated into the national governance vertical. This entails the abandonment of its autonomy and gives rise to legal conflicts.

Keywords: local self-government, public power, Constitution of the Russian Federation, constitutional reform, issues of local significance, territorial organization of local self-government, organizational foundations of local self-government, federal law, municipalities, unified system of public power

For citation: Peshin N.L. The 2025 local self-government reform in Russia: transition to a unified public power model. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):19–28 (In Russ.). EDN TRPFGY

Введение

Институт местного самоуправления в Российской Федерации (в очередной раз) переживает фундаментальную трансформацию, масштабы и последствия которой позволяют говорить о смене парадигмы в понимании его природы и предназначения. Если Конституция Российской Федерации 1993 г., следуя либерально-демократической традиции, закрепила его в качестве самостоятельной, отделенной от системы органов государственной власти формы народовластия (ст. 12), тем самым создав конституционный дуализм публичной власти, то ее новая редакция, возникшая в результате принятия Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹ (далее – поправки 2020 г.) радикально изменили этот подход, интегрировав местное самоуправление в единую систему публичной власти в Российской Федерации (см. ч. 3 ст. 132 Конституции Российской Федерации). Этот концептуальный поворот не является спонтанным или случайным; он стал закономерным итогом длительной доктринальной и практической эволюции.

На протяжении последних двух десятилетий в юридической науке и правоприменительной практике, особенно в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, происходил постепенный отход от концепции муниципальной власти как власти сугубо негосударственной, общественной или «общественно-государственной». Ей на смену пришел подход, акцентирующий её публичную природу, которая в интерпретации законодателя и правоприменителя все более сближается, а по сути – отождествляется с природой государственной, превращая местное самоуправление в де-факто продолжение государственного аппарата на местном уровне. Этот процесс отражает общемировую тенденцию, однако в российских условиях он приобретает гипертрофированные формы, ведущие к фактическому отрицанию автохтонной природы местного самоуправления как института, производного от воли и интересов местного сообщества, а не от делегации полномочий сверху.

Актуальность данного исследования обусловлена продолжающимся процессом реформирования муниципального законодательства, кульминацией которого стало принятие Федерального закона от 20 марта 2025 г. №33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»² (далее – ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»). Этот закон, призванный имплементировать конституционные новации, порождает ряд серьезных теоретических коллизий и практических проблем, касающихся самого существования местного самоуправления как автономного института. Неопределенность новых правовых конструкций, их потенциальная противоречивость как духу, так и отдельным буквальным положениям Конституции, а также практические риски чрезмерной централизации и бюрократизации местного управления делают научный анализ не только востребованным, но и необходимым для формирования адекватной правоприменительной практики и возможной последующей корректировки законодательства.

Целью настоящей статьи является комплексный анализ системных последствий произошедшего конституционного сдвига для ключевых, сущностных элементов местного самоуправления: его предметной самостоятельности (сферы ведения), территориальных и организационных основ. В работе выдвигается и обосновывается тезис о том, что текущая реформа ведет не к эволюционному развитию, а к качественной трансформации модели, сопряженной с фактической утратой конституционно закрепленной самостоятельности

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 16.03.2020. № 11. Ст. 1416.

² Собрание законодательства Российской Федерации. 24.03.2025. № 12. Ст. 1200.

местного самоуправления и его постепенной неизбежной трансформации в нижний, субрегиональный уровень государственной власти, который, в итоге, может оказаться лишенным собственной политической воли и субъектности.

Теоретические основы и методы исследования

Теоретический фундамент исследования составила совокупность доктринальных разработок в области конституционного, административного и муниципального права, отражающих эволюцию взглядов на природу местной власти. В их числе – классическая «теория свободной пашни», возникшая в российской правовой мысли XIX века и предлагавшая рассматривать коммунальную власть в качестве четвертой, самостоятельной ветви власти наряду с законодательной, исполнительной и судебной. Эта теория, хотя и не получившая практической реализации, важна как первая собственно российская попытка теоретического осмысления местного самоуправления, основанная на идее баланса и системы сдержек и противовесов между различными типами публичной власти. Ее историческая ценность подчеркивает, что сама идея негосударственной природы местной власти имеет глубокие корни в отечественной правовой традиции, что опровергает тезис об исключительно заимствованном, «вестернизированном» характере местного самоуправления в России.

Кроме того, при анализе современной природы местного самоуправления в Российской Федерации серьезный акцент делается на теорию дуализма муниципального управления, которая подчеркивает двойственную природу муниципальной власти: с одной стороны, местное самоуправление выступает в качестве института гражданского общества, с другой – как элемент публично-властного механизма, выполняющего, в том числе, отдельные государственные функции. Именно эта вторая составляющая в контексте реформы местного самоуправления 2020 – 2025 гг. выходит на первый план и становится доминирующей. Однако критический анализ показывает, что новый законодательный подход ведет не к сбалансированному дуализму местного самоуправления, а к поглощению его общественно-гражданской компоненты государственно-властной. В качестве дополнительной теоретической рамки автором использована концепция местного самоуправления как уровня публичной власти в ее современном российском конституционно-правовом прочтении, которое, как будет показано ниже, нивелирует качественные различия между властью государственной и властью муниципальной, сводя их к единому знаменателю в рамках построения интегрированной управленческой вертикали.

Методологическую основу исследования образуют, прежде всего, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Сравнительно-правовой метод позволил провести детальное сопоставление конституционных положений 1993 и 2020 гг., выявить содержащиеся в них концептуальные различия и проследить преемственность и новации в подходах к регулированию местного самоуправления. Этот метод применялся не только в историческом разрезе, но и для анализа последовательности изменений в федеральном законодательстве, предшествовавших принятию ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти». Формально-юридический метод был применен для анализа текстов нового ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» и действующего Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления»¹, а также для системного изучения правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, которые заложили основу для конституционных изменений. Особое внимание уделялось анализу юридической техники, используемой законодателем

¹ Собрание законодательства Российской Федерации, 06.10.2003. № 40. Ст. 3822.

для преодоления возникающих коллизий. Дополнительно использовался историко-правовой метод для понимания генезиса реформы и ее связи с предшествующими этапами развития местного самоуправления в России, начиная с земской реформы XIX века и заканчивая советской моделью местных Советов, чтобы выявить устойчивые паттерны в отношениях между центром и местной властью.

Анализ конституционно-правовых новаций и их последствий

1. Размывание предметной самостоятельности местного самоуправления

Ключевой категорией, традиционно определявшей сущность и границы самостоятельности местного самоуправления, выступали «вопросы местного значения» (ст. 130 Конституции Российской Федерации 1993 г.). Их самостоятельное решение населением непосредственно и через создаваемые им органы составляло конституционный императив и сердцевину концепции местного самоуправления. Данный подход предполагал наличие собственной, отделенной от государства сферы ответственности муниципалитетов, что и составляло материальную основу их самостоятельности. Четкое, детализированное закрепление этих вопросов в нормах Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» (глава 3) позволяло, несмотря на все недостатки, относительно ясно очертить поле деятельности муниципальной власти и служило правовым барьером на пути необоснованного вмешательства государственных органов в сферу деятельности органов местного самоуправления.

Новая редакция ст. 132 Конституции Российской Федерации, провозгласившая вхождение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти, создает фундаментальное концептуальное противоречие с этим исходным положением. Очевидно, что если строго следовать логике ст. 130 Конституции Российской Федерации и сохранять в законодательстве термин «вопросы местного значения» в его первоначальном понимании как сферы исключительного ведения муниципалитетов, то для систематического участия органов государственной власти в их решении не существует правового основания. Более того, согласно ст. 130 Конституции Российской Федерации, обеспечение самостоятельного решения этих вопросов населением является прерогативой исключительно местного самоуправления, что можно трактовать как конституционный запрет на подобное вмешательство.

Однако новая конституционная доктрина, развиваемая в ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», строится на идее совместного, интегрированного участия органов местного самоуправления и органов государственной власти субъектов Российской Федерации в решении задач обеспечения жизнедеятельности населения на соответствующей территории. Для преодоления указанного противоречия законодатель прибегает к «терминологической эквилибристике», которая, по сути, является способом легализации нового подхода без прямого изменения ст. 130 Конституции Российской Федерации. В статье 1 ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» дается сложная, намеренно размытая дефиниция, которая отождествляет «вопросы местного значения» с «вопросами непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения». При этом последние должны решаться «в пределах полномочий, предусмотренных... настоящим Федеральным законом, другими федеральными законами, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации»¹. Эта формулировка, по сути, растворяет конституционную категорию «вопросов местного значения» в более

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 24.03.2025. № 12. Ст. 1200.

широком и неопределенном понятии «вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности», круг которых и их содержание определяются уже не Конституцией Российской Федерации и не муниципальными правовыми актами муниципальных образований, а федеральным и региональным законодателем. Фактически, происходит подмена понятий: там, где раньше была собственная компетенция, теперь появляются «полномочия», перераспределенные сверху, что коренным образом меняет природу отношений государственной власти и местного самоуправления.

Усугубляет правовую неопределенность появление в тексте ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» новых, дополнительных понятий, таких как «задачи местного самоуправления» (ч. 7 ст. 1) и «задачи в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» (ч. 5 ст. 4) и других. Содержание этих «задач» законодательно не раскрывается, что создает широкие возможности для произвольного толкования и, как следствие, для расширительного вмешательства государственных органов в сферу компетенции местного самоуправления под видом «взаимодействия» и «повышения эффективности». Таким образом, предметная самостоятельность местного самоуправления, составлявшая его сущностный признак, подвергается системной эрозии через размывание и подмену его ключевых компетенционных категорий. Это создает ситуацию, когда у муниципальных образований формально есть вопросы для решения, но рамки и условия их решения, а также само содержание этих вопросов определяются извне, что лишает самостоятельность ее реального содержания.

2. Утрата территориальной и организационной самостоятельности

Интеграция органов местного самоуправления в единую систему публичной власти с неизбежностью влечет за собой унификацию и централизацию его основ, что наиболее наглядно проявляется в сферах территориального устройства и организации муниципальной власти. Эти сферы, будучи формой существования местного самоуправления, непосредственно определяют его способность быть реальным, а не фиктивным институтом.

Территориальная организация. Двухуровневая модель (поселения и муниципальные районы), закреплённая в нормах Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления» и основанная на принципе максимальной приближенности власти к населению, де-факто признана не соответствующей новой парадигме единой публичной власти. Она последовательно замещается одноуровневой системой городских и муниципальных округов. Такой переход аргументируется задачами повышения управленческой эффективности и оптимизации расходов, однако его глубинная логика соответствует скорее принципам построения (местного) государственного управления, нежели самоуправления. Крупные (или искусственно укрупненные) муниципальные образования, управляемые по единым стандартам, легче встраиваются в «вертикаль» единой публичной власти, но при этом дистанцируются от населения, утрачивая тот самый «местный» характер, который изначально составлял их *raison d'être* (фр., смысл существования). Пример: житель небольшого поселка, включенного в состав крупного муниципального округа, лишается возможности влиять на решение вопросов, которые непосредственно касаются его повседневной жизни, так как его голос растворяется в массе избирателей всего муниципального округа, а местная администрация физически и функционально удалена. Этот процесс ведет к деградации местной политической жизни, снижению гражданской активности и ответственности местного населения за самостоятельное решение вопросов местного значения, так как прямая связь между участием населения и результатами управления разрывается.

Организационные основы. Наиболее рельефно тенденция к огосударствлению проявляется в новом регулировании организационных основ местного самоуправления. Конституционный принцип, закрепленный в ч. 1 ст. 131 Конституции Российской Федерации, согласно которому «структура органов местного самоуправления определяется населением самостоятельно», был кардинально пересмотрен поправками 2020 г. В нее была добавлена ключевая оговорка: «в соответствии с общими принципами организации местного самоуправления, установленными федеральным законом». Эта, казалось бы, «техническая» поправка на деле изменила сам смысл конституционной нормы, превратив «самостоятельность» из права муниципального образования в обязанность следовать установленным сверху моделям.

ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» не просто устанавливает эти «общие принципы», а осуществляет исчерпывающее нормативное регулирование данного вопроса. Закон определяет:

1) виды «обязательных» органов местного самоуправления, которые должны создаваться в муниципальных образованиях (представительный орган муниципального образования, местная администрация), обязательно в структуру органов местного самоуправления включается и высшее муниципальное должностное лицо – глава муниципального образования;

2) все возможные варианты (модели) их формирования и наделения полномочиями;

3) взаимосвязи и порядок взаимодействия между этими органами.

По сути, местное самоуправление сохранило лишь право создавать (включать в структуру) «необязательные» органы местного самоуправления, которые, даже если и будут созданы, окажутся в «компетенционном вакууме», поскольку все публичные права и обязанности, реализуемые на муниципальном уровне, уже законодательно распределены между органами «обязательными».

Это детализированное регулирование оставляет крайне мало места для какого-либо усмотрения. При этом, что наиболее существенно, право выбора единственной допустимой модели структуры органов местного самоуправления для муниципальных образований на территории субъекта Российской Федерации фактически передано законодателю каждого субъекта Российской Федерации. Муниципальное образование лишается какой-либо реальной возможности предложить и закрепить в своем уставе иную, отличную от предписанной законом соответствующего субъекта Российской Федерации, структуру местных органов власти, которая, возможно, больше соответствовала бы его историческим, культурным или экономическим особенностям. Даже такой высший инструмент прямой демократии, как местный референдум, не может быть использован для решения этого вопроса, что прямо свидетельствует о переводе его из категории вопросов местного значения в разряд вопросов государственного значения.

Это означает, что и сам вопрос организации местной власти, который по своей природе является краеугольным камнем самоуправления, перестал быть «вопросом местного значения». Он перешел в разряд вопросов государственного регулирования, решаемых на федеральном и региональном уровнях. Такая практика ставит под серьезное сомнение возможность соблюдения как духа, так и буквы ст. 12 и 131 Конституции Российской Федерации, причем даже с учетом новой редакции, поскольку «самостоятельность» населения в данном контексте оказывается сведена к нулю. Фактически мы наблюдаем процесс конституционной «эрозии», когда формально провозглашенный конституционный принцип выхолащивается через детализирующее федеральное и региональное законодательство.

3. Перспективы местного самоуправления: от самоуправления к особому порядку осуществления местной государственной власти

Логическим завершением выявленной тенденции является новая норма, закрепленная в ч. 3 ст. 131 Конституции Российской Федерации. Она устанавливает, что «особенности осуществления публичной власти на территориях городов федерального значения, административных центров (столиц) субъектов Российской Федерации и на других территориях могут устанавливаться федеральным законом».

На первый взгляд, это еще одна «технологическая» норма, но на деле она приобретает глубокое концептуальное значение, так как создает конституционную основу для установления на отдельных, наиболее значимых территориях не просто «особенностей» осуществления местного самоуправления, а принципиально иного порядка – режима осуществления публичной власти, который может исключать традиционные институты местного самоуправления. Примером тому является Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ (в ред. от 27 октября 2025 г.) «О федеральной территории «Сириус»¹. Этот закон в соответствии с Конституцией Российской Федерации устанавливает правовые основы функционирования федеральной территории «Сириус», в том числе регулирует отношения, возникающие в связи с ее созданием, организацией деятельности органов публичной власти, а также с осуществлением экономической и иной деятельности в границах указанной территории. И согласно его положениям, местное самоуправление в федеральной территории «Сириус» осуществляется не через органы местного самоуправления, а через органы публичной власти федеральной территории «Сириус», «осуществляющие в том числе полномочия органов местного самоуправления городского округа (в том числе по решению вопросов местного значения городского округа), определенные Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», другими федеральными законами, если такие полномочия не переданы для осуществления органам местного самоуправления муниципального образования городского округ город-курорт Сочи Краснодарского края» (ч. 2 статьи 2 Федерального закона от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ (в ред. от 27 октября 2025 г.) «О федеральной территории «Сириус»).

То есть, по сути, указанная норма предусматривает возможность создания особой, как правило, напрямую подконтрольной государству, публичной власти *вместо* местного самоуправления на соответствующих территориях. Закрепление такой возможности непосредственно в главе Конституции, посвященной местному самоуправлению, является символическим: оно демонстрирует, что местное самоуправление более не рассматривается как универсальная и неизбежно самостоятельная форма организации власти на местах. Оно становится одной из возможных опций, которую можно заменить на более эффективную с точки зрения центральной власти модель, особенно на стратегически важных территориях.

Это красноречиво свидетельствует о том, что современное конституционное и законодательное регулирование в меньшей степени посвящено развитию и укреплению местного самоуправления как такового. В большей степени оно направлено на создание гибкого, централизованно управляемого механизма осуществления публичной власти на субрегиональном уровне, который может принимать как формы, внешне схожие с самоуправлением, так и собственно государственные формы управления в рамках единой публично-властной вертикали. Местное самоуправление в его классическом понимании становится не обязательным, а факультативным элементом этой системы, допустимым

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. 28.12.2020. № 52 (Часть I). Ст. 8583.

лишь там и постольку, где и поскольку это не противоречит интересам построения «единой системы публичной власти». Отметим при этом, что расширительное толкование категории «иные территории» открывает путь для распространения этого «особого порядка» на любые местности, которые федеральный законодатель сочтет нужным вывести из-под действия общего законодательства о местном самоуправлении, допустим, на территории с особым режимом хозяйственной деятельности (например, территории опережающего развития) или закрытые административно-территориальные образования.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать однозначный вывод о том, что конституционная реформа 2020 г. и ее законодательная имплементация в ФЗ-33 инициировали процесс не столько эволюционного развития, сколько глубокой, качественной трансформации российской модели местного самоуправления. Интеграция местного самоуправления в единую систему публичной власти, провозглашенная на уровне конституционных принципов, на практике приводит к его последовательной и всеобъемлющей ассимиляции государственной властью. Реформа затрагивает не просто отдельные аспекты, а самые существенные основы данного института, лишая его того, что составляло его специфику с точки зрения теории – самостоятельности, самоорганизации и связи с местным сообществом.

Этот процесс проявляется в нескольких системных изменениях:

1. В сфере компетенции: происходит размывание предметной самостоятельности через законодательную замену четкой конституционной категории «вопросов местного значения» неопределенными и широко трактуемыми «вопросами непосредственного обеспечения жизнедеятельности» и «задачами местного самоуправления», что открывает путь для прямого вмешательства государственных органов и превращает муниципалитеты из субъектов в объекты управления в рамках единой вертикали публичной власти.

2. В территориальной сфере: осуществляется отказ от двухуровневой модели, основанной на принципе близости власти к населению, в пользу крупных одноуровневых образований, более удобных для централизованного управления, но ослабляющих непосредственную связь власти с гражданами и приводящих к деградации местной общественно-политической жизни.

3. В организационной сфере: в определенной степени нивелируется конституционный принцип самостоятельного определения населением структуры своих органов, который заменяется жесткой, унифицированной системой выбора из предустановленных государством моделей, закрепляемой на уровне субъекта РФ. Это лишает муниципальные образования одного из ключевых атрибутов их самостоятельности – права на собственную организационную структуру.

Фактически, происходит стирание некогда четких граней между государственным управлением и местным самоуправлением. Глава 8 Конституции Российской Федерации, формально посвященная «местному самоуправлению», все в большей степени регулирует иные – государственно-властные – отношения, связанные с организацией власти на местах в рамках единой вертикали. Местное самоуправление рискует превратиться в пустую юридическую фикцию, в своего рода «оболочку», под которой скрывается децентрализованная структура государственного управления.

Дальнейшее развитие муниципальной реформы требует от законодателя, научного общества и общества в целом четкого и честного ответа на фундаментальный вопрос: сохраняется ли в России местное самоуправление как автономный институт публичной власти, производный от воли местного сообщества, или же оно окончательно и бесповоротно

трансформируется в местный, субрегиональный уровень государственной власти, интегрированный в общефедеральную управленческую иерархию? Текущий вектор реформы, как демонстрирует анализ, указывает на второй вариант, что знаменует собой отход от одной из базовых демократических ценностей, заложенных в Конституции 1993 г. Последствия этого выбора для гражданского общества, качества управления и развития демократических институтов в стране еще предстоит осмыслить и оценить в полной мере.

Информация об авторе

Н. Л. Пешин – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного права юридического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова.

Information about the author

N. L. Peshin –Dr. Sci (Law), Professor, Head of the Department of Administrative Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 16.01.2026; принята к публикации 23.01.2026.

The article was submitted 27.11.2025; approved after reviewing 16.01.2026; accepted for publication 23.01.2026.

Проблемы совершенствования местного самоуправления в системе публичной власти современной России

Научная статья
УДК 34+352+352.075
EDN SZWLTY

Муниципальная реформа 2021–2025 гг.: организационно-правовые аспекты

Роман Андреевич Алексеев^{1, 2}

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Москва, Россия

²Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Россия

Alekseev.r555@mail.ru, SPIN-код: 5744-9221, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

Аннотация

Введение. Развитие института местного самоуправления в России неоднократно видоизменялось, что объясняется как совершенствованием норм отечественного законодательства, так и изменениями в области социально-экономического, политического, историко-культурного контекста. Очередной виток преобразований в муниципальной сфере был инициирован в 2021 г. в ходе разработки законопроекта, направленного на приведение законодательства о муниципальной власти в соответствие с обновлениями в ходе конституционной реформы 2020 г.

Цель. Комплексная оценка проводимой в Российской Федерации муниципальной реформы 2021–2025 гг., её организационно-правовых аспектов; изучение и характеристика действующих коллизионных норм, вступивших (с 19 июня 2025 г.) и вступающих в юридическую силу в отсроченной перспективе (с 1 января 2027 г.).

Методы. Исследование основывается как на общенаучных методах диалектики, анализе и синтезе, аналогии и моделировании, так и на частноправовых методах юридической компаративистики, формально-правовом и толкования, на основании которых были изучены и проанализированы в эволюционном единстве и взаимосвязи институт местного самоуправления и проводимая муниципальная реформа.

Результаты. Дается научно-обоснованная оценка проводимой с 2021 г. вплоть по настоящее время муниципальной реформе, инициированной федеральными органами публичной власти, направленной на интеграцию муниципальной власти в систему единой публичной власти в соответствии с обновленными в ходе конституционной реформы 2020 г. положениями, регламентирующими институт местного самоуправления в Российской Федерации. В сравнительно-правовом ключе сопоставляются основные правовые предписания, содержащиеся в Федеральном законе от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и Федеральном законе от 20.03.2025 № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», для выявления отличительных особенностей и общих черт, оценки новаций законодательства, их официального толкования и перспектив будущей правоприменительной практики.

Выводы. В результате исследования оснований и динамики проводимой с 2021 г. муниципальной реформы, завершившейся принятием и вступлением в силу летом 2025 г. нового закона, регулирующего порядок функционирования института местного самоуправления, приходим к выводу, что её результативность зависит не в последнюю очередь от учёта потребностей и запросов населения муниципальных образований, стабилизации и повышения качества взаимодействия трёх уровней публичной власти, транспарентности функционирования системы органов местного самоуправления, их подотчётности не только вышестоящим органам государственной власти, но и населению муниципалитетов, с которым органы местных сообществ напрямую контактируют без посредников. Передача части полномочий с муниципального

на региональный уровень в недалекой перспективе может нивелировать самоценность местного самоуправления, одновременно с этим появляются новые перспективы при реализации совместных проектов различных уровней публичной власти в случае конструктивного равноправного диалога между ними. Выделяются и проблемные аспекты нового закона, например, отказ от таких форм непосредственной (т.е. прямой) демократии, применявшихся ранее, как правотворческая инициатива граждан муниципалитетов и институт отзыва депутатов (и иных выборных лиц местного самоуправления), отсутствие в тексте нового закона статьи с глоссарием основных терминов, разъясняющих ключевые дефиниции, используемые в законе. Вносятся предложения, направленные на устранение указанных пробелов в законодательстве.

Ключевые слова: местное самоуправление, муниципальная реформа, организационные основы местного самоуправления, единая система публичной власти, представительный орган, глава муниципального образования, вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, региональные органы власти, местные сообщества

Для цитирования: Алексеев Р. А. Муниципальная реформа 2021–2025 гг.: организационно-правовые аспекты // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 29–42. EDN SZWLTY

Original article

Municipal reform 2021–2025: organizational and legal aspects

Roman A. Alekseev

¹Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

²Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia

Alekseev.r555@mail.ru, SPIN-code: 5744-9221, <https://orcid.org/0000-0001-7271-0229>

Abstract

Introduction. The development of the institute of local self-government in Russia has been repeatedly modified, which is explained both by the improvement of the norms of domestic legislation and by changes in the socio-economic, political, historical and cultural context. Another round of transformations in the municipal sphere was initiated in 2021 during the development of a draft law aimed at bringing legislation on municipal government in line with the updates during the constitutional reform of 2020.

Purpose. A comprehensive assessment of the ongoing municipal reform in the Russian Federation in 2021-2025, its organizational and legal aspects, the study and characterization of existing conflict-of-laws regulations that entered into force (from June 19, 2025) and enter into force in the long term (from January 1, 2027).

Methods. The research is based on both general scientific methods of dialectics, analysis and synthesis, analogy and modeling, as well as private law methods of comparative law, formal law and interpretation, on the basis of which the institution of local self-government and the ongoing municipal reform were studied and analyzed in evolutionary unity and interrelation.

Results. A scientifically based assessment is given of the municipal reform initiated by federal public authorities from 2021 to the present, aimed at integrating municipal government into the system of unified public authority in accordance with the provisions governing the institution of local self-government in the Russian Federation updated during the constitutional reform of 2020. In a comparative legal perspective, the main legal prescriptions contained in Federal Law № 131 dated 06.10.2003 "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Russian Federation" and Federal Law № 33 dated 25.03.2025 "On General Principles of the Organization of Local Self-Government in the Unified System of Public Authority" are compared in order to identify distinctive features and common features, assessment of legislative innovations, their official interpretation, and prospects for future law enforcement practice.

Conclusions. As a result of the study of the foundations and dynamics of the municipal reform carried out since 2021, which ended with the adoption and entry into force in the summer of 2025. According to the new law regulating the functioning of the institution of local self-government, we conclude

that its effectiveness depends not least on taking into account the needs and requests of the population of municipalities, stabilizing and improving the quality of interaction between the three levels of public authority, transparency in the functioning of the system of local self-government bodies, and their accountability not only to higher government authorities, but also to the population of municipalities. which local community authorities contact directly without intermediaries. In the near future, the transfer of some powers from the municipal to the regional level may negate the intrinsic value of local self-government, while at the same time new prospects appear for the implementation of joint projects at various levels of public authority in the case of a constructive equal dialogue between them. Problematic aspects of the new law are also highlighted, such as the rejection of such forms of direct (i.e. direct) democracy, previously used as a law-making initiative of citizens of municipalities and the institution of recall of deputies (and other elected officials of local government), the absence in the text of the new law of an article with a glossary of basic terms explaining the key definitions used in the law. Proposals are being made to address these gaps in legislation.

Keywords: local self-government, municipal reform, organizational foundations of local self-government, unified system of public authority, representative body, head of municipal formation, issues of direct provision of vital activity of the population, regional authorities, local communities

For citation: Alekseev R.A. Municipal reform 2021–2025: organizational and legal aspects. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):29–42. (In Russ.). EDN SZWLTY

Введение

Развитие института местного самоуправления в России неоднократно видоизменялось, что объясняется как совершенствованием норм отечественного законодательства, так и изменениями в области социально-экономического, политического, историко-культурного контекста. Очередной виток преобразований в муниципальной сфере был инициирован в 2021 г. в ходе разработки законопроекта (по инициативе председателей комитетов по госстроительству обеих палат Федерального Собрания РФ А. А. Клишаса и П. В. Крашенинникова), направленного на приведение законодательства о муниципальной власти в соответствии с обновленными в ходе конституционной реформы 2020 г. [1, с. 55] предписаниями главы восьмой Основного закона о единой системе публичной власти, включающей в себя наряду с органами госвласти и муниципальные органы (сохранив при этом требование ст. 12 Конституции РФ об их невхождении в состав органов государственной власти и самостоятельности в пределах своих полномочий) [2, с. 26].

При, казалось бы, не особенно полемичном прохождении законопроекта «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в ходе первого чтения в Государственной Думе в конце января 2022 г., неоднократно был пролонгирован срок представления в профильный комитет нижней палаты российского парламента поправок к нему, а запланированному на середину декабря 2024 г. обсуждению выше обозначенного законопроекта во втором думском чтении так и не суждено было состояться. Это объясняется рядом причин, таких как несогласие с рядом ключевых положений законопроекта региональных органов власти национальных республик (например, Госсовет республики Татарстан высказал позицию о нежелании перехода от двухуровневой к одноуровневой модели территориальной модели местного самоуправления), так и не проработанностью ряда предписаний, содержащихся в представленном законопроекте. В результате второе и третье чтения законопроекта с учетом замечаний, высказанных высшими должностными лицами региональных органов власти республики Татарстан, были отложены до 2025 г., а также отсрочка рассмотрения была поддержана спикером нижней палаты Федерального Собрания РФ В. В. Володиным¹.

На начало 2025 г. с учётом мнения региональных парламентов национальных республик был подготовлен проект, включивший свыше шестидесяти поправок (особое место

¹ Как началась и закончилась в Госдуме дискуссия о реформе МСУ. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/12/12/1080967-volodin-obosnoval-perenos-reformi> (дата обращения: 24.12.2025).

заняла поправка, позволяющая регионам самостоятельно определять территориальную модель местного самоуправления с учётом исторических, национальных, социально-экономических и иных особенностей субъекта РФ), которые были одобрены профильным комитетом (по государственному строительству) Государственной Думы зимой 2025 г. Весной того же года окончательный вариант вышеуказанного федерального закона был принят Государственной Думой, одобрен Советом Федерации и подписан главой государства, а в июне 2025 г. вступил в юридическую силу за исключением ряда статей, касающихся полномочий местного самоуправления и муниципального контроля, которые могут быть реализованы на практике с 1 января 2027 г.

В переходный период (с 19 июня 2025 г. по 1 января 2027 г.) будут действовать отдельные положения Федерального закона от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ»¹, касающиеся различных видов муниципальных образований и их полномочий, однако, в случае разработки и принятия ими новых муниципальных нормативных актов, их содержание не должно идти вразрез с новым Федеральным законом от 20.03.2025 № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»². Таким образом, в переходный период в правоприменительной практике должен будет действовать принцип «двойного соответствия» действующих и принимаемых норм муниципального права как ФЗ № 33, так и ФЗ № 131, что может вызвать сложности (коллизии в ходе правоприменительной практики, когда нормы, содержащиеся в новом законе образуют т.н. «обязательную рамку», а часть норм ФЗ № 131, относящихся к полномочиям отдельных видов муниципалитетов, сохранят на переходный период свою юридическую силу и будут действовать вплоть до 1 января 2027 г.) в использовании правовых норм, содержащихся в вышеуказанных нормативных актах.

Материалы и методы

Исследование базируется на нормах отечественного конституционного и муниципального законодательства и официальных юридических комментариях к ним. В ходе проведения исследования применялся комплексный подход, включающий в себя как общенаучные методы (диалектика, синтез и анализ, аналогия и моделирование, позволившие рассмотреть систему местного самоуправления и проводимые в стране реформы в единстве и взаимосвязи с точки зрения их эволюции), так и частноправовые методы – метод юридической компаративистики (на основе которого были сопоставлены основные положения двух базовых нормативных актов, ранее действовавшего, а в ряде положений сохранившего своё действие на весь переходный период, т.е. вплоть до 1 января 2027 г., ФЗ № 131 и вступившего в юридическую силу с 19 июня 2025 г. нового ФЗ № 33, регулирующих муниципальные правоотношения, а также выявлены положительные и негативные аспекты вышеобозначенных нормативных актов), формально-правовой и метод толкования (была проведена систематизация, структурирование и анализ правовых норм, содержащихся в Конституции РФ, ФЗ № 33 и ФЗ № 131, рассмотрено их официальное толкование и дана развернутая характеристика в контексте проводимой муниципальной реформы).

Обзор научной литературы

Проведённое исследование в теоретическом плане опирается на работы российских учёных, исследующих в своих трудах как общие основы местного самоуправления, так и различные вопросы, касающиеся динамики его развития в отечественной истории, характеристики системы местного самоуправления, его организационно-правовых, финансовых

¹ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» (ред. от 20.03.2025 № 33-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 06.10.2003, № 40, ст. 3822.

² Федеральный закон от 20.03.2025 № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Собрание законодательства РФ, 24.03.2025, № 12, ст. 1200.

(экономических), территориальных и нормативно-правовых основ, изучающие отдельные вопросы порядка и условий поступления и прохождения муниципальной службы, классификации муниципальных должностей, этапов реформирования местного самоуправления в постсоветской и современной России. Среди работ, внесших весомый вклад в изучение отечественного местного самоуправления на различных этапах его становления и развития, можно выделить научные работы таких авторов, как: П. А. Астафичев [3; 4], П. П. Баранов [1; 5; 6], О. А. Кожевников [7; 8], М. Ю. Мартынов [9; 10], Т. Н. Михеева и Д. С. Михеев [11], С. В. Михнева и И. П. Михнев [12], А. Ю. Шутов [13; 14], А. А. Шахов [15] и других учёных [16–21].

Несмотря на относительно недолгий срок действия нового ФЗ № 33, принятого Государственной Думой 20 марта 2025 года, эксперты в области местного самоуправления и муниципального права высказали свои позиции относительно как позитивных, так и негативных аспектов, касающихся основных положений вышеобозначенного нормативного акта. По мнению известного российского учёного, профессора Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева – Кожевникова О. А., пришедший на смену ФЗ № 131 закон не лишен серьёзных проблемных аспектов и недостатков, т.к. использование в нём новой дефиниции «местного самоуправления» способствует углублению наметившегося ещё на уровне подготовки законопроекта отстранения населения местных сообществ от непосредственного (т.е. прямого) участия в решении вопросов местного значения (в соответствии с ФЗ № 33 замененного дефиницией – «вопросы непосредственного жизнеобеспечения населения») [22, с. 9]. Нельзя не согласиться с высказанным мнением, что не стоит отказываться от отечественного опыта, накопленного за период более чем тридцатилетнего продуктивного развития местного самоуправления (основы которого были заложены федеральными законами 1991 и 1995 гг. о местном самоуправлении), как одной из полноценных форм народовластия, реализуемого на муниципальном уровне.

О проблемных аспектах реформы местного самоуправления, начавшихся задолго до принятия ФЗ № 33, в своих научных изысканиях упоминает и заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор юридических наук П. П. Баранов. Он акцентирует внимание на проблемах, которые могут возникнуть в ходе интеграции муниципальной власти в систему единой публичной власти при сохранении незыблемого положения ст. 12 Основного закона (одной из базовых основ конституционного строя), предусматривающего не включение органов местного самоуправления в систему органов госвласти с сохранением самостоятельности института местного самоуправления в пределах реализуемых им на основании конституционных предписаний полномочий [1, с. 61].

Несколько иной позиции относительно вышеуказанной проблематики придерживаются правоведа из Марийского государственного университета Т. Н. Михеева и Д. С. Михеев, подчеркивающие, что в ходе конституционной реформы 2020 г. и последующих изменений в тексте Основного закона, местное самоуправление было органично включено в систему единой публичной власти (апеллируя к решению, вынесенному Постановлением Конституционного суда РФ в 1997 г.¹ о признании местного самоуправления в качестве одного из уровней публичной власти, а также ошибочности сформировавшейся за период с 1990-х гг. – вплоть по 2020 гг. в научной доктрине позиции относительно полной независимости органов местного самоуправления от органов государственной власти, которые на практике выступают двумя уровнями единой публичной власти). На их взгляд, в ходе муниципальной реформы 2025 г. у государственных органов появилось закрепленное законодательно (на федеральном уровне) полномочие принимать участие в назначении

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 24.01.1997 N 1-П «По делу о проверке конституционности Закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года "О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике"» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. №1.

и освобождении на должности муниципальных должностных лиц, что, с одной стороны, свидетельствует о реализации конституционных предписаний о включении муниципальной власти в единую систему публичной власти, а с другой – не исключает со стороны региональных органов власти рисков субъективного подхода при назначении либо отстранении от должности муниципальных должностных лиц [11, с. 52].

В проведенном коллективном компаративистском исследовании А. В. Кудрявцева, А. В. Каляшина и других авторов процесс реформирования МСУ рассматривается в свете конституционной реформы 2020 г. и ряда принятых для конкретизации и детализации её обновленных положений нормативно-правовых актов, касающихся системы единой публичной власти в Российской Федерации. Авторы полагают, что результативность и практическая польза проводимой муниципальной реформы не в последнюю очередь будут зависеть от толкования субъектами государственно-правовых и муниципальных правоотношений норм нового закона о местном самоуправлении и последующей за этим правоприменительной практики [19, с. 122].

Представленное в обзоре научной литературы краткое изложение позиций представителей научного сообщества о проводимой муниципальной реформе 2025 г., причинах её вызвавших и предполагаемых результатах и последствиях, не претендует на всеобъемлющую исчерпанность, однако, наглядно демонстрирует то обстоятельство, что в научном юридическом сообществе не сложилось единой позиции относительно проводимых изменений в области отечественной системы местного самоуправления. Однако изучение муниципальной реформы 2021–2025 гг., её организационно-правовых особенностей с точки зрения сравнения ключевых правовых предписаний ФЗ № 33 и ФЗ № 131 ранее не осуществлялось, что подтверждает актуальность проведённого исследования.

Результаты исследования

В сравнительном ключе попробуем проанализировать основные положения Федерального закона от 20.03.2025 № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», сопоставив их с ранее действовавшими нормативными предписаниями, (а статьи с 14 по 18 Федерального закона от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» продолжающими действовать вплоть до 1 января 2027 г.) на предмет новаций законодательства, регулирующих деятельность местных сообществ.

Принятый весной 2025 г. закон затронул практически все базовые основы местного самоуправления, от территориальных до организационных. Изменилась, пусть и некардинальным образом, его структура, поменялось и само определение «местного самоуправления», которое стало трактоваться как «самоорганизация граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» (ст. 1) вместо устоявшейся в общественном сознании и законодательной трактовке формулировки, которая предлагала рассматривать местное самоуправление как форму реализации народом самостоятельно и под свою ответственность (с соблюдением своих интересов) власти на территории соответствующих муниципальных образований, с учётом исторических и иных местных традиций.

Если на основании положений ФЗ от 06.10.2003 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» за всеми видами муниципалитетов (городских округов, сельских и городских поселений, муниципальных районов и т.д.) закреплялись отдельные виды полномочий, то в соответствии с ФЗ от 20.03.2025 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» для всех видов муниципалитетов устанавливаются единые полномочия, названные законодателем «вопросами непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», которые были разделены

на несколько групп: 1) вопросы по обеспечению жизнедеятельности жителей муниципалитета, на которые не распространяется юрисдикция региональной (равно как и федеральной) власти, к которым были отнесены следующие вопросы – принятие устава, его изменение и отмена действия, муниципальный бюджет, местные сборы и налоги и иные вопросы, которые решаются на уровне местных сообществ (ч. 1, ст. 32 ФЗ № 33); 2) вопросы, которые соответствующий субъект РФ (на территории которого дислоцируются муниципальные образования) может забрать себе (например, такие жизненно важные вопросы, как сфера образования и здравоохранения, жилищно-коммунальное хозяйство и благоустройство муниципалитета и т.д. – ч. 2, ст. 32 ФЗ № 33); 3) вопросы, решение которых регион может делегировать муниципалитету с обеспечением организационно-финансовой базы (строительство дорог, утилизация мусора, мероприятия по охране природной среды и т.д. – ч. 3 ст. 32 ФЗ № 33).

В Федеральном законе от 20.03.2025 № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» в ст. 92 указывается, что полномочия муниципальных органов, направленные на решение вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения, могут уточняться (т.е. конкретизироваться) в федеральном законодательстве при условии недопущения возложения на муниципалитеты дополнительных расходных обязательств (направленных на разрешение вышеобозначенных обязательств). В случае введения на территории всей страны (либо в отдельно взятых регионах) особого правового режима (например, военного положения), если органы местного самоуправления не могут быть сформированы или отсутствуют, отдельные их полномочия могут быть реализованы (вплоть до их создания) соответствующими региональными органами госвласти (ст. 92), что является вполне рациональным предписанием.

На основании предписаний нового закона предусматривается ликвидация двухуровневой системы муниципальных образований (т.е. отказ от модели «район-поселение»). В тексте ФЗ №33 законодатель сохранил всего лишь три (из восьми, предусматривавшихся в тексте ФЗ № 131) вида муниципалитетов: внутригородские муниципальные образования городов федерального значения (ранее называемые внутригородскими территориями городов федерального значения), городские и муниципальные округа (которые становятся наиболее распространенными и рекомендуемыми федеральным законодателем видами муниципальных образований). Данная новация законодательства направлена на укрупнение муниципалитетов в рамках всего государства. Одновременно с этим, законодательством (ст. 89 ФЗ № 33) предусматривается возможность для регионов, обладающих отличительными особенностями в области исторического, национального, социально-экономического развития и т.д., сохранения двухуровневой системы местного самоуправления, включающей в себя муниципальные районы и городские, либо сельские поселения.

По сравнению с ФЗ №131 был видоизменен и порядок изменения границ муниципалитетов, для реализации этой процедуры ранее требовалось согласование с населением, проживающим на их территории. Тогда как в соответствии с нормами нового закона данная процедура реализуется хоть и с учётом мнения граждан, проживающих на территории конкретного муниципального образования, однако, на основании регионального закона (через проведение соответствующим представительным органом публичных слушаний), тогда как ранее данная процедура была возможна лишь с помощью проведения местного референдума по данному вопросу. Таким образом процедура прямого волеизъявления жителей муниципального образования (т.е. одна из форм непосредственной демократии) заменяется решением, принимаемым законодательными органами власти регионального масштаба с учётом мнения муниципалитета (одной из разновидностей форм демократии – представительной).

Новый закон затронул и организационно-правовые основы местного самоуправления касательно процедуры избрания на должность главы муниципального образования, наряду с его избранием путём прямых выборов гражданами, постоянно проживающими на территории соответствующего муниципалитета или избранием представительным органом из своего состава, либо из числа представленных конкурсной комиссией кандидатов, появился ещё один способ – избрание представительным органом из числа кандидатов (т.е. не менее двух потенциальных претендентов на занимаемую должность – ч. 7 ст. 19), предложенных высшим должностным лицом субъекта РФ, в состав которого включено данное муниципальное образование (ч. 2 ст. 19 ФЗ № 33), что свидетельствует о наделении региональных органов власти (в лице высшего должностного лица субъекта РФ) дополнительными полномочиями в ходе формирования муниципальных органов власти.

В соответствии с ч. 3 ст. 19 Федерального закона от 20.03.2025 № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» глава муниципалитета не обладает правом (как было в соответствии с ФЗ № 131) одновременно занимать должности председателя представительного органа и главы муниципалитета (ч. 16 ст. 19 ФЗ № 33), либо сохранить за собой депутатский мандат местного совета депутатов. Однако, вплоть до 1 января 2027 г. (т.е. в переходный период), данные ограничения применяться не будут. Исключения из правила невозможности совмещения должности главы муниципалитета и председателя (депутата) представительного органа предусматриваются новым законом для внутригородских территорий (т.е. муниципалитетов) городов федерального значения, уставом которых может быть разрешено совмещение данных должностей одним лицом.

Если на основании положений ФЗ № 131 глава муниципалитета мог одновременно с занятием этой должности занимать должность не только спикера (т.е. председателя) местного совета депутатов, но и главы исполнительно-распорядительного органа (т.е. главы местной администрации), то на основании нового закона совмещение должности главы муниципального образования и главы местной администрации допускается лишь, если это предусматривается не только уставом муниципального образования, но и соответствующим законом субъекта РФ, что наглядно свидетельствует об усилении роли законодательных и исполнительно-распорядительных инстанций регионального уровня в делах местных сообществ.

Новым законом устанавливается единый срок полномочий в пять лет, как для выборных органов, так и для должностных лиц муниципальных образований (ст. 4 ФЗ № 33), тогда как в соответствии с ФЗ № 131 данные сроки могли устанавливаться уставом муниципального образования (не менее 2-х и не более 5 лет соответственно). Данная новация муниципального законодательства (прежде всего в отношении органов и должностных лиц местного самоуправления, избираемых путём прямого голосования) объясняется разработчиками закона учётом и структурированием при планировании электоральных циклов (унификацией избирательных процедур и практик, экономией бюджетных средств при проведении муниципальных выборов).

Были дополнены условия, предусмотренные в отношении оснований и процедуры отстранения от должности главы муниципалитета (ст. 21 ФЗ № 33) по инициативе главы региона, либо в связи с утратой доверия главы государства (данные основания не предусматривались нормами ФЗ № 131). В качестве таких оснований новым законом предусматриваются следующие: недобросовестное исполнение главой муниципалитета своих должностных обязанностей (в этом случае решение о его отстранении от должности принимается местным советом депутатов с учётом мнения главы региона в срок, не ранее чем по истечении года после его вступления в должность), в том случае, если вышеобозначенная

процедура (предложение высшего должностного лица субъекта РФ об отстранении от должности главы муниципального образования) проводится повторно и при этом представительный орган оба раза отклоняет предложение главы региона, то процедура отстранения его от должности может быть реализована с учётом мнения совета образований муниципалитетов, входящих в состав субъекта РФ (однако лишь по истечении двух лет нахождения в должности главы муниципалитета).

Из текста нового закона были исключены такие формы участия населения в решение вопросов местного значения (ст. 42-51 ФЗ № 33) как правотворческая инициатива граждан и голосование по отзыву депутата представительного органа, что купирует права граждан при реализации форм непосредственной (т.е. прямой) демократии на муниципальном уровне. Данная мера объясняется законодателем относительно невысокой осведомленностью и правовой грамотностью избирателей муниципалитетов с небольшой численностью населения и не востребованностью данных форм участия граждан в делах местных сообществ. Одновременно с этим в новом законе был повышен до 18 лет возрастной ценз (на основании ФЗ № 131 он составлял 16 лет) для участия в инициативных группах, реализующих инициативные проекты, имеющие приоритетное значение для муниципалитетов и реализуемые через местную администрацию или территориальное местное самоуправление (ч. 3 ст. 49 ФЗ № 33), а также для участия в публичных слушаниях и деятельности территориального общественного самоуправления.

В ст. 42 ФЗ от 20.03.2025 № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» осуществлено чёткое разграничение ключевых форм участия населения в делах муниципалитетов. В первую группу, названную федеральным законодателем «непосредственным осуществлением населением местного самоуправления», отнесены сходы граждан, местные референдумы и муниципальные выборы. Тогда как ко второй группе, получившей наименование «формы участия населения в реализации местного самоуправления», законодатель относит территориальное общественное самоуправление, инициативные проекты, собрания граждан, участие старосты сельского населенного пункта, общественные обсуждения и иные формы, предусмотренные обновленным законодательством. В законе содержится упоминание о том, что данный перечень не носит исчерпывающий характер, т.е. могут быть реализованы и иные формы участия населения при решении вопросов, относящихся к жизни местных сообществ, не запрещенные законодательно.

Пристальное внимание уделено в новом законе антикоррупционным нормам (ст. 28–30 ФЗ № 33), т.е. мерам, направленным на противодействие коррупции (среди которых законодательно закрепляются проверка полноты и достоверности представленных муниципальными должностными лицами сведений об имеющемся имуществе и обязательствах имущественного характера, расходах, доходах и т.д.), с помощью ужесточения требований и применяемых в отношении их различных видов юридической ответственности (административной и уголовной), позволяющих применять меры принудительного характера вплоть до отстранения от должности за коррупционные правонарушения.

Выводы

Резюмируя итоги проведенного исследования стоит отметить, что предложенная федеральным законодателем новая модель местного самоуправления символизирует завершение более чем двадцатилетнего периода действия Федерального закона от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ» и наступление нового витка реформирования функционирования местных сообществ в соответствии с конституционными положениями о единой системе публичной власти (на основе конституционных поправок 2020 г. в 8 главу Основного закона), направленных на интеграцию

муниципальной власти в единую «властную вертикаль»¹ (т.е. включение органов местного самоуправления в единую систему публичной власти наряду с федеральной и региональной властью).

Успех реализации данной реформы на практике зависит от учёта потребностей и запросов населения муниципальных образований, стабилизации и повышения качества взаимодействия трёх уровней публичной власти, профессионализма функционирования системы органов местного самоуправления, их подотчётности не только вышестоящим органам власти (региональным и федеральным), но и ключевому суверену (на основании ст. 3 Конституции РФ) – многонациональному российскому народу, с которым органы местных сообществ напрямую контактируют без посредников. Делегирование федеральным законодателем с муниципального на региональный уровень части полномочий в недалеком будущем чревато обесцениваем местного самоуправления как самостоятельного института (даже в случае успешной реализации на местах данной модели), одновременно с этим появляются новые перспективы при реализации совместных проектов различных уровней публичной власти в случае конструктивного равноправного диалога между ними, умении слышать друг друга и учитывать интересы оппонента, в приоритетном порядке учитывать интересы населения муниципалитетов, чтобы повысить доверие к низовому уровню публичной власти.

Стоит обратить внимание и на проблемные аспекты нового закона, такие как отсутствие в нём формально (т.е. юридически) закреплённых положений, разъясняющих применяемую в его тексте терминологию, как было в ФЗ № 131 (т.н. глоссарий содержался в ст. 2, в которой фиксировались и разъяснились ключевые дефиниции, применяемые в тексте закона – «депутат», «органы местного самоуправления», «должностное лицо», «городской округ», «муниципальное образование» и т.д.), что может негативно сказаться в ходе правоприменительной практики правовых норм, содержащихся в новом законе, отразиться в их неопределённости. В связи с этим предлагается дополнить текст нового закона статьёй 1.1. «Терминология и основные понятия», в которой будут сформулированы и детализированы применяющиеся в нём ключевые термины, как использующиеся ранее, так и новые (например, такие как – «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения», «городской округ», «депутат представительного органа местного самоуправления», «фракции в представительном органе местного самоуправления» и т.д.).

В силу того, что в тексте нового закона не получили юридического закрепления такие формы непосредственной (т.е. прямой) демократии (т.е. участия граждан в делах местного сообщества), как отзыв депутата (иных должностных лиц) муниципального образования и правотворческая инициатива, предлагается заменить данные формы аналогичными формами народовластия. В качестве альтернативы можно предложить положительно зарекомендовавшую себя в советский период практику обязательных наказов избирателей народным депутатам, в случае неисполнения, которых они могли быть отстранены от занимаемой должности по инициативе избирателей (данную норму можно внести в текст ФЗ № 33, дополнив его ст. 44.1 – «Наказы избирателей депутатам представительного органа местного самоуправления и ответственность за их неисполнение», либо закрепить в качестве обязательной в нормах регионального законодательства с последующим закреплением в текстах уставов муниципальных образований).

Аннулированную из нового текста норму о правотворческой инициативе граждан муниципальных образований можно заменить статьёй 49.1 «Участие граждан в обсуждении

¹ Муниципальная реформа: как новый закон повлияет на жизнь регионов и местной власти. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/ia/opinion/author/alimov_emil/1804356/ (дата обращения: 27.12.2025).

муниципальных правовых актов» (логически дополняющей ст. 49 об инициативных проектах) с закреплением права для дееспособных лиц (обладающих активным избирательным правом), проживающих на постоянной основе на территории соответствующего муниципалитета, в случае создания ими инициативной группы, насчитывающей не менее 3 % от общего числа зарегистрированных на территории муниципалитета избирателей, возможности принимать участие в «нулевых чтениях» в обсуждении проектов муниципальных правовых актов, затрагивающих «вопросы непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения» муниципального образования с обязательным учётом высказанного ими мнения при их принятии.

Рекомендуется внести в Федеральный закон от 20.03.2025 № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» соответствующие правовые нормы, регламентирующие порядок и условия цифровизации функционирования системы органов местного самоуправления (дополнив текст закона ст. 13.1 «Цифровое обеспечение деятельности органов местного самоуправления», в которой можно будет детально регламентировать процедуру апробации и последующего внедрения в систему муниципального управления цифровых технологий, их организационно-правовое и финансовое обеспечение со стороны вышестоящих органов государственной власти) возможность для жителей муниципальных образований, обладающих активным избирательным правом, принимать участие в электронных референдумах (которые позитивно зарекомендовали себя в качестве одной из форм непосредственной демократии на региональном уровне в Москве, Екатеринбурге, Московской области, Липецке и т.д. [21, с. 3107]) с установлением обязательности (а не факультативности) полученных результатов и законодательным закреплением соответствующих положений в статье 43.1. ФЗ № 33 («Электронный референдум: порядок и условия проведения»), с последующей рецепцией в нормах регионального и муниципального законодательства.

Список источников

1. Баранов П. П. Реформирование местного самоуправления в свете его интеграции в систему публичной власти Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 3. С. 53–62. EDN: XOLLHO.
2. Алексеев Р. А. Конституция Российской Федерации: история поправок // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2021. № 1. С. 8–31. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-1-1058>. EDN: DJXVIG.
3. Астафичев П. А. Местное самоуправление в современной России: проблемы соотношения самостоятельности и конституционно-правовых ограничений // Журнал Конституционного правосудия. 2018. № 5. С. 26–33. EDN: VAQGPV.
4. Астафичев П. А. Муниципальное право – комплексная отрасль права, научная и учебная дисциплина // Современное общество и право. 2013. № 3 (12). С. 110–121. EDN: RVBPUZ.
5. Баранов П. П. Новеллы законодательного закрепления принципа единства публичной власти в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 81–87. EDN: BQDYWP.
6. Баранов П. П. Современная реформа местного самоуправления в свете его интеграции в систему публичной власти / В сб.: Эффективность государственного и муниципального управления в российском государстве-цивилизации. Ростов н/Д.: ЮРИУ РАНХиГС, 2024. С. 15–19. EDN: LWAUVC.
7. Кожевников О. А. Местное самоуправление и единая система публичной власти: приглашение к дискуссии // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2024. № 3. С. 4–9. EDN: BVQUPQ.

8. Кожевников О. А. Публичная власть, единая система публичной власти, государственная и муниципальная власть в конституционно-правовой доктрине и современной нормативной реальности // Научный вестник Омской академии МВД России. 2022. Т. 28. № 3 (86). С. 251–256. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2022-386-251-256>. EDN: AZQIKC.
9. Мартынов М. Ю. Местное самоуправление в постсоветский период: институциональные аспекты эволюции // Журнал политических исследований. 2023. Т. 7. № 2. С. 17–30. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-2-17-30>. EDN: RATELR.
10. Мартынов М. Ю. Политическое участие граждан в делах местного сообщества и эволюция института местного самоуправления // Журнал политических исследований. 2024. Т. 8. № 3. С. 20–32. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2024-8-3-20-32>. EDN: DJTESY.
11. Михеева Т. Н., Михеев Д. С. Новое "окно возможностей" государства для участия в делах местного самоуправления // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 2. С. 43–54. <https://doi.org/10.61205/S160565900031519-4>. EDN: PSRIRZ.
12. Михнева С. В., Михнев И. П., Митячкина Е. С. Правовое положение главы исполнительно-распорядительного органа местного самоуправления в Российской Федерации // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. № 1. С. 191–197. EDN: YUXJEL.
13. Шутов А. Ю. Местное самоуправление в России в 1880-е гг.: трансформация земского представительства // Вестник Российской нации. 2016. № 1 (46). С. 28–59. EDN: VVNAYP.
14. Шутов А. Ю. Российское земство и европейские традиции местного самоуправления (формирование представительства в местном самоуправлении России и Европы второй половины XIX–начала XX века): монография. М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. 431 с. ISBN: 978-5-211-06302-0. EDN: QPUVMF.
15. Шахов А. А. Глава муниципального образования в единой системе публичной власти: начало муниципальной реформы // Законы России: опыт, анализ, практика. 2025. № 11. С. 110–114. EDN: UNYILC.
16. Ананьев И. А. Реформы местного самоуправления: модели организации, статус муниципальных образований, особенности административных центров // Муниципальная служба: правовые вопросы. 2024. № 4. С. 15–18. <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2024-4-15-18>. EDN: EWYGJL.
17. Афанасьев А. А. Местное самоуправление и конституционная реформа - 2020 // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 5. С. 69–71. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-5-69-71>. EDN: BRIIAN.
18. Бухвальд Е. М., Лапаев Д. Н. Муниципальная реформа и муниципальное стратегирование // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2023. № 2 (70). С. 7–14. https://doi.org/10.52452/18115942_2023_2_7. EDN: EZRWFL.
19. Кудрявцев А. В., Каляшин А. В., Наумова Н. В., Новикова Ю. О. Правовое обеспечение муниципальной реформы в России: проблемы, текущее состояние и тенденции развития // Ученые записки. 2025. № 2 (54). С. 120–123. EDN: SIFWMF.
20. Лейс А. В. Ориентиры муниципальной реформы в практике Конституционного суда РФ // Евразийский юридический журнал. 2023. № 5 (180). С. 153–154. EDN: EVKDXC.
21. Лобанов Д. А. Некоторые аспекты обеспечения экономической безопасности муниципальных образований в контексте реализации муниципальной реформы // РИСК: Ресурсы, Информация, Снабжение, Конкуренция. 2025. № 2. С. 151–156. <https://doi.org/10.56584/1560-8816-2025-2-151-156>. EDN: QGSOID.
22. Кожевников О. А. Новый закон о местном самоуправлении: начало нового этапа дискуссий и обсуждений // Проблемы правоохранительной деятельности. 2025. № 3. С. 6–11. EDN: OXTDCM.
23. Алексеев Р. А., Ежов Д. А., Шакурова Н. Е. Практика организации электронных референдумов в России: особенности апробации // Вопросы политологии. 2021. Т. 11. № 11 (75). С. 3102–3110. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.75.11.013>. EDN: ZGNPWY.

References

1. Baranov P.P. Reformation of local self-government in the light of its integration into the system of public authority of the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(3):53–62. EDN XOLLHO. (In Russ.).
2. Alekseev R.A. The Constitution of the Russian Federation: the history of amendments. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta (elektronnyi zhurnal)*. 2021;(1):8–31. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-1-1058>. EDN: DJXVIG. (In Russ.).
3. Astafichev P.A. Local self-government in modern Russia: problems of correlation of independence and constitutional and legal restrictions. *Journal of Constitutional Justice*. 2018;(5):26–33. EDN: VAQGPV. (In Russ.).
4. Astafichev P. A. Municipal law – a complex branch of law, scientific and educational discipline. *Modern society and law*. 2013;3(12):110–121. EDN: RVBPUZ. (In Russ.).
5. Baranov P.P. Improvement of the constitutional foundations of national unity of Russian society. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(1):81–87. (In Russ.).
6. Baranov P. P. Modern reform of local self-government in the light of its integration into the system of public power. In: *Effectiveness of state and Municipal Administration in the Russian state-civilization*. Rostov-on-Don; 2024. P. 15–19. EDN: LWAUVC. (In Russ.).
7. Kozhevnikov O.A. Local self-government and the unified system of public authority: an invitation to discussion. *Vestnik of Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia*. 2024;(3): 4–9. EDN: BBQUPQ. (In Russ.).
8. Kozhevnikov O.A. Public power, the unified system of public power, state and municipal power in the constitutional and legal doctrine and modern normative reality. *Scientific Bulletin of the Omsk Academy of the MIA of Russia*. 2022;28(3(86)):251–256. <https://doi.org/10.24411/1999-625X-2022-386-251-256>. EDN: AZQIKC. (In Russ.).
9. Martynov M.Y. Local self-government in the post-Soviet period: institutional aspects of evolution. *Journal of Political Research*. 2023;7(2):17–30. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2023-7-2-17-30>. EDN: RATELR. (In Russ.).
10. Martynov M.Y. Political participation of citizens in the affairs of the local community and the evolution of the Institute of Local Self-government. *Journal of Political Research*. 2024;8(3):20–32. <https://doi.org/10.12737/2587-6295-2024-8-3-20-32>. EDN: DJTESY. (In Russ.).
11. Mikheeva T.N., Mikheev D.S. A new "window of opportunity" for the state to participate in local government affairs. *Journal of Russian Law*. 2025;(2):43–54. <https://doi.org/10.61205/S160565900031519-4>. EDN: PSRIRZ. (In Russ.).
12. Mikhneva S.V., Mikhnev I.P., Mityachkina E.S. The legal status of the head of the executive and administrative body of local self-government in the Russian Federation. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava*. 2019;(1):191–197. EDN: YUXJEL. (In Russ.).
13. Shutov A.Y. Local self-government in Russia in the 1880s: transformation of the zemstvo representation. *Bulletin of Russian nation*. 2016;1(46):28–59. EDN: VVNAYP. (In Russ.).
14. Shutov A.Y. The Russian Zemstvo and the European traditions of local self-government (the formation of representation in local self-government in Russia and Europe in the second half of the 19th-early 20th century): a monograph. Moscow: Publishing House of the Moscow University Publ.; 2011. 431 p. ISBN: 978-5-211-06302-0. EDN: QPUVMF. (In Russ.).
15. Shakhov A.A. The head of a municipal entity in the unified system of public authority: the beginning of municipal reform. *Zakoni Rossii: opit, analiz, praktika*. 2025;(11):110–114. EDN: UNYILC. (In Russ.).
16. Ananyev I.A. Reforms of local self-government: organization models, status of municipalities, features of administrative centers. *Municipal Service: legal issues*. 2024;(4):15–18. <https://doi.org/10.18572/2072-4314-2024-4-15-18>. EDN: EWYGJL. (In Russ.).
17. Afanasyev A.A. Local self-government and constitutional reform – 2020. *Constitutional and Municipal Law*. 2021;(5):69–71. <https://doi.org/10.18572/1812-3767-2021-5-69-71>. EDN: BRIIAH. (In Russ.).

18. Bukhvald E.M., Lapaev D.N. Municipal reform and municipal strategizing. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod. Social sciences.* 2023;2(70):7–14. https://doi.org/10.52452/18115942_2023_2_7. EDN: EZRWFL. (In Russ.).
19. Kudryavtsev A.V., Kalyashin A.V., Naumova N. V., Novikova Yu. O. Legal support for municipal reform in Russia: problems, current status and development trends. *Uchenie zapiski.* 2025;2(54):120–123. EDN: SIFWMF. (In Russ.).
20. Leys A.V. Guidelines for municipal reform in the practice of the Constitutional Court of the Russian Federation. *Eurasian Law Journal.* 2023;5(180):153–154. EDN: EVKDXC. (In Russ.).
21. Lobanov D.A. Some aspects of ensuring the economic security of municipalities in the context of the implementation of municipal reform. *RISK: Resources, Information, Supply, Competition.* 2025;(2):151–156. <https://doi.org/10.56584/1560-8816-2025-2-151-156>. EDN: QGSOID. (In Russ.).
22. Kozhevnikov O.A. The new law on local self-government: the beginning of a new stage of discussions and discussions. *Problems of law-enforcement activity.* 2025;(3):6–11. EDN: OXTDCM. (In Russ.).
23. Alekseev R. A., Yezhov D. A., Shakurova N. E. The practice of organizing electronic referendums in Russia: features of approbation. *Political Science Issues.* 2021;11(11(75)):3102–3110. <https://doi.org/10.35775/PSI.2021.75.11.013>. EDN: ZGNPWY. (In Russ.).

Информация об авторе

Р. А. Алексеев – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственной политики факультета политологии, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова; доцент кафедры политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации.

Information about the authors

R. A. Alekseev – Cand. Sci. (Polit.), Associate Professor of the Department of Public Policy, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University; Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 04.03.2026; принята к публикации 06.03.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 04.03.2026; accepted for publication 06.03.2026.

Административная ответственность органов местного самоуправления: проблемы эффективности

Ольга Евгеньевна Шишкина

Дальневосточный федеральный университет, Владивосток, Россия,
shishkina.oe@dvfu.ru, SPIN-код: 1287-9468, <https://orcid.org/0000-0003-3545-3985>

Аннотация

Введение. Усиливающаяся интеграция органов местного самоуправления в единую систему публичной власти влияет на анализ всех элементов правового статуса органов местного самоуправления, в том числе такого элемента, как юридическая ответственность. Одним из видов юридической ответственности, к которой нередко привлекаются органы местного самоуправления, является административная ответственность. Цель административной ответственности заключается в предотвращении совершения новых административных правонарушений.

Цель. Рассмотреть проблемы и доказать неэффективность привлечения к административной ответственности органов местного самоуправления. Обосновать тезис о том, что за неисполнение полномочий органами местного самоуправления административную ответственность должны нести их должностные лица.

Материалы и методы. Методологическую основу исследования составляет анализ действующего законодательства и актуальной судебной практики судов общей юрисдикции. Теоретической основой явились работы российских ученых, исследовавших правовой статус и проблемы административной ответственности органов публичной власти.

Результаты. Анализ положений КоАП РФ говорит о том, что законодатель не проявляет единства в определении субъекта административных правонарушений, объективная сторона которых выражена в форме неисполнения или не надлежащего исполнения полномочий органом публичной власти. В одних составах субъектами правонарушений являются только должностные лица органов публичной власти. В других составах субъектами правонарушений являются как должностные лица, так и юридические лица, что позволяет привлекать к административной ответственности и органы местного самоуправления в случае наличия у них статуса юридического лица.

Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о том, что основной причиной административных правонарушений, совершаемых органами местного самоуправления, выступает отсутствие необходимых финансовых ресурсов для исполнения полномочий. Эта причина является проявлением системной проблемы местного самоуправления в целом в Российской Федерации – недостаточность его финансово-экономической основы. В то же время еще одна причина – это ненадлежащее исполнение полномочий должностными лицами местных администраций.

Законодатель в целом учитывает эти причины путем закрепления особых оснований прекращения производства по делу об административных правонарушениях. Вместе с тем привлечение к административной ответственности органов местного самоуправления не выполняет превентивную функцию административной ответственности и не обеспечивает надлежащее исполнение полномочий органами местного самоуправления в дальнейшем.

Выводы. Автор приходит к выводу о том, что административная ответственность не является эффективным инструментом профилактики ненадлежащего исполнения полномочий органами местного самоуправления, тем более в условиях имеющихся проблем обеспечения их финансово-экономической основы.

Предлагается: 1) внести в КоАП РФ общую норму, в соответствии с которой за неисполнение полномочий органами публичной власти к административной ответственности привлекаются их должностные лица; 2) дополнить положения ч. 9 ст.13 Федерального закона 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» детальным указанием на отраслевые виды юридической ответственности, к которым могут быть привлечены органы и должностные лица местного самоуправления.

Ключевые слова: публичная власть, местное самоуправление, исполнительно-распорядительные органы местного самоуправления, административная ответственность, административное правонарушение, административное наказание

Для цитирования: Шишкина О. Е. Административная ответственность органов местного самоуправления: проблемы эффективности // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 43–51. EDN TSWNYA

Original article

Administrative liability of the local government bodies: problems of the effectiveness

Olga E. Shishkina

Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russia,
shishkina.oe@dvvfu.ru, SPIN-code: 1287-9468, <https://orcid.org/0000-0003-3545-3985>

Abstract

Introduction. The increasing integration of local governments into a single system of public authority affects the analysis of all elements of the legal status of local governments, including such an element as legal responsibility. One of the types of legal responsibility, to which local governments are often involved, is administrative responsibility. The purpose of administrative responsibility is to prevent the commission of new administrative offenses.

Purpose. To prove the ineffectiveness of bringing local self-government bodies to administrative liability. To substantiate the thesis that local self-government bodies' officials should be held administratively responsible for failing to fulfill their powers.

Materials and Methods. The methodological basis of the study is an analysis of current legislation and current judicial practice of courts of general jurisdiction. The theoretical basis is provided by the works of Russian scholars who have studied the legal status and issues of administrative liability of public authorities.

Results. An analysis of the provisions of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation reveals that the legislator is inconsistent in defining the subject of administrative offenses whose objective element is the failure to perform or improper performance of authority by a public authority. In cases specifically created for public authorities, the subjects of offenses are only public officials, while in general cases, both officials and legal entities are generally considered, allowing for the administrative liability of local governments if they have legal entity status. An analysis of judicial practice shows that the causes of administrative offenses include both a systemic problem of local self-government – inadequate financial and economic foundations – and the improper performance of authority by local government officials. The legislator generally takes these factors into account by establishing specific grounds for terminating proceedings in administrative offense cases. At the same time, bringing local government bodies to administrative responsibility does not fulfill the preventive function of administrative responsibility and does not ensure the proper execution of the powers of local government bodies in the future.

Conclusions. The author concludes that administrative liability is not an effective tool for preventing improper performance of powers by local government bodies, especially given the current challenges in maintaining their financial and economic foundations. The author proposes introducing a general provision into the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, according to which officials of public authorities are subject to administrative liability for failure to perform their powers, and supplementing the provisions of the current law on local self-government with a detailed specification of the sectoral types of legal liability to which local government bodies and officials may be subject.

Keywords: public authority, local self-government, executive and administrative bodies of local self-government, administrative liability, administrative offense, administrative penalty

For citation: Shishkina O.E. Administrative liability of the local government bodies: problems of the effectiveness. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):43–51. (In Russ.). EDN TSWNYA

Введение

Проводимая реформа местного самоуправления затрагивает не все аспекты правового статуса органов местного самоуправления. Тем не менее, усиливающаяся с реформой интеграция органов местного самоуправления в единую систему публичной власти влияет на анализ всех элементов правового статуса органов местного самоуправления, в том числе такого элемента, как юридическая ответственность. Одним из видов юридической ответственности, к которой нередко привлекаются органы местного самоуправления, является административная ответственность. Цель административной ответственности заключается в предотвращении совершения новых административных правонарушений. В настоящей статье автор поднимает проблему неэффективности административной ответственности органов местного самоуправления.

Материалы и методы

Методологической основой статьи является анализ действующего законодательства и актуальной судебной практики по делам об административных правонарушениях. В качестве материалов выступили: действующее российское законодательство, решения Конституционного Суда Российской Федерации, решения судов общей юрисдикции. Теоретической основой исследования явились работы российских ученых, высказавших свои суждения относительно предмета исследования. Проблемы эффективности административной ответственности органов публичной власти уже поднимались в работах Арановского К.В., Виноцкого А.В., Данилова Ю.М., Морозовой Н.А., Князева С.Д., Кононова В.С., Панова А.Б., Рогачевой О.С., Уманской В.П. и других российских ученых. Вместе с тем, тезис о необходимости замены административной ответственности органов местного самоуправления на административную ответственность должностных лиц нуждается в дополнительной аргументации с учетом актуального муниципального и административного законодательства, судебной практики.

Результаты и обсуждение

В Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 131) вопросам юридической ответственности органов местного самоуправления была посвящена самостоятельная глава 10. Закреплялись три вида юридической ответственности в зависимости от субъекта, перед которым она наступала. Так органы и должностные лица местного самоуправления несли ответственность перед населением муниципального образования, государством, физическими и юридическими лицами.

Под ответственностью перед государством понималась конституционно-правовая ответственность в виде прекращения полномочий соответствующего органа/должностного

лица. Конституционная ответственность органов государственной власти наступает перед народом. Однако органы местного самоуправления согласно ст.12 Конституции Российской Федерации не входят в систему органов государственной власти. Поэтому субъектом, перед которым наступает конституционная ответственность органов местного самоуправления, является «государство». Вместе с тем об административной ответственности, которая также является видом публичной ответственности физических и юридических лиц перед государством, ничего в ФЗ № 131 не говорилось.

В Федеральном законе от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее ФЗ № 33) нормы, регулирующие юридическую ответственность органов местного самоуправления, в одной главе не сконцентрированы, виды ответственности не определены ни по отраслевому признаку, ни по критерию субъекта, перед которым она может наступать. В соответствии с ч.9 ст.13 ФЗ № 33 органы и должностные лица местного самоуправления несут предусмотренную законодательством РФ ответственность, в том числе в случае нарушения ими действующего законодательства, а также в случае ненадлежащего осуществления указанными органами и должностными лицами переданных им отдельных государственных полномочий.

В общей части КоАП РФ вопрос о том, могут ли привлекаться к административной ответственности органы публичной власти в целом и органы местного самоуправления, в частности, так же как и в конституционном/муниципальном законодательстве, прямо не регулируется.

В Особенной части КоАП РФ нет единства в определении субъекта административных правонарушений, объективная сторона которых выражена в форме не исполнения или не надлежащего исполнения полномочий органом публичной власти. В тех случаях, когда неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей органом публичной власти выделяют в специальный состав, или соответствующие обязанности возлагаются законом только на органы публичной власти, субъектом правонарушения является, как правило, должностное лицо органа власти. Так, например, в соответствии с ч. 7 ст. 13.11 КоАП РФ невыполнение оператором, являющимся государственным или муниципальным органом, обязанности по обезличиванию персональных данных влечет наложение административного штрафа на должностных лиц указанных органов. Согласно ст. 13.27 КоАП РФ за нарушение требований к организации доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления и ее размещению в сети «Интернет» к административной ответственности привлекаются также соответствующие должностные лица.

Однако в подавляющем числе составов санкции предусматривают в качестве субъектов правонарушений, как должностных лиц, так и юридических лиц. Так, например, Федеральным законом от 01.04.2025 N 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» органам публичной власти и некоторым другим организациям запрещается использование информационных систем, принадлежащим иностранным юридическим лицам и гражданам. За нарушение указанного запрета ст.13.11.2 КоАП РФ предусмотрено административное наказание, налагаемое как на должностных лиц, так и на юридических лиц. В этом и иных схожих случаях в судебной практике исходят из возможности привлечения органа публичной власти к административной ответственности при наличии у него статуса юридического лица.

При этом законодатель остается не последовательным, внося изменения и дополнения в статьи Особенной части КоАП РФ. Так, в ст. 17.15 КоАП РФ была внесена часть 1.3, согласно которой неисполнение должником - органом государственной власти, органом местного самоуправления или государственным (муниципальным) казенным учреждением содержащихся в исполнительном документе требований неимущественного характера в срок, установленный законодательством об исполнительном производстве, влечет наложение административного штрафа **на должностных лиц**. При этом иных специальных составов в эту статью для органов публичной власти внесено не было, поэтому органы публичной власти привлекаются к административной ответственности по ч. 2 данной статьи за неисполнение исполнительного листа в срок, вновь установленный судебным приставом-исполнителем после наложения административного штрафа.

В юридической литературе давно высказываются мнения о том, что органы публичной власти не должны привлекаться к административной ответственности, а ответственность должны нести их должностные лица [1; 2]. Также обращается внимание на отсутствие в системе административных наказаний подходящих для органов публичной власти санкций [3]. Автор настоящей статьи полностью разделяет указанные суждения и поддерживает аргументацию их авторов.

В качестве дополнительного аргумента следует отметить, что органы публичной власти могут быть субъектами конституционно-правовой ответственности, так как последняя наступает перед народом, гражданско-правовой, так как она наступает перед физическими и юридическими лицами, но не административной ответственности, которая наступает перед самой публичной властью. Как верно отмечается в юридической науке, **«орган публичной власти представляет собой субъектную форму публичной власти»** [4]. Интеграция органов местного самоуправления в единую систему публичной власти говорит о том, что к ним, так же как и к государственным органам, не должна применяться административная ответственность, несмотря на то, что они не входят в систему органов государственной власти. Ответственность органов местного самоуправления перед государством может носить только конституционно-правовой характер и заключаться в досрочном прекращении полномочий при наличии соответствующих оснований.

Вышеизложенные рассуждения, может показаться, находятся в противоречии с позицией Конституционного Суда Российской Федерации. Конституционный Суд, как известно, отказывая в приеме к рассмотрению жалобы администрации города Новодвинск, которая была привлечена к ответственности по ст. 17.15 КоАП РФ, указал, что местная администрация, обладающая правами юридического лица и являющаяся муниципальным казенным учреждением, выступает полноправным участником публичных правоотношений. Законодательство об административных правонарушениях, основываясь на принципе равенства перед законом (статья 1.4 КоАП РФ), не предусматривает исключений для органов местного самоуправления, которые могут быть привлечены к административной ответственности наряду с другими субъектами правонарушений. По мнению органа конституционного правосудия, это соответствует конституционному принципу равенства перед законом и судом¹. Однако, как отметили судья Конституционного Суда РФ С.Д. Князев, судьи в отставке К.В. Арановский и Ю.М. Данилов, **«это ... не исключает противоположного законодательного решения»** [5]. В данном случае имеется в виду, что

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1397-О "Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы администрации муниципального образования «Город Новодвинск» на нарушение конституционных прав и свобод частью 1 статьи 1.4, частями 1 и 2 статьи 2.1, статьей 2.10 и частью 1 статьи 17.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" // <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision142859.pdf> (дата обращения 01.12.2025).

Конституция РФ вообще не упоминает об административной ответственности, правовое регулирование которой находится в дискреции законодателя при условии соблюдения конституционных принципов и прав человека и гражданина.

Между тем законодатель не спешит отменять возможность применения административных наказаний к органам публичной власти. Он подтвердил возможность привлечения последних к административной ответственности, дополнив статью 24.5 КоАП РФ частями 4 и 5. Из данных нормативных положений прямо следует, что органы государственной власти субъектов РФ и органы местного самоуправления при наличии у них статуса юридического лица несут административную ответственность в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением своих полномочий, равно как и государственные и муниципальные учреждения.

Конституционный Суд РФ отметил, проверяя конституционность положений ч. 5 ст. 24.5 КоАП РФ, что положения КоАП, за исключением предусмотренных законом случаев, распространяются на органы государственной власти и органы местного самоуправления, которые привлекаются к административной ответственности по правилам, установленным для юридических лиц (ст.ст. 1.4, 2.1 и 2.10 КоАП РФ). В то же время порядок привлечения названных органов к административной ответственности имеет свои особенности¹.

Недостаточность финансирования – наиболее частый аргумент защитников/представителей органов местного самоуправления в производстве по делу об административном правонарушении. Неисполнение или ненадлежащее исполнение полномочий, влекущее привлечение к административной ответственности, является лишь частным последствием известной проблемы дисбаланса финансово-экономической основы местного самоуправления и объема возложенных на него задач и функций. Проблема дисбаланса, как правило, усугубляется, субъективными факторами, связанными с ненадлежащим исполнением полномочий должностными лицами местного самоуправления.

Понимание законодателем данного «клубка» проблем привело к желанию распутать данный «узел» сфере административной ответственности. В этой связи были установлены дополнительные основания прекращения производства по делу об административном правонарушении в отношении органов и должностных лиц местного самоуправления.

Так, если должностным лицом местного самоуправления направлялось предложение о выделении бюджетных ассигнований, и при этом они не были выделены или были выделены в недостаточном размере, что привело к неисполнению или ненадлежащему исполнению соответствующих полномочий, производство по делу подлежит прекращению (ч. 4 ст.24.5 КоАП)².

С точки зрения теории административно-деликтного права данные положения являются частным случаем отсутствия такого элемента состава административного правонарушения как вина. Напомним, что вина юридических лиц, по общему правилу, определяется, согласно ст.2.1 КоАП РФ, наличием возможности для соблюдения правил и не принятием всех зависящих мер по их соблюдению. Положения ч. 4 ст. 24.5 КоАП РФ вполне вписываются в эту формулу вины. При применении ч. 4 ст. 24.5 КоАП РФ необходимо устанавливать, были ли приняты предусмотренные законом меры по получению

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 17 июля 2025 г. № 29-П «По делу о проверке конституционности части 5 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Костромского областного суда» // <https://www.ksrf.ru/doc/KSRFDecision848458.pdf> (дата обращения 01.12.2025).

² Данная норма распространяется также на государственные органы субъектов РФ, государственные и муниципальные учреждения, которые сталкиваются со схожими проблемами, однако мы опускаем данный аспект, учитывая тему статьи.

финансирования, учитывая нормативные положения о бюджетном процессе в соответствующем муниципальном образовании.

Практика судов общей юрисдикции в целом подтверждает этот вывод. Суды отмечают, что предложения о выделении бюджетных ассигнований на соответствующие расходы должны вноситься в рамках проекта о бюджете на текущий период, если потребность в расходах была известна, либо в рамках проектов изменений в бюджет, сразу после того, как стало известно о необходимости соответствующих расходов. Так, например, Верховый Суд Республики Бурятия, рассматривая жалобу Администрации г. Улан-Удэ на привлечение к административной ответственности по ст.17.15 КоАП РФ, отметил следующее. «Материалы дела не содержат доказательств того, что Администрацией г. Улан-Удэ в соответствии с порядком и сроками составления проекта бюджета направлялись предложения о выделении бюджетных ассигнований в рамках республиканского законодательства либо Порядка разработки проекта решения Улан-Удэнского городского Совета депутатов «О бюджете городского округа «Город Улан-Удэ» на очередной финансовый год и плановый период... Положения о бюджетном процессе в городе Улан-Удэ...»¹. Также было отмечено, что «наличие переписки с федеральными органами государственной власти о финансировании не позволяет прийти к выводу о наличии обстоятельств, бесспорно свидетельствующих об отсутствии реальной возможности исполнить соответствующие требования»².

Схожий аргумент содержится в решении суда по делу об административном правонарушении по ст.17.15 КоАП РФ в отношении Администрации г. Владивостока. Так суд указал, что «доказательств того, что при составлении проекта бюджета на текущий год были предусмотрены бюджетные ассигнования на исполнение решения суда, защитником не представлено»³.

В Приморском краевом суде были отклонены доводы защитника Администрации г. Владивостока о применении п. 4 ст.24.5 КоАП РФ, несмотря на то, что администрацией г. Владивостока направлялся проект решения Думы города Владивостока «О принятии муниципального правового акта города Владивостока «О внесении изменений в муниципальный правовой акт города Владивостока от 18.12.2023 № 85-МПА «О бюджете Владивостокского городского округа на 2024 год и плановый период 2025 и 2026 годов», в согласовании которого Министерством финансов Приморского края было отказано⁴. Таким образом, анализ судебных дел показывает, что главы местных администраций направляют предложения о выделении дополнительных бюджетных ассигнований достаточно поздно, хотя потребность в данных бюджетных ассигнованиях была заведомо известна.

Суды в решениях также обращают внимание, что действия должностных лиц преследовали цель избежать административной ответственности путем применения ч. 4 ст. 24.5 КоАП РФ, а не принять меры по реальному исполнению полномочий. В одном из дел в судебном решении отмечено, что администрация муниципального образования направила предложения о выделении бюджетных ассигнований уже после получения извещения о вызове к судебному приставу-исполнителю. Также суды отмечают бессмысленность направления предложений о выделении бюджетных ассигнований, так как увеличение расходной части бюджета на сумму задолженности заведомо превышает

¹ Решение судьи Верховного Суда Республики Бурятия от 02.06.2025 по делу № 12-61/2025//sudact.ru/regular/doc/v22izffV2jYu/(дата обращения 01.12.2025).

² Там же.

³ Постановление судьи Советского суда г. Владивостока от 21.02.2025 г. // Архив суда.

⁴ Решение судьи Приморского краевого суда от 29.04.2025 № 7-12-232/25 //sudact.ru/regular/doc/nAzY17UHle5W/(дата обращения 01.12.2025).

предельный дефицит бюджета¹. В некоторых судебных актах справедливо подчеркивается, что именно администрация является органом, ответственным за разработку проекта бюджета².

Можно прийти к выводу, что на практике только несогласие депутатов представительного органа с внесенными в рамках бюджетного процесса предложениями главы администрации, может быть объективным обстоятельством, влекущем невозможность финансового обеспечения соответствующих полномочий. В этой связи дела в отношении местных администраций чаще всего не прекращаются.

Складывается ситуация, при которой административные штрафы платятся из местных бюджетов, зачисляются также в тот или иной бюджет единой бюджетной системы РФ, на исполнение полномочий финансовых средств не хватает, административные правонарушения продолжают совершаться. Представляется, было бы правильно привлекать к административной ответственности виновных должностных лиц. Последние бы проявляли больше «заботы» о личном надлежащем исполнении полномочий и принятию всех зависящих мер по обеспечению финансовыми ресурсами. При этом если неисполнение полномочий было обусловлено недостаточностью финансовой основы в муниципалитете, должностные лица не должны привлекаться к административной ответственности. Саму же проблему формирования достаточной финансово-экономической основы местного самоуправления административно-деликтное законодательство решить не может, поскольку не предназначено для этого.

Заключение

Проведенное нами исследование подтверждает доводы о том, что административная ответственность не является эффективным инструментом профилактики надлежащего исполнения полномочий органами местного самоуправления. По нашему мнению, необходимо внести в КоАП РФ общую норму, в соответствии с которой за неисполнение полномочий органов публичной власти к административной ответственности привлекаются их должностные лица. Кроме того, считаем целесообразным дополнить положения ч. 9 ст. 13 ФЗ № 33 детальным указанием на отраслевые виды юридической ответственности, к которым могут быть привлечены органы и должностные лица местного самоуправления.

Список источников

1. Винницкий А. В. О необходимости законодательного закрепления института юридических лиц публичного права // Журнал российского права. 2011. № 5 (173). С. 81–90. EDN: NRZYRN.
2. Морозова Н. А. Административная ответственность юридических лиц: история, теория, практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. 22 с. EDN: ZMUBJH.
3. Уманская В. П. Административная ответственность в сфере государственного управления // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 3. С. 42–46. EDN: OWFKHV.
4. Кононов В. С. Правосубъектность органов публичной власти (теоретико-правовое исследование): автореф. дисс... к.ю.н. М., 2025. 30 с.
5. Князев С. Д., Арановский К. В., Данилов Ю. М. Административно-деликтный закон в конституционных перспективах кодификации // Правоприменение. 2020. Т. 4. № 3. С. 123–138. С. 123–138. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(3\).123-138](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(3).123-138). EDN: IFLVPT.

¹ Постановление судьи Советского суда г. Владивостока от 21.02.2025 г. // Архив суда.

² Постановление Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 30.09.2025 N 16-5522/2025 // СПС Консультант плюс.

References

1. Vinnitsky A.V. On the Need for Legislative Enshrinement of the Institute of Legal Entities of Public Law. *Journal of Russian Law*. 2011;5(173):81–90. EDN: NRZYRN. (In Russ.)
2. Morozova N.A. *Administrative Liability of Legal Entities: History, Theory, Practice*: Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Ekaterinburg; 2004. 22 p. EDN: ZMUBJH. (In Russ.)
3. Umanskaya V.P. Administrative Liability in the Sphere of Public Administration. *Zakoni Rossii: opit, analiz, praktika*. 2012; (3):42-46. EDN: OWFKHV. (In Russ.)
4. Kononov V.S. *Legal Capacity of Public Authorities (Theoretical and Legal Research)*. Abstract of Cand. Sci. (Law) Dissertation. Moscow; 2025, 30 p. (In Russ.)
5. Knyazev S.D., Aranovsky K.V., Danilov Yu.M. Administrative-tort law in the constitutional prospects of codification. *Law Enforcement Review*; 2020;4(3):123–138. [https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4\(3\).123-138](https://doi.org/10.24147/2542-1514.2020.4(3).123-138). EDN: IFLVPT. (In Russ.)

Информация об авторах

О. Е. Шишкина – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета.

Information about the author

O. E. Shishkina – Cand. Sci. (Law), Associate Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law School of the Far Eastern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 17.12.2025; одобрена после рецензирования 13.02.2026; принята к публикации 17.02.2026.
The article was submitted 17.12.2025; approved after reviewing 13.02.2026; accepted for publication 17.02.2026.

ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ И МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ В ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 52–76
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(1):52–76

Обзорная статья
УДК 340.1
EDN RCPAYF

Монография А. А. Плиева «Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880–1970 годы»: источниковедческий потенциал и методологическое значение (обзорно-аналитическое исследование)

Джамбулат Хамидович Сайдумов

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия,
bulatto@mail.ru, SPIN-код: 9255-2325, <https://orcid.org/0009-0007-3361-1114>

Аннотация

Введение. Монография А. А. Плиева «Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880–1970 годы» (М.: Наука, 2016) рассматривается в статье как фундаментальный источниковедческий комплекс для изучения эволюции адатского права народов Северного Кавказа в условиях смены государственно-правовых режимов.

Цель исследования – выявление методологического и эмпирического потенциала работы А. А. Плиева и её переоценка с позиций современной юридической антропологии и историко-правовой науки.

Методологическую основу составили диахронический, историко-правовой, сравнительно-этнографический и статистико-правовой методы.

Научная новизна статьи заключается в том, что автор впервые осуществил комплексный количественно-правовой анализ статистического блока монографии А. А. Плиева, представленного в таблицах: таблица 1 – «Количество дел, возбужденных в советских судах», таблица 2 – «Количество преступлений за 1958–1965 гг.», таблица 3 – «Анализ дел Верховного суда Чечено-Ингушской АССР, 1958–1965 гг.». В настоящем исследовании они интерпретированы как единый статистико-институциональный массив, отражающий трансформацию механизмов правового регулирования. Автору удалось: – выявить скрытый институциональный перелом в структуре инициирования уголовных дел в конце 1920-х гг.; – количественно определить реальный удельный вес кровной мести в системе насильственной преступности Чечено-Ингушской АССР; – реконструировать устойчивую модель уголовно-правового реагирования на акты кровной мести в практике Верховного суда автономии; – показать переход от общественно-резонансной модели правоприменения к централизованной прокурорско-партийной системе контроля.

Результаты и выводы. Монография демонстрирует глубокий анализ адата под влиянием российского имперского (царского), послереволюционного и советского права, сохраняя преемственность норм кровной мести, примирения и брачных институтов. Ценный синтез архивных документов и полевых наблюдений делает её актуальной для современной правовой антропологии Кавказа, особенно в постсоветском контексте. Работа служит эталоном для междисциплинарных исследований этноправовых традиций. Доказано, что статистический материал монографии А. А. Плиева обладает самостоятельной эвристической ценностью

и фиксирует не линейное вытеснение адата государственным правом, а сложную модель нормативного дуализма и управляемой правовой трансформации. Установлено, что к середине 1960-х гг. происходит институциональное закрепление государственной монополии на санкции при частичном сохранении медиативных функций традиционного права. Сделан вывод о том, что проведённый автором статьи углублённый анализ трёх ключевых таблиц существенно расширяет интерпретационный потенциал монографии А. А. Плиева и позволяет рассматривать её не только как этнографическое исследование, но и как количественно верифицируемый источник по истории правовой модернизации Северного Кавказа. Это придаёт работе новое методологическое звучание и укрепляет её значение для современной юридической антропологии и историко-правовой науки.

Ключевые слова: правовая культура, адат, чеченцы, ингуши, трансформация традиционного права, кровная месть, примирение, полевые наблюдения, архивные источники, правовая антропология, Северный Кавказ, постсоветская этнография

Для цитирования: Сайдумов Д. Х. Монография А. А. Плиева «Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880–1970 годы»: источниковедческий потенциал и методологическое значение (обзорно-аналитическое исследование) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 52–76. EDN RCPAYF

Review article

A. A. Pliev's monograph "Some aspects of the legal culture of Chechens and Ingush: 1880–1970": source-study potential and methodological significance (review and analytical study)

Dzhambulat Kh. Saidumov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
bulatto@mail.ru, SPIN-code: 9255-2325, <https://orcid.org/0009-0007-3361-1114>

Abstract

Introduction. A. A. Pliev's monograph *Some Aspects of the Legal Culture of Chechens and Ingush: 1880–1970* (Moscow: Nauka, 2016) is examined in the article as a fundamental source-study complex for investigating the evolution of adat law of the peoples of the North Caucasus under changing state-legal regimes.

The purpose of the study is to identify the methodological and empirical potential of A. A. Pliev's work and to reassess it from the standpoint of modern legal anthropology and historical-legal scholarship.

The methodological framework is based on diachronic, historical-legal, comparative-ethnographic, and statistical-legal methods. The scientific novelty of the article lies in the fact that the author has for the first time carried out a comprehensive quantitative-legal analysis of the statistical block of A. A. Pliev's monograph presented in the following tables: Table 1 – "Number of Cases Initiated in Soviet Courts," Table 2 – "Number of Crimes in 1958–1965," Table 3 – "Analysis of Cases of the Supreme Court of the Chechen-Ingush ASSR, 1958–1965." In the present study, they are interpreted as a unified statistical-institutional array reflecting the transformation of legal regulation mechanisms. The author succeeded in: – identifying a latent institutional shift in the structure of initiation of criminal cases in the late 1920s; – quantitatively determining the actual share of blood feud within the system of violent crime of the Chechen-Ingush ASSR; – reconstructing a stable model of criminal-law response to acts of blood feud in the practice of the Supreme Court of the autonomy; – demonstrating the transition from a socially resonant model of law enforcement to a centralized prosecutorial-party system of control.

Results and conclusions. The monograph demonstrates an in-depth analysis of adat under the influence of Russian imperial (tsarist), post-revolutionary, and Soviet law, while preserving the continuity of the norms of blood feud, reconciliation, and marriage institutions. A valuable synthesis of archival documents and field observations makes it relevant for contemporary legal anthropology of the Caucasus, especially in the post-Soviet context. The work serves as a benchmark for interdisciplinary studies of ethno-legal traditions. It is proved that the statistical material of A. A. Pliev's monograph has independent heuristic

value and records not a linear displacement of adat by state law, but a complex model of normative dualism and managed legal transformation. It is established that by the mid-1960s the institutional consolidation of the state monopoly on sanctions took place while partially preserving the mediatory functions of traditional law. It is concluded that the in-depth analysis of the three key tables carried out by the author of the article significantly expands the interpretative potential of A. A. Pliev's monograph and makes it possible to consider it not only as an ethnographic study but also as a quantitatively verifiable source on the history of legal modernization of the North Caucasus. This gives the work new methodological significance and strengthens its importance for modern legal anthropology and historical-legal science.

Keywords: legal culture, adat, Chechens, Ingush, transformation of traditional law, blood feud, reconciliation, field observations, archival sources, legal anthropology, North Caucasus, post-Soviet ethnography

For citation: Saidumov D.Kh. A.A. Pliev's monograph "Some aspects of the legal culture of Chechens and Ingush: 1880–1970": source-study potential and methodological significance (review and analytical study). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):52–76. (In Russ.). EDN RCPAYF

Введение

В контексте современной юридической науки особое значение приобретает изучение традиционных правовых систем народов России, особенно в полиэтничных регионах Северного Кавказа. Правовая культура чеченцев и ингушей (представителей одной нахской языковой группы) как синтез адатных норм, исламских предписаний и влияния государственного права представляет уникальный объект для анализа преемственности и трансформаций. Монография А. А. Плиева (2016) стала ключевым источником реконструкции этих процессов за период 1880–1970 гг., охватывающий российский имперский (царский), начальный революционный советский, советский и постдепортационный советский этапы. Предисловие И. Л. Бабич [1, с. 3–7] и введение [1, с. 8–9] служат прологом, подчёркивая биографический контекст Плиева как пионера юридической антропологии, что усиливает культурно-исторический и научно-просветительский резонанс работы. Введение формулирует цель выявления динамики ключевых институтов в исторической перспективе [1, с. 8].

Актуальность темы обусловлена необходимостью сохранения этноправового наследия в условиях глобализации и этнополитических вызовов. Новизна статьи – в позиционировании работы Плиева как методологического эталона с акцентом на глубину анализа трансформации традиционного права и ценность синтеза источников.

Цель исследования – выявление методологического и эмпирического потенциала работы А. А. Плиева и её переоценка с позиций современной юридической антропологии и историко-правовой науки.

Теоретические основы

Методологическая конструкция монографии А. А. Плиева [1] представляет собой тщательно выверенный междисциплинарный синтез историко-правового, этнографического и источниковедческого подходов, обеспечивающий диахроническую реконструкцию эволюции адатского права чеченцев и ингушей на протяжении 1880–1970 гг. – от позднеимперского этапа до постдепортационного восстановления в условиях советской правовой аккультурации. Предисловие и введение конкретизируют задачи по показу изменений традиций под реформами, особенностям адата в периодах и механизмам правотворчества [1, с. 8] с глубинным акцентом на правовой плюрализм (сосуществование адата, шариата и государственного права).

Центральным достоинством исследования выступает глубокий анализ трансформации традиционного права в контексте советской и постсоветской этнографии: автор эксплицитно демонстрирует механизмы адаптации ключевых институтов (кровная месть как инструмент социального контроля, маслалат (*примирение, чеч.*) как примирительный результат деятельности старейшин вкпе с требованиями социалистической законности

(советский период) при сохранении фундаментальной преемственности традиционных норм. В частности, фиксируется переход от классической кровной мести к примирительным комиссиям 1920–1930-х гг. и их латентному возрождению в постдепортационный период [1, с. 100–122; с. 74–94]. Особую ценность придаёт работе синтез архивных документов (материалы Центрального государственного архива Чечено-Ингушской АССР, судебные дела Верховного Суда ЧИАССР, а также полевые наблюдения – многочисленные интервью, собранные А. А. Плиевым в 1960–1980-е гг., фиксирующие устные правовые традиции, утраченные в результате депортации 1944 г. и последующих событий 1990-х гг. Предисловие подчёркивает пионерство в юридической антропологии через изучение уголовных дел как этнографических источников [1, с. 4]. В предисловии монографии звучит справедливая критика современных исследователей-юристов (равно как и их предшественников) за отсутствие в их работах такого широкого объема полевых методов, какие удалось задействовать А. А. Плиеву.

Как подчёркивает И. Л. Бабич, вклад автора монографии заключается в том, что он был одним из первых советских исследователей правовых особенностей жизни горцев, который скрупулёзно исследовал институт кровной мести у чеченцев и ингушей в 1960–1980-е гг. и собрал уникальные архивные материалы, которые были утрачены в ходе военных действий в Чечне в 1990-е гг. [1, с. 5, 7]. Эти источники, включая полевые материалы А. А. Плиева (ПМАП, 1965–1973 гг.), подвергнуты герменевтической верификации через компаративный анализ с последующими исследованиями соавторов, в том числе анализом гендерных аспектов брачно-правовой культуры, где женщина предстаёт как объект и субъект в традиционных институтах (включая редкие случаи женской мести) в начале XX века в регионе исследования [1, с. 32–33].

Методологическая строгость, сочетающая эмпирическую базу с теоретической интерпретацией, обуславливает непреходящую актуальность монографии для правовой антропологии Кавказа, где полевые данные Плиева продолжают служить фундаментом для осмысления этнополитических процессов. Введение подчёркивает новизну исследования: до 1960-х гг. адат изучался фрагментарно (Далгат, Ахриев) [1, с. 8], что делает акцент на первичных источниках (архивы + полевые опросы старейшин, родившихся в XIX в.) эталонным для юридической антропологии с биографическим контекстом Плиева как первого среди этнографов, начавшего реализовывать юридическую антропологию (по И. Л. Бабич), лектора общества «Знание», а также ведущего преподавательскую деятельность по адату/советскому праву на базе ЧИГУ им. Л. Н. Толстого [1, с. 7]. Анализ института кровной мести в книге иллюстрирует эту методологию: диахронический разбор от корней в доисламском/исламском обществе до трансформации под царским, советским давлением, с использованием утраченных архивов для реконструкции норм [1, с. 63–64].

Глубокий анализ трансформации традиционного права раскрывает сложную диалектику конфликта и адаптации адатских норм: от антагонистического взаимодействия с имперским законодательством (где адат преимущественно регулировал дела против личности, а шариат – семейно-наследственные отношения) к частичной инкорпорации в советскую правовую систему посредством примирительных комиссий, формального запрета кровной мести с сохранением компенсационных механизмов (выкуп за кровь) и латентного возрождения традиций в постдепортационный период [1, с. 63–64, 100–122]. В постсоветском контексте эти выводы приобретают особую значимость для понимания процессов ретрадиционализации.

Примером актуальности является упомянутая в монографии конференция 2013 г., на которой обсуждалось закрепление штрафных санкций за похищение невест [1, с. 6]. Синтез архивных и полевых материалов обеспечивает исключительную достоверность реконструкции: полевые наблюдения 1960–1980-х гг. фиксируют «живые» нормы, утраченные впоследствии в 1990-е гг., в то время как архивные источники (например, осетино-ингушские судебные дела 1907–1909 гг. с штрафами до 600 руб.) [1, с. 63–64] позволяют провести

историческую верификацию. В итоге монография А. А. Плиева сохраняет значение фундаментального эталона источниковедения и методологии в кавказоведении, обеспечив сохранение знаний о преемственности правовых традиций чеченцев и ингушей в условиях государственной аккультурации.

Большой интерес представляет список информаторов [1, с. 153–155] монографии А. А. Плиева, включающий 66 человек, опрошенных в 1960–1970-е гг. в основном в сельских районах Чечено-Ингушской АССР. Это преимущественно пожилые мужчины (64 года и 66 лет), родившиеся в 1857–1916 гг., что обеспечивает ценный ретроспективный материал по правовым традициям 1880–1970-х годов. Территориальное распределение: Чечня (плоскостные и горные районы, включая: Грозный, Ведено, Итум-Кале и др.) – 29 человек (43,9 %); Ингушетия (включая Назрановский, Джейрахский, Малгобекский районы, Пригородный район – 35 человек (53,0 %); другие регионы Северного Кавказа – 2 человека (3,0 %) – г. Владикавказ (Северная Осетия) и Новосельский район (Дагестан, ныне территория Кизлярского района Республики Дагестан).

Библиографический список анализируемой монографии А. А. Плиева [1, с. 143–147] представляет собой тщательно структурированный каталог источников, насчитывающий около 100 позиций, организованных в алфавитном порядке по фамилиям авторов. Этот аппарат подчеркивает междисциплинарный характер исследования, объединяя этнографические, исторические, юридические и антропологические материалы, и служит фундаментальной основой для реконструкции эволюции адатных норм чеченцев и ингушей в контексте имперского, советского и постсоветского периодов.

Среди сильных сторон библиографии выделяется ее хронологическая глубина: от классических дореволюционных трудов (например, Ахриев, Берже, Далгат, Ковалевский, Леонтович) до современных публикаций (Бабич, Албогачиева). Это позволяет проследить преемственность научной традиции в кавказоведении с акцентом на первичные источники – сборники сведений о Кавказе (ССКГ, СМОМПК), архивные протоколы (съезды Советов 1925–1926) и уголовные кодексы РСФСР (1922–1926).

Особо ценен вклад самого А. А. Плиева (его статьи 1971–2005), демонстрирующий авторефлексию и интеграцию личного полевого опыта, а также критическое осмысление юридических диссертаций (где подчеркивается их ограниченность в полевом сборе данных по сравнению с этнографическим подходом). Вместе с тем, список выявляет определенные пробелы: доминирование русскоязычных источников (почти 100 %) ограничивает международный контекст, игнорируя западные работы по юридической антропологии. Например, можно было бы контекстно сослаться на классические труды выдающегося британского антрополога Макса Глакмана (M. Gluckman), чьи работы оказали влияние на юридическую антропологию и концепцию правового плюрализма, или Салли Фолк Мур (S.F. Moore) – американского антрополога и юриста, профессора Гарвардского университета, одну из ключевых фигур юридической антропологии. Её исследования посвящены как раз соотношению обычного и государственного права, нормативным системам по правовому плюрализму. Кроме того, минимальное включение чеченских и ингушских фольклорных или устных традиций в монографию могло бы усилить и обогатить культурный слой исследования.

В целом библиография Плиева не только подтверждает пионерский статус автора в этнографическом изучении обычного права чеченцев и ингушей, но и закладывает основу для будущих исследований, интегрируя историческую реконструкцию с современными подходами к правовому плюрализму. На фоне утраты чеченских архивов в 1990-е гг. этот список приобретает статус бесценного репозитория, способствуя сохранению и развитию кавказоведения в постсоветском пространстве.

Фрагментарный разбор содержания монографии

Глава первая монографии («Правовая культура чеченцев и ингушей в конце XIX – начале XX века», с. 10-73) начинается с фундаментального введения в понятийный аппарат. Автор даёт общее определение правовой культуры как системы норм адата, регулирующих социальные конфликты (убийство, оскорбление, похищение), в контексте родового строя конца XIX – начала XX в. Упоминается эволюция от архаичных форм (коллективная ответственность) к индивидуализированным механизмам под влиянием российского права и исламского шариата. Здесь вводится ссылка на классиков (Далгат, Ахриев) и подчёркивается необходимость реконструкции на основе полевых данных.

«Терминология» А. А. Плиева систематизирует лексику (одинаково понятную чеченцам и ингушам), связанную с кровной мстью (кровной враждой), опираясь на полевые интервью 1960–1970-х гг. Чеченский вариант (преимущественно в чеченских районах): чIир (чIир) – термин, обозначающий именно состояние кровной вражды/мести (более узкий и конкретный). Общие термины: моастагIалла (вражда, ненависть); куьг бIеха дар («рука в крови» – метафора убийцы); пхьа (кровь как цена/выкуп); хьелам (плата/компенсация, чаще ингушский); там/тоам (примирение, умиротворение). Ингушский вариант: (преобладающий в горных и плоскостных районах Ингушетии): дов (дов) – наиболее общее и частое обозначение ссоры, вражды, кровной мести как института в целом. Автор отмечает региональные и диалектные вариации, но подчёркивает их семантическую близость и взаимопонимание между чеченцами и ингушами. Теоретическая рамка: марксистский подход (Энгельс) используется для объяснения эволюции от родового к классовому обществу, но без чрезмерного идеологического давления – акцент на эмпирические данные. Раздел строится на эмпирических данных (полевые интервью 1960–1970-е гг. XX столетия, архивные материалы и литературные источники), продолжая терминологический анализ предыдущих страниц (с. 10–12). Плиев использует историческую реконструкцию для иллюстрации эволюции традиций под влиянием российского имперского права и социально-экономических факторов.

А. А. Плиев классифицирует правонарушения в северокавказском контексте как «причинение ущерба» без деления на гражданские/уголовные (типично для предклассового общества). Основные причины: имущественные преступления (воровство, грабёж), против личности (оскорбление, убийство, похищение) и против порядка управления.

Автор подчёркивает экономико-социальную основу большинства случаев, ссылаясь на отчет Комиссии Владикавказской городской думы (1906), где вражда связана с колониальным угнетением (классификация царского периода советской историографией), приводящим к мятежам в Чечне 1898 г., Осетии 1902/1905 г., Ингушетии 1906 г. Детализация ритуалов (обхождение очага невестой как символ прочности брака) и механизмы защиты (убийца, схватившийся за цепь, получает прощение; формула «я твой и Божий»). Цитаты из Н. Харузина, Д. Гатуева и справедливая критика Б.А. Калоева за недооценку очага у чеченцев. Профессионально сделан фокус на общественной насмешке (тIехтохам) как психологической причине мести у чеченцев и ингушей – страх упрека общества (формула «как я буду находиться в обществе?»). Насмешка как механизм и запусковой тумблер действий. Пример в монографии: насмешка женщины над парнем (сравнение с собакой) провоцирует убийство. Другие оскорбления (проход по пахоте трактуется как оскорбление) приводят к эскалации. Автор связывает устойчивость мести с родоплеменными пережитками, но подчёркивает социальный контроль.

В работе можно отметить явные исследовательские инновации, характерные как XX столетию и не теряющие веса в настоящем времени, что характеризует его сильные исследовательские стороны. Как пионер юридической антропологии в ЧИАССР (1960-е гг.), А. А. Плиев вводит анализ «культурных символов» (очаг как медиатор), показывая плюрализм

норм (адат + шариат + позитивное право). Подробное описание культа очага (с. 14) вносит вклад в этнолингвистику и символику. Примеры иллюстрируют гендерные нюансы и социальный контроль. Яркие этнографические кейсы (по населенным пунктам Зандак и Бельты, Валерик (Чечня), Сурхахи (Ингушетия) демонстрируют, как в адате чеченцев и ингушей материальный ущерб служит триггером для активации норм чести и коллективной ответственности. Описание отягчающих обстоятельств в рамках адата (обычного права) чеченцев и ингушей, где надругательство над трупом убитого квалифицируется как особо тяжкое оскорбление, влекущее суровое наказание. С юридической точки зрения, это иллюстрирует специфику квалификации преступлений в традиционной правовой системе, где отягчающие обстоятельства усиливают ответственность и определяют меру возмездия. Объект преступления: труп убитого как символ чести семьи и тайпа/тейпа. Надругательство – это не только физическое действие, но и моральное унижение, затрагивающее коллективную честь (аналогично ст. 244 УК РФ «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения»). Субъективная сторона: умысел на унижение (оскорбление семьи/тайпа/тейпа), что отягчает первичное убийство. Это усиливает мотив мести, превращая индивидуальный акт в межродовой конфликт. Объективная сторона: конкретные формы – снятие одежды/оружия («цлет даккхар» в ингушском варианте), дополнительный выстрел или повреждение трупа. Эти действия квалифицируются как самостоятельное «тяжкое преступление», отягчающее основное. Последствия: обязательное «самое суровое наказание» (в адате – кровная месть или усиленная компенсация, без срока давности).

В правовой культуре чеченцев и ингушей (по А. А. Плиеву, с. 19) доносчик воспринимался как тяжкий предатель, нарушающий принцип внутренней автономии адата и солидарности тайпа/тейпа. Донос квалифицировался как преступление против чести рода, влекущее изгнание или кровную месть, что служило механизмом защиты традиционного правового порядка от внешнего вмешательства (государственного права). Это классический пример правового плюрализма и сопротивления контролю в юридической антропологии Кавказа.

А. А. Плиев, определяя субъекты кровной мести (кровной вражды) в адате чеченцев и ингушей конца XIX – середины XX в., реконструирует круг лиц, имеющих право и обязанность мстить, на основе полевых этнографических материалов 1960–1970-х гг. и архивных данных. Это классический пример юридической антропологии: анализ субъектов раскрывает структуру родовой ответственности, сегментарность общества и механизмы поддержания социального порядка. Субъектами кровной мести (организаторами, исполнителями и главными ответственными) у чеченцев и ингушей являлись ближайшие родственники по отцовской линии одной фамилии/некъе: отец, родные и двоюродные дяди, родные и двоюродные братья, сыновья, родные и двоюродные племянники, внуки. Это патрилинейный принцип: месть – дело мужской линии рода, передающееся по вертикали и горизонтали в пределах 3–4 поколений.

Применительно к ингушам, автор указал более расширенный круг: участие в мести могли принимать близкие родственники по материнской линии (родные племянники по матери и их сыновья, двоюродные братья по матери – шучий). Чеченцы – патрилинейная система: дядя по материнской линии (и соответственно племянники по матери) вне кровной мести. Месть ограничивается исключительно отцовской линией без включения материнских родственников. Представлен фольклорный материал – чеченская песня, где обозначена обязанность – мстить убийце, возложенная на брата. Объекты кровной мести: автор определяет объект не только индивидуальной виной, но и коллективной ответственностью в сегментарной структуре чеченского и ингушского общества. Объект мести – убийца (первичный объект) и его ближайшие родственники по отцовской линии (в пределах одной фамилии/некъе: отец, братья, дяди, сыновья, племянники по отцу). Это классический принцип субститутивной ответственности (vicarious liability в юридической антропологии): месть может быть перенесена на любого члена рода убийцы, если первичный

виновный недоступен. Исключения и ограничения: месть не распространяется на женщин, детей, стариков (за редкими исключениями в особо тяжких случаях), а также на дальних родственников по материнской линии. Объект – всегда мужчина боепригодного возраста, способный нести оружие и слово – ответственность за честь рода. Символическая и гендерная асимметрия: объект всегда мужчина – носитель чести и оружия. Женщины исключены как объект (но могут быть субъектами в редких случаях), что отражает патриархальность и гендерный порядок адата. Месть формально не имеет возрастных ограничений, но на практике это обстоит иначе.

Автор приводит в качестве примера чеченскую пословицу «воккханиг ве ца велла, цхъа бер дийна цар», что переводится как «не хватило мужества убить взрослого – убил ребёнка», подчёркивая отсутствие *mens rea* (вины) у ребёнка/старика и отсутствие *virtus* (мужества) у мстителя отомстить виновному или более сильному из его круга, подчёркивая необходимость наличия и высокого почитания среди чеченцев этикета (культуры) мести. Это отношение отражает сегментарную структуру общества (*segmentary opposition*), где месть – инструмент социального контроля, но с *mitigatio* (смягчением) для *non-combatants* (небоепригодных) более уязвимых представителей. В отличие от строгой *reciprocitas* (взаимности) в кровной вражде, убийство ребёнка/старика воспринималось как *violatio morum* (нарушение обычаев), что могло привести к *ostracismus* (изгнанию) мстителя (лишение Родины, величайшая тягость для чеченца и ингуша) или усилению *compensationis* (компенсации). Формально дозволенное, но этически запрещённый акт (*ex lege permissum, sed moribus prohibendum*), где осуждение подчёркивало гуманные пределы *lex talionis*. Здесь проявляется баланс между возмездием и защитой *vulnerabiles*.

Правила поведения кровников по А. А. Плиеву представляют собой систематизированное описание норм адата (*consuetudo* – обычного права) чеченцев и ингушей, регулирующих поведение субъектов и объектов кровной мести (*vendetta sanguinis*). Автор применяет метод исторической реконструкции (*reconstructio historica*), опираясь на полевые этнографические данные (*datum empiricum*) и архивные источники, чтобы раскрыть этикет (*etiquette*) вражды как механизм поддержания социального равновесия (*aequilibrium sociale*).

Правила построены иерархически: от временных амнистий (*amnistia temporanea*) к этикету примирения (*etiquette reconciliationis*) с акцентом на пропорциональность (*proportionalitas*) и гуманность (*humanitas*). Право одного дня (с. 25–26): Если кровник (*vindicator*) обращался к обидчику с просьбой «ден моаршал далахъ сона» (дай мне свободу на день), снимая оружие (*depositio armorum*), то потерпевший (становящийся охотником-мстителем) обязан (*obligatio stricta*) предоставить отсрочку мести (*moratorium vendettae*), даже зная о возможной потере шанса. Безоружный, в период всеобщего вооружения мужчин, всегда не является целью. Это правило – форма *temporis suspensionis* (приостановки времени), аналогичная *treuga Dei* (божественному перемирию) в средневековом праве, предотвращающая эскалацию в публичных местах (*locus publicus*). Пример: в сел. Гамурзи-ево (Ингушетия) кровник использовал это *jus*, чтобы избежать мести во время наводнения, демонстрируя приоритет *humanitas* над *strictum jus* (строгим правом). Нарушение влекло бы бесчестье для потерпевшего (охотника-мстителя). Право прощения через этикет смиренности с судьбой (с. 26): Если виновный (*reus*) первым произносил – пусть моя кровь пойдёт тебе впрок, сдаваясь без сопротивления (*submitio absoluta*), то мститель мог отказаться от акта (*abstinentia ab actu*), признавая отсутствие необходимости в убийстве. Это отражает принцип *volenti non fit injuria* (согласному не чинится несправедливость), где покорность смягчает вину, превращая месть в акт милосердия (*clementia*). Право спины (*Jus Dorsum*) (с. 26): Если виновный поворачивался спиной (*conversio dorsi*) к мстителю, это символизировало отказ от защиты (*renuntiatio defensionis*), обязывая последнего воздержаться от убийства (*prohibitio homicidii*). Правило подчёркивает этикет чести (*honoris etiquette*), где удар в спину – *actus ignominiosus* (бесчестный акт), нарушающий *virilitas*

(мужественность) и вызывающий *cenſuram ſocietatis* (общественное осуждение). Покровительство женщины (с. 27): Если женщина брала кровника под своё покровительство (*protectio feminea*), то месть приостанавливалась, признавая гендерный иммунитет. Это *jus* – форма убежища, где женщина как *mater familiae* (мать семьи) воплощает благочестие, смягчая суровость права. Этикет после примирения (с. 27): После примирения (*reconciliatio*) виновный должен соблюдать строгий этикет (*strictum etiquette*) – избегать встреч до мира, а после – оказывать максимум внимания потерпевшему. Нарушение – *casus belli* (повод для войны), эскалирующий в новое преступление; соблюдение и уважение, напротив, может способствовать урегулированию. Пример: в 1878–1880 гг. чеченец в Турции соблюдал этикет виновной стороны, даже вдали от родины демонстрируя вечный долг чести.

На стр. 27–28 автор приводит литературный пример из поэмы А. С. Пушкина «Тазит» (1829–1830), где конфликт отца и сына раскрывает психологический аспект: отказ от мести как акт *clementia*, но осуждаемый за неисполнение долга. Это подчёркивает переход от архаичной суровости к более гуманным нормам под влиянием шариата и российского права. Далее (с. 28): «Гостеприимство и кровная месть» как смежный институт, где обида гостя (*injuria hospitis*) требует особой мести (*vendetta specialis*), усиливая пропорциональность. Раздел представляет стройную систему норм, где правила поведения кровников – это *codex non scriptus* (неписанный кодекс), балансирующий через возмездие с гуманностью.

Вера в силу присяги у чеченцев и ингушей (по А. А. Плиеву, с. 32) представляла собой глубоко сакральный и магически-религиозный институт, где клятва воспринималась как прямое обращение к Аллаху (Всевышнему). Позднее, в силу временных и идеологических трансформаций, возможным стало при клятвах упомянуть и советскую власть.

Раздел «Женщина и кровная месть» – это один из центральных элементов главы первой, где Плиев, опираясь на полевые и архивные данные, реконструирует гендерную роль в адате чеченцев и ингушей, показывая женщину как пассивный объект и активного медиатора в системе *vendetta sanguinis* (кровной мести). С позиции юридической антропологии это демонстрирует правовой плюрализм, где женская позиция – *liminal status* (пограничный статус) – обеспечивает баланс между патриархальным порядком и функциональным равновесием общества, адаптируясь к шариату, российскому праву и традициям.

Подчёркивание предания старика чеченца Заура и статьи С. Фарфоровского «Чеченские этюды» (о почете женщины) усиливает эмпиризм Плиева, делая текст ценным для изучения *gendered pluralism* в традиционных обществах.

Раздел «Похищение девушек и женщин» (с. 37–42) в монографии А. А. Плиева представляет собой реконструкцию одного из ключевых институтов чеченского и ингушского адата (обычного права) – похищения невест и похищения женщин как формы нарушения правовой культуры. С позиции юридической антропологии это классический пример правового плюрализма, где институт похищения функционирует как гибридная норма, частично регулируемая адатом (социальный контроль, компенсация), частично шариатом (запрет на принуждение) и частично государственным правом (криминализация в имперский и советский периоды). Похищение здесь – не просто преступление, а ритуализированная практика брачного союза, где девушка – объект чести рода, а её похищение – вызов патриархальному порядку, требующий примирения (*reconciliatio*) через выкуп или компенсацию. Плиев показывает, что похищение и месть – ритуализированные конфликты, разрешаемые через компенсацию, общественное мнение и переселение. В юридической антропологии это плюралистический подход: традиции балансируют, где честь и выживание, адаптируясь без потери семантики к внешнему давлению (российское право).

Плиев подчёркивает эволюцию норм, делая текст ценным для изучения гендерных (похищение как брачная стратегия) и социальных аспектов обычного права чеченцев и ингушей. Ссылаясь на полевой материал из чеченского высокогорья (Хильди-Харой, информатор Я. Яскиев 1876 г.р.), приводится пример из жизни горных чеченцев конца XIX в.:

А.Д. просватал девушку, но она добровольно вышла за другого (Ч.Д.); старейшины (кхел) вынесли решение о компенсации (там) – 50 коров и конь; компенсация была выплачена, но А.Д. через год попытался убить Ч.Д., за что был арестован и осуждён российским судом на каторгу.

Разбор примеров следует смотреть как в самостоятельных трудах И.Л. Бабич, М.С.-Г. Албогачиевой, так и в их совместных работах с А.А. Плиевым. Автор подчёркивает (на примере, приведенном выше), что адатская компенсация не всегда предотвращает будущую месть.

Приведенный пример иллюстрирует правовой плюрализм как сосуществование параллельных нормативных систем: адат (обычное право) регулирует конфликт через коллективную ответственность (тайповая солидарность) и компенсацию (там – выкуп морального ущерба, аналогичный дияту в шариате), позволяя примирительный механизм, но не исключая эскалацию в кровную месть (vendetta), которая остаётся императивным правом для восстановления баланса чести. Государственное право (российское имперское) вмешивается как внешняя санкция (criminal jurisdiction), криминализируя акт (попытка убийства как *homicidium attemptatum*), что демонстрирует коллизию норм: адатный выкуп (*restitutio honoris*) не имеет преюдициального эффекта (*res judicata*) для предотвращения мести, подчёркивая автономию традиционного права от формального (*state law*). Гендерный аспект усиливает анализ: девушка – объект спора, её выбор провоцирует нарушение брачного контракта, но разрешение фокусируется на мужских ролях (мститель, похититель), отражая патриархальный характер адата.

Далее приводится система взыскания в количественном эквиваленте с опорой на другой полевой источник из чеченского высокогорья (с. Кокадой, информатор И. Ваваригов, 1878 г.р.). случай компенсации в адате горных чеченцев. Если похищение девушки приводило к убийству, род убийцы выплачивал роду потерпевшего 63 коровы как штраф (*restitution*), что было эквивалентом двойного выкупа крови плюс дополнительный штраф за похищение девушки (там) 10 коров; плата коровами подчёркивает экономический аспект, где высокая стоимость служит *deterrent* (сдерживающим фактором) от преступлений, поскольку в горных условиях изыскание такого эквивалента (*equivalent value*) требовало значительных усилий и ресурсов, усиливая *preventive justice* (предупредительную юстицию). С позиции юридической антропологии это продолжение фактора правового плюрализма, где адат функционирует как неформальная юрисдикция, интегрируя компенсационные убытки и штрафные санкции для восстановления баланса: высокая плата коровами – не просто реституция (*restitution*), а *financial deterrent* (финансовый сдерживающий фактор), где экономическая нагрузка на род предотвращает идею конфликта, подчёркивая, что в горных сообществах коровы (выступают имуществом фонда обеспечивающего жизнедеятельность) – ценный капитал (*capital asset*), требующий трудоёмкой замены, что усиливает социальный контроль и минимизирует рецидив. Введение российской администрации создало двойную правовую реальность: формально – государственная монополия на насилие и суд (*state law*), фактически – сохранение адата как параллельной системы (*customary law*). Похищение девушки чаще представлялось как «брачная стратегия» с компенсацией, похищение замужней женщины – максимальное нарушение адата, почти всегда ведущее к мести.

Автор использует архивные материалы (протоколы судов, приговоры, рапорты) для реконструкции, показывая, как российская администрация пыталась интегрировать локальные нормы в государственную юрисдикцию. С позиции юридической антропологии это классический пример правового плюрализма, где адат сохраняет автономию как неформальная система, несмотря на формальное доминирование государственного права. Плиев подчёркивает, что адат не уничтожается, а адаптируется, создавая гибридные формы (*hybrid legal order*), где традиционные нормы (месть, компенсация) используются

для легитимации царской (российской) власти. Изменения с введением российской администрации: формальная криминализация традиций – введение Горских словесных судов (1860–1870-е) и Осетино-Ингушского суда присяжных (1907 г.) криминализировало адатные практики (кровная месть – как убийство, похищение невест – как принуждение).

Российская администрация пыталась заменить адат государственной монополией на насилие, но на практике суды учитывали «местные обычаи» (с. 62–63), взыскивая штрафы по адату (600 руб. за убийство, коллективная ответственность до третьего колена). Гибридные институты: Осетино-Ингушский суд – применял адатные нормы (штрафы, присяги, высылка) в рамках российского процесса (с. 63–64). Штрафы взыскивались с общества или фамилии/тайпа/тейпа (collective liability), что усиливало традиционную солидарность, но под контролем государства. Похищение девушки (с. 64–65): Степень ответственности ниже – по адату это часто брачная стратегия. Вариативность штрафов, штраф: 105 руб. калым + 3 барча (90 руб.) за оскорбление, если без согласия; при согласии – только барча, девушка лишается калыма. Российский суд смягчает (учитывает обычаи), но назначает каторгу или штраф. Похищение замужней женщины (с. 65–66): Степень ответственности выше – тяжкое преступление (crimen extraordinarium), равное убийству, влекущее кровную месть на весь род похитителя. Штраф: 100 руб. + каторга (8–15 лет), по адату – смерть или изгнание.

Анализ источниковой базы первой главы (стр. 68–73) с позиции юридической антропологии. Список источников на с. 68–73 – это библиографический аппарат, насчитывающий общее количество – 183 позиции (от ¹ до ¹⁸³), организованные как сноски со ссылками на текст главы. С позиции юридической антропологии база представляет собой солидный репозиторий для реконструкции правового плюрализма на Северном Кавказе: она сочетает теоретические работы (марксистские взгляды на родовой строй как «пережиток») с эмпирическими данными, показывая, как адат (customary law) взаимодействовал с российским правом. Это позволяет анализировать эволюцию норм от родового возмездия к гибридным системам, где традиция адаптируется к государственному контролю.

Количество и типы источников, как отмечено выше, всего: 183. Из них архивные: 28 (15 % – позиции со ссылками на фонды, описи, дела, листы; примеры: ЦГА РСФСР Ф.224, ГАРФ, архивы судов ЧИАССР и РСФСР, обкома КПСС). Это первичные документы (primary sources) – протоколы, приговоры, рапорты, отражающие реальную практику (praxis juris). Полевые (этнографические): 66 (36 % – «Полевые материалы автора» с указанием года сбора, селения, информатора и года рождения; примеры: информаторы Д.Д. Мальсагов 1898 г.р., Х.Д. Ошаев 1898 г.р.). Это – устные свидетельства долгожителей (причём очень авторитетных среди чеченцев и ингушей), ценны для реконструкции неписаного права. Опубликованные (научные, литературные, нормативные): 89 (49 % – книги, статьи, сборники, газеты; начинаются с Энгельса, включают Далгата, Ковалевского, Ахриева, Яковлева, Фарфоровского, Берже, Леонтовича). Это – теоретические и этнографические труды XIX–XX вв., нормативные акты (Уложение о наказаниях 1845 г.).

Анализ сведений, включенных в исследование с позиции юридической антропологии, безусловно определяет сильные стороны монографии А. А. Плиева: база – сбалансированная, с акцентом на эмпирику (полевые + архивные = 51%), что идеально для изучения: архивы показывают коллизии, полевые материалы – живую практику, опубликованные – теоретический фон (Энгельс для марксистской интерпретации «пережитков»). Это позволяет анализировать адаптацию адата в новом системно-правовом контексте – от автономии к гибридам. Методологическая ценность: триангуляция источников – теория (Энгельс, Косвен) + практика (архивы) + устная история (полевые) повышает достоверность. Уникальность – в полевых данных, компенсирующих утрату архивов в 1990-е гг. в Чечне, что делает базу, как выше отмечалось, архивным репозиторием для исследований обычного права.

Глава вторая монографии («Правовая культура чеченцев и ингушей», с. 74–114) целостно анализирует трансформацию адата чеченцев и ингушей под влиянием советской власти, фокусируясь на институте кровной мести как ключевом «пережитке» в условиях правового плюрализма.

А. А. Плиев описывает установление советской власти как процесс многоукладной экономики и социальной борьбы, где кровная месть – индикатор сопротивления (legal resistance). Антропологически это показывает, как ново-системный плюрализм эволюционирует в советский: создание государственности (автономной области, АССР (1920–1924)) – попытка интеграции адата в государственные институты, сильное влияние богословов подчёркивает параллельные юрисдикции (parallel jurisdiction), где адат остается императивным правом для разрешения конфликтов. Основные причины возникновения конфликтов – имущественные конфликты (кража скота, земельные споры), Примеры (убийство из-за кражи лошади 1922 г. (сел. Старые Атаги, Чечня), земельные конфликты 1923–1924 гг. (Большие Варанды и Малые Варанды, сел. Зандак и Бельты, Чечня)) иллюстрируют, как советская коллективизация усиливает старые мотивы, превращая их в классовую борьбу. Правила совершения мести (стр. 78): правила остаются традиционными – сроки гибкие (пример – 3 недели), объекты мести различаются (чеченцы – месть родственнику при отъезде убийцы; ингуши – возможное примирение). Антропологически это сегментарная система (segmentary opposition): правила – неписаный кодекс, где различия (с одной стороны ригидность, но и возможная – компромиссность) отражают региональную вариативность, но советская власть усиливает их эволюцию в скрытые формы, балансируя между возмездием и примирением для предотвращения эскалации. В целом, глава демонстрирует, как советский плюрализм трансформирует адат: от автономии к интеграции, но традиции выживают как инструмент социальной стабильности в условиях идеологического давления и традиционности общества.

Содержание главы посвящено исследованию изживания кровной мести и других пережитков в Чечено-Ингушской АССР в 1930–1940-е годы. Основной фокус А. А. Плиева смещается постепенно на деятельность примирительных комиссий в республике. Приводятся примеры идеологической пропаганды, некоторые примеры репрессивной политики и коллективизации обозначены как маркеры, влияющие на трансформации адата. Правовая коллаборация, где адатские нормы (старейшины, компенсация, публичное примирение) интегрируются в социалистическое право для борьбы с «пережитками», но традиции сохраняются в скрытых формах. Примирительные комиссии (с. 80–83): Создание комиссий (1928–1930-е, возобновление в 1950-е) – административно-правовой инструмент. Комиссии состояли из старейшин, партийных работников, представителей НКВД и духовенства. Они проводили публичные примирения (там/тоам): стороны приносили извинения, выплачивали компенсацию (пхъа, хъелам), подписывали протоколы, которые имели силу административного акта. Юридически – это досудебное урегулирование (pre-trial settlement), альтернативное УК РСФСР. Пример: в 1930-е гг. комиссии фиксировали 100–200 случаев вражды в год, решая их через примирение, снижая нагрузку на суды. Параллельное сосуществование пропаганды и репрессивной политики: пропаганда (лекции, печать, кино) – идеологическое давление на «пережитки». Репрессии 1937–1938 гг. (массовые аресты носителей адата) – репрессивное право (repressive law) для подавления традиций. Советская власть не уничтожает в 1920-е гг. полностью адат, постепенно вступая в борьбу на изъятие его или перевод в латентную зону присутствия, она создаёт комиссии (гибридные институты), где старейшины и партийцы совместно разрешают споры (примирительная комиссия прекратила работу в Чечне в 1929 г). Их появление позволяло легитимировать советскую власть в глазах горцев через традиционные нормы, снижая сопротивление и нагрузку на советское уголовное право в данном регионе.

Автор описывает создание и работу примирительной комиссии в Чечне (1924–1926 гг.) как административно-правовой институт для борьбы с кровной мстостью. С позиции юриспруденции это тот же, ранее отмеченный, гибридный механизм досудебного урегулирования споров (pre-trial settlement), интегрирующий элементы адата (обычного права) в советскую правовую систему, направленный на профилактику преступлений и укрепление государственного контроля над локальными нормами. В этой связи исследовательский интерес представляют три таблицы, включенные в монографию А. А. Плиева. Они несут множественную смысловую и содержательную нагрузку, требующую чтения и анализа.

Проанализируем таблицу 1. Количество дел, возбужденных в советских судах.

Статистические данные за 1928–1929 гг. позволяют выявить не только динамику общего числа возбужденных уголовных дел, но и структурную перестройку механизма их инициирования. В 1928 г. в советских судах было возбуждено 141 дело, в 1929 г. – 256 дел. Прирост составил 115 дел, или 81,6 %, что свидетельствует о резком усилении уголовно-правовой активности в рассматриваемый период.

Количественная структура инициирования дел. В 1928 г. ведущую роль играли общественные и СМИ (очевидно газетные, документальное кино), так источники СМИ – 49 дел (34,8 %); потерпевшие – 42 дела (29,8 %); посторонние лица – 14 дел (9,9 %); родственники потерпевших – 3 дела (2,1 %). Совокупно общественные источники обеспечили 66 дел или 46,8 % от общего числа. Государственные и партийные структуры инициировали значительно меньшую долю дел: представители власти – 28 дел (19,9 %); прокуратура – 4 дела (2,8 %); женотделы – 1 дело (0,7 %). Их совокупная доля составила 23,4%. В 1929 г. структура существенно изменилась при одновременном росте абсолютных показателей по всем категориям. Распределение выглядело следующим образом: потерпевшие – 69 дел (27 %); СМИ – 66 дел (25,8 %); представители власти – 51 дело (19,9 %); прокуратура – 29 дел (11,3 %); женотделы – 15 дел (5,9 %); посторонние лица – 17 дел (6,7 %); родственники потерпевших – 9 дел (3,4 %). Совокупная доля государственных институтов (представители власти, прокуратура, женотделы) увеличилась до 37,1 % (95 дел), тогда как доля общественных источников снизилась до 35,9 % (92 дела), несмотря на их абсолютный рост.

Структурные сдвиги: наиболее значимые изменения связаны с прокуратурой – рост с 2,8 % до 11,3 % (увеличение более чем в четыре раза по доле и более чем в семь раз по абсолютному числу дел). Женотделами – рост с 0,7 % до 5,9 % (восьмикратное увеличение доли). СМИ – увеличение числа дел (49 → 66), но снижение относительного удельного веса (34,8% → 25,8%). Потерпевшими – устойчиво высокая роль (около 27–30 %), что свидетельствует о сохранении индивидуальной инициативы в механизме правоприменения. Таким образом, при общем росте числа дел наблюдается перераспределение влияния в сторону государственных и партийных институтов.

Правовой и институциональный смысл динамики. Выявленные изменения отражают процесс институционализации советской уголовной политики конца 1920-х гг. Если в 1928 г. механизм возбуждения дел во многом опирался на общественные и резонансные каналы, то уже в 1929 г. усиливается централизованная роль прокуратуры и партийных структур. Это свидетельствует о расширении надзорной функции государства; усилении контроля над правоприменением; переходе от преимущественно реактивной модели (по инициативе потерпевших и СМИ) к более управляемой и институционально организованной системе уголовного преследования. Рост участия женотделов указывает на интеграцию социально-идеологических задач в сферу уголовной политики, что соответствует общему курсу на борьбу с традиционными социальными практиками и формирование новой нормативной среды.

Обобщающий вывод. Данные 1928–1929 гг. демонстрируют качественный перелом в структуре возбуждения уголовных дел: при почти двукратном увеличении их общего числа происходит перераспределение инициативы в пользу государственных и партийных

институтов. Если в 1928 г. преобладала общественно-резонансная модель инициирования, то в 1929 г. формируется централизованная модель с усиливающейся ролью прокуратуры и органов власти.

Таким образом, статистика отражает не только количественное расширение уголовной практики, но и институциональное укрепление советского государства в сфере уголовного преследования, что позволяет рассматривать 1929 г. как этап перехода к более системной и управляемой модели правоприменения.

А. А. Плиев также вводит в научный оборот обнаруженный им в Центральном государственном архиве Чечено-Ингушской АССР доклад А. Нажаева: приводятся данные из протокола заседания научных сотрудников этнолого-лингвистического отдела Чеченского научно-исследовательского института краеведения, состоявшегося 10 декабря 1931 г. Выдержки из текста доклада Нажаева от 10 декабря 1931 г. характеризуют заинтересованность научного сообщества в изучении правовой культуры чеченцев, с одной стороны, как идеологически подчинённую задачу социалистического строительства, с другой стороны – очевиден неподдельный интерес к сравнению адатов чеченцев с адатами других народов Северного Кавказа. Нажаев подчёркивает, что изучение обычного права горцев (адата) необходимо проводить с классовых позиций: оно рассматривается как пережиток феодализма, который нужно изживать через советскую пропаганду, коллективизацию и создание механизмов властного влияния. В этой связи были сделаны рекомендации по дальнейшему использованию доклада.

Ценное значение в работе имеет изучение деятельности примирительных комиссий. В Ингушетии она создается 22 сентября 1920 г. В ее создании принял активное участие Ю. Албогачиев. Комиссию возглавил первоначально С. Альдиев, позднее – Х. Альмурзиев. В 1924 г. примирительная комиссия создается в Чечне, ее состав 5 человек. Первое заседание – 11 ноября 1924 г. По данным Х.Д. Ошаева (член комиссии Чечни), за 1926–1929 гг. ликвидировано более 200 случаев кровной мести (меньше половины учтённых). «Справка о предварительных итогах работы примирительных комиссий по кровничеству в Чечено-Ингушской АССР» (1928–1929 гг.): кровная месть широко наблюдалась в Чечне, меньше в Ингушетии; примирено 463 человека. По данным Н.И. Дзедзиева (прокурор Горской АССР): с 1928 по 1929 гг. в Чечне зафиксировано лишь 3 случая кровной мести; похищений девушек – 23 в Ингушетии, 0 в Чечне, 3 в Осетии. Плиев отмечает относительность цифр – реальных случаев было больше, но они скрывались от властей. Общий результат: снижение учтённых случаев мести с 200+ в 1924 г. до 50–100 в 1930-е гг., но неполное изживание (всплеск после 1957 г.). В работе содержится значительный объём информации, полученной от информаторов и почерпнутой в архивах как по Чечне, так и по Ингушетии.

Отметим особо заслугу исследователя А. А. Плиева: в его научной работе, как и подobaет ученому и патриоту, нет задачи – показать лучше или «отрицательно подсветить» (как явно, так и завуалировано) ситуацию в Чечне или Ингушетии. Он не ориентирован на принцип – разъединить и выставить негативно одну из частей народа с едиными (одинаково) понятными терминами: нах, къам, мохк, да, нана, сий, яхь, бакъо, нийсо. В работе нет элемента разобщения, есть желание и профессиональное умение исследователя – показать объективно, достойно и уважительно ситуацию с правопониманием в двух составных частях единого организма – Чечено-Ингушетии.

Судя по географии населенных пунктов Чечни и Ингушетии, в которых А. А. Плиев за годы работы над монографией побывал в поисках материалов для исследования, можно считать, что исследователь и в чеченских, и в ингушских населенных пунктах находил встречное понимание и поддержку (можно предположить) его ценной и важной для науки истории государства и права деятельности.

Автор очень ответственно подошел к анализу тех или иных исследуемых событий, приведенных в монографии. Например, мы согласимся с ним в оценке работы партийных

районных и республиканских органов (при описании одного из примеров). Он справедливо отмечает, что некомпетентность разобраться в причинах и устранении последствий по земельному конфликту между представителями двух тайпов из-за одного небольшого участка на границе двух колхозов привела к его эскалации. Недальновидность и административная близорукость советского руководства порой приводили к длительному не разрешению подобных конфликтов [1, с. 108].

В целом, согласно ценным сведениям в монографии, мы имеем возможность считать, что профилактика местных властей и их контроль с широтой воздействия общественно-административного формата были в целом эффективными и одобряемыми, ввиду того, что основная цель – предотвращение эскалации кровной мести через принудительное примирение, чтобы избежать уголовных дел по УК РСФСР (ст. 58 о контрреволюции, если связывали с «кулацким саботажем») – была достижимой.

Видим также и специфическую модель латентного взаимоподчинения адата и государственного права: старейшины включались в комиссии для легитимации, но под контролем партии и НКВД, превращая добровольное адатское примирение в обязательный административный акт. Здесь же отметим и социально-политическую стабилизацию: снижение нагрузки на суды, укрепление советской власти в автономии через «народные» институты, наделяя их полномочиями делегированной власти.

Заключительная часть второй главы посвящена исследованию: традиционного примирения, примирительным комиссиям, действовавшим в 1930-1940 гг.; роли общественности и органов внутренних дел, прокуратуры в примиренческом процессе. Изучены ситуации в Урус-Мартановском и Ачхой-Мартановском районах (Чечня), Назрановском районе (Ингушетия). Приводится пример двойственного механизма урегулирования конфликтной ситуации: добровольное переселение в Чечне крупного родового контингента (19 семей) из населенного пункта совместного проживания с семьей убитого как добровольная самоизоляция с целью недопущения эскалации конфликта кровной мести, соблюдения традиционного неписанного процессуального этикета мести и одновременное подключение органов советской власти (носителей административного ресурса), активно стремящихся помирить враждующих. Упомянут факт окончания конфликта и примирения [1, с. 109].

С правовой точки зрения, разделы в заключительной части второй главы демонстрируют иерархию советской системы: партийные органы (Бюро обкома) имели надзорные полномочия над судебными и следственными (прокуратура, НКВД), что соответствовало Конституции РСФСР 1937 г. (ст. 102–103, партийное руководство правосудием). Отмечены проблемы: медленное рассмотрение дел и «мягкие приговоры» – указывают на несоблюдение процессуальных норм УПК РСФСР 1923 г. (ст. 1–5 о быстром расследовании) и УК РСФСР 1926 г. (ст. 139–140 о похищениях и принуждении к браку, ст. 142 о многожёнстве как тяжких преступлениях). Приводятся в качестве примера выдержки из постановления Бюро, предписывающего прокурору Бекмурзиеву обеспечить «быстрое прохождение» дел, что фактически вводило ускоренную процедуру для категории «пережитков». Возможно, здесь прослеживается существовавший партийный контроль над юстицией в целях усиления борьбы с «пережитками», но подчёркивается также неэффективность «мягких» приговоров, мотивируя ускорение процессов для идеологической унификации. Это отражает в некоторой степени политику латентного напряжения того периода между государственным (позитивным) правом и локальными традициями, что имеет значение для понимания эволюции автономного законодательства в РСФСР.

Глава заканчивается перечнем 117 постраничных ссылок. Анализ корпуса постраничных ссылок, охватывающего источники от публикаций до архивных дел, позволяет констатировать структурированную и методологически выверенную источниковую базу исследования (аналогично первой главе). Рассматриваемый блок характеризуется преобладанием архивных материалов (фонды ЦГА ЧИАССР и АОК ЧИАССР) с точным указанием фондов,

описей, дел и листов, что свидетельствует о работе автора с первичными документами и соблюдении требований научной источниковедческой точности.

Наряду с архивными документами системно привлекаются полевые материалы автора 1960-х гг., фиксирующие устные свидетельства информаторов. Это обеспечивает сочетание документального и этнографического подходов и позволяет реконструировать не только нормативные положения, но и реальные механизмы функционирования традиционных институтов. Дополнительный аналитический слой формируют публикации советской периодики (республиканская газета «Грозненский рабочий») 1920–1930-х гг., отражающие официальную интерпретацию практик кровной мести и примирения в условиях становления советской государственности.

Включение сравнительных материалов по другим народам Северного Кавказа (в том числе карачаевцам) расширяет региональный контекст исследования и придаёт анализу компаративный характер. В совокупности данный источниковый комплекс демонстрирует приоритет первичных материалов, междисциплинарный подход и стремление автора к реконструкции динамики правовой культуры в исторической перспективе.

В то же время методологический анализ показывает необходимость учитывать специфику используемых источников. Архивные документы советского периода неизбежно отражают административно-идеологическую оптику времени, что может влиять на интерпретацию традиционных институтов через призму государственной политики и борьбы с «пережитками прошлого».

Конечно мы понимаем, что периодическая печать 1920–1930-х гг. также носит выраженный нормативно-оценочный характер. Полевые материалы, в свою очередь, требуют критического подхода с учётом ретроспективности свидетельств и возможной трансформации коллективной памяти. Однако совокупное использование различных типов источников частично нивелирует данные ограничения и повышает степень достоверности реконструкции. Таким образом, рассматриваемый блок ссылок свидетельствует о комплексном, источниковедчески обоснованном характере исследования и формирует достаточную эмпирическую базу для научного анализа правовой культуры чеченцев и ингушей в её исторической динамике.

Глава третья («Правовая культура ингушей и чеченцев в 1950–1970-х годах», с. 115–142) для нас представляет повышенный историко-правовой интерес в силу ряда обстоятельств: хронологическая и пространственная структура периода – сравнительно недавнее советское время; содержание обобщающих итоговых сведений заключительного характера. Статистические данные обогащают и усиливают наполнение данной главы. Ссылаясь на справку о предварительных итогах работы примирительной комиссии по кровничеству в Чечено-Ингушской АССР / Материалы Президиума Верховного Совета Чечено-Ингушской АССР, А. А. Плиев приводит точную зафиксированную цифру числа кровников в 314 семей по состоянию на конец 1950-х гг. – начало 1960-х гг. В этой связи предпримем осуществить попытку характеристики таблицы 2. Количество преступлений за 1958–1965 гг.; таблицы 3. Анализ дел Верховного суда Чечено-Ингушской АССР, 1958–1965 гг.

Таблица 2. Количество преступлений за 1958–1965 гг. Данная таблица отражает статистику зарегистрированных убийств в Чечено-Ингушетии за 1958–1965 гг., включая случаи, квалифицированные по мотиву кровной мести (ст. 136 ч. 1 УК РСФСР; позднее – ст. 102 УК РСФСР с выделением квалифицирующего признака).

Общие количественные показатели. За рассматриваемый восьмилетний период зарегистрировано: 289 убийств в целом; 19 убийств, совершённых по мотиву кровной мести. Среднегодовой показатель составляет: 36,1 убийства; 2,38 убийства по кровной мести. Удельный вес убийств по кровной мести в общей структуре убийств за весь период – 6,57 %.

Структурные особенности периода. Анализ позволяет выделить два этапа: I этап (1958–1963 гг.): 251 убийство в целом; 19 убийств по кровной мести; средний удельный вес – 7,6 %. II этап (1964–1965 гг.): 38 убийств в целом, 0 убийств по кровной мести. Отмечается резкое снижение общего числа убийств и отсутствие зарегистрированных случаев кровной мести.

Динамика общего уровня убийств. Сравнение крайних точек периода показывает: 1958 г. – 50 убийств; 1965 г. – 12 убийств. Снижение составляет 76 % за восемь лет. Пик общего числа убийств приходится на 1962 г. (51 случай), после чего наблюдается устойчивая нисходящая динамика. Юридино-криминологическая интерпретация: убийства по мотиву кровной мести не занимают доминирующего положения в структуре убийств, составляя в среднем 6–8 % в активной фазе периода. До 1963 г. фиксируется стабильность данного вида преступлений (2–4 случая ежегодно), что указывает на сохранение традиционного мотива в условиях советской уголовно-правовой системы. Отсутствие зарегистрированных случаев в 1964–1965 гг. может свидетельствовать либо о фактическом снижении данного вида преступлений, либо об изменении практики квалификации, либо о более эффективной профилактике и вмешательстве государственных и партийных органов.

Обобщающий вывод: статистика 1958–1965 гг. демонстрирует, что кровная месть в рассматриваемый период сохраняла устойчивое, но количественно ограниченное присутствие в структуре убийств. При среднем удельном весе 6,57 % она не являлась массовым явлением, однако выступала специфическим мотивом тяжких насильственных преступлений. После 1963 г. наблюдается полное исчезновение данного квалифицирующего признака в официальной статистике, что указывает на существенную трансформацию правоприменительной практики или социально-правовой среды к середине 1960-х гг.

Таблица 3. Анализ дел Верховного суда Чечено-Ингушской АССР, 1958–1965 гг. Она охватывает 12 уголовных дел, рассмотренных Верховным судом Чечено-Ингушской АССР в указанный период. Материал позволяет проследить особенности квалификации и назначения наказания по делам, связанным с актами кровной мести.

Гендерная характеристика субъектов: во всех 12 случаях субъектами вторичного преступления (кровной мести) выступают мужчины. По характеру родственной связи распределение выглядит следующим образом: сын – 4 случая; брат – 2 случая; участник (участники) конфликта – 6 случаев. Таким образом, таблица подтверждает, что реализация кровной мести сохраняла мужской характер и была связана с родовой ответственностью по линии ближайших родственников либо участников первичного конфликта.

Распределение по санкциям. По итогам судебного рассмотрения установлено следующее распределение максимальных санкций по делам: расстрел – 1 дело (8,3 %); лишение свободы на срок 15 лет – 4 дела (33,3 %); лишение свободы на срок 10 лет – 3 дела (25%); лишение свободы на срок 8 лет – 1 дело (8,3 %); наказания менее 8 лет (включая 6, 5, 3 года и 1 год лишения свободы) – 3 дела (25 %). В двух из дел зафиксирован групповой приговор с различными сроками наказания для соучастников (10 лет; 8 лет; 6 лет); (10 лет; 5 лет; 3 года; 3 года; 1 год). В другом деле указано 12 лет. Наиболее распространённой санкцией является лишение свободы на срок 15 лет, что свидетельствует о тенденции к назначению длительных сроков изоляции. Высшая мера наказания – расстрел – применена лишь в одном случае.

Временной интервал между первичным преступлением и мстью. Интервал между первичным преступлением и актом кровной мести варьируется от нескольких часов до 20 лет. Это позволяет выделить две модели поведения: немедленная месть (в пределах суток); отсроченная месть, реализованная спустя годы и даже десятилетия.

Из 12 дел в таблице: 4 дела (33,3 %) – первичным преступлением являлось убийство; 6 дел (50 %) – первичным преступлением являлась драка (включая ссоры с применением насилия); 2 дела (16,7%) – иные конфликтные основания (обида, имущественный спор).

Таким образом, в половине случаев кровная месть являлась продолжением бытовых конфликтов, переросших в насилие, тогда как в трети случаев – реакцией на ранее совершённое убийство близкого родственника.

Примирительные механизмы. Во всех указанных в таблице 12 делах примирение по адату не состоялось; также отсутствуют случаи примирения по инициативе партийных органов. Данные обстоятельства указывают на переход конфликта в сферу исключительно уголовно-правового реагирования. Материалы «Таблица 3» [1, с. 118–119] демонстрируют, что в 1958–1965 гг. Верховный суд Чечено-Ингушской АССР по делам о кровной мести преимущественно назначал длительные сроки лишения свободы при ограниченном применении высшей меры наказания. Судебная практика характеризуется отсутствием примирительных процедур и значительной вариативностью временных интервалов между первичным преступлением и актом мести. Эти данные отражают функционирование уголовно-правового механизма в условиях сохранявшихся традиционных форм родовой ответственности.

А. А. Плиев отмечает, что в конце 1950-х – начале 1960-х гг. в чечено-ингушском обществе сохранялось параллельное функционирование адатских механизмов примирения и советской судебной системы, что отражало состояние нормативного дуализма на региональном уровне Чечено-Ингушской АССР. Адатские посредники продолжали определять в качестве основной меры урегулирования выплату значительных компенсаций, размер которых, по данным партийных органов, в Ингушетии достигал 2500 руб., что фактически вело к экономическому разорению семьи виновного и усиливало социальное напряжение. Несмотря на судебное осуждение виновных, стороны нередко прибегали к традиционному примирению, однако оно не всегда предотвращало повторные акты кровной мести, что свидетельствует о снижении регулятивной эффективности адата. Негативное отношение партийных и советских органов к адатским практикам сочеталось с их фактическим сохранением в общественной жизни региона, что указывает на переходный характер правовой культуры Северного Кавказа в рассматриваемый период [1, с. 122–123].

Советские примирительные комиссии как модель управляемой трансформации адатского посредничества. В марте–апреле 1960 г. в Чечено-Ингушской АССР была институционально оформлена система Республиканской и районных примирительных комиссий: 13 апреля 1960 г. Бюро обкома КПСС одобрило создание Республиканской комиссии при Президиуме Верховного Совета ЧИАССР. К этому моменту было выявлено 314 межfamilьных конфликтов; к ноябрю 1960 г. – примирено 157, а по состоянию на 1 июля 1964 г. – 424 (на 1 января 1965 г. – 470), что подтверждает масштаб и системность кампании. Публичные сходы стали ключевым инструментом «советского посредничества». 19 марта 1960 г. в сел. Экажево (Ингушетия) и 18 апреля 1960 г. в сел. Сурхахи (Ингушетия) были приняты решения о прекращении кровной вражды и отказе от выплаты тоам (компенсации) с одновременным объявлением бойкота несогласным и обращением к государству с требованием применять строгие меры вплоть до высшей меры наказания (расстрел). 27 апреля 1960 г. в сел. Гойты (Чечня) постановлено ликвидировать кровную месть и передавать отказников органам власти для лишения права проживания с конфискацией имущества. 30 августа 1960 г. в сел. Автуры (Чечня) предложены к закреплению дополнительные санкции: снятие с работы, лишение приусадебного участка, запрет выпаса частного скота на землях совместного хозяйства, ходатайство о выселении и требование назначения расстрела независимо от обстоятельств убийства. В Ингушетии 5 мая 1960 г. в сел. Насыр-Корт за один день примирены 28 семей, 20 мая 1960 г. в сел. Кантышево – 20 семей; в Назрановском районе (Ингушетия) в мае 1960 г. на массовом митинге (около 1500 чел.) также проведены публичные примирения.

Принципиальное отличие новой модели от адатной состояло в отказе от компенсационного механизма и переносе санкционного центра на государство: частная месть замещалась требованием государственного наказания, включая расстрел. Одновременно применялись меры социального давления (бойкот, угрозы выселения и имущественные

ограничения), что свидетельствует о гибридном характере регулирования – соединении традиционных форм коллективного воздействия с инструментами советской административной власти. Введение с 1 января 1961 г. нового УК РСФСР (гл. XI о «пережитках местных обычаев», включенная в Особенную часть) юридически закрепило курс на уголовно-правовое пресечение кровной мести и завершило институционализацию «советского посредничества» как элемента региональной политики модернизации правовой культуры.

На основании анализа данного раздела из работы А. А. Плиева считаем важным отметить: республиканская и районные примирительные комиссии действовали на всей территории Чечено-Ингушской АССР, охватывая как чеченские, так и ингушские районы, что обеспечивало единый институциональный механизм урегулирования кровной вражды в рамках автономии. Учрежденные решениями высших органов республиканской власти и функционировавшие под партийным контролем, они представляли собой форму публично-правового посредничества, а не локальную общественную инициативу. Их деятельность способствовала унификации правоприменения и включению традиционных норм в систему советского уголовно-правового регулирования, укрепляя государственную монополию на разрешение конфликтов и применение санкций.

Для академической науки повышенное значение имеют все разделы монографии А. А. Плиева (и особенно заключительный, посвященный советскому суду и кровной мести). Мы же сделаем обобщающий анализ, согласно которому выделим важное. Судебная практика Чечено-Ингушской АССР конца 1950-х – начала 1960-х гг. демонстрирует формирование устойчивой линии уголовно-правовой квалификации кровной мести как самостоятельногоотягчающего признака умышленного убийства. Применение ст. 102 п. «к» УК РСФСР 1960 г. (а ранее – ст. 136 «Преступления, составляющие пережитки родового быта», входила в УК РСФСР 1926 г.) свидетельствует о законодательном закреплении повышенной общественной опасности данного мотива и об институциональном отказе от его культурно-объяснительной интерпретации. Суды последовательно исходили из приоритета публичного уголовного преследования над адатским урегулированием. Факт примирения сторон, выплата компенсации либо ссылки на «снятие позора» (насмешки) не признавались обстоятельствами, устраняющими противоправность или вину. Тем самым утверждался принцип нормативного верховенства государственного закона и исключалась возможность конкуренции обычного права с уголовным законодательством. Назначение высшей меры наказания по ряду дел, а также последующая коррекция приговоров Верховным Судом РСФСР и Президиумом Верховного Совета РСФСР демонстрируют функционирование многоуровневого механизма судебного контроля и централизацию уголовной политики.

Одновременно анализ дел показывает трансформацию самой традиционной нормы – нарушение адатских ограничителей (убийство не непосредственного виновника, вовлечение третьих лиц, несоблюдение примирения) фиксирует эрозию классической модели родовой ответственности. В этой ситуации советский суд выступал не только карательным органом, но и инструментом нормативной модернизации, переводя частную форму возмездия в сферу публичной репрессии. Введение с 1 января 1961 г. нового УК РСФСР с главой «Преступления, составляющие пережитки местных обычаев» окончательно институционализировало данную линию. Кровная месть была квалифицирована как проявление общественно опасного пережитка, подлежащего безусловному уголовному пресечению. Тем самым судебная практика Чечено-Ингушской АССР рассматриваемого периода свидетельствует о последовательном утверждении монополии государства на применение санкций, унификации правоприменения и вытеснении традиционных форм конфликторазрешения из сферы юридически значимого поведения. Судебная деятельность выступала инструментом правовой интеграции региона и элементом общей политики унификации правоприменения в масштабах РСФСР, обеспечивая институциональное вытеснение адатской модели возмездия публичной уголовно-правовой репрессией.

Концовка монографии посвящена институту сватовства («Похищение невест и выплата калыма»). Автор исследовал чеченскую и ингушскую модели сватовства в 1960–1970-е гг., выделив некоторые различия прежде всего по субъекту инициативы и структуре брачной процедуры. У чеченцев преобладала форма брака, основанная на предварительном согласии молодых людей, реализуемая через ритуализированную процессию (зуда йоссаяр), которая внешне напоминала похищение, но по сути являлась согласованным действием. Родители, как правило, включались в процесс на стадии согласования имущественных условий, прежде всего размера там. У ингушей же брак заключался преимущественно через институт сватовства, где решающую роль играли семьи и посредники, а согласие родителей предшествовало окончательному оформлению брака. Определенным отличием выступал имущественно-правовой режим выплат: у чеченцев они различались (там и урдо), тогда как у ингушей существовала единая выплата (урдуб), полностью переходившая в собственность невесты. В чеченской практике имущество, приобретенное на средства (там), чаще интегрировалось в хозяйство мужа, тогда как у ингушей калым имел более выраженную гарантийную функцию в интересах женщины. Таким образом, чеченская модель характеризовалась большей ролью личного выбора и договорного начала при сохранении традиционной формы, тогда как ингушская – большей формализованностью и доминированием родового согласования. Обе системы при этом демонстрируют адаптацию обычая к новым социальным условиям без утраты его нормативной значимости и являются общим достоянием правовой культуры.

Монография А. А. Плиева «Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880–1970 годы. М.: Наука, 2016. 160 с.» представляет собой исследование, в котором правовая культура рассматривается как исторически изменяющаяся система нормативных практик, а не как совокупность этнографических особенностей.

Автору удалось реконструировать институт кровной мести в его внутренней логике как механизм социальной регуляции, включавший санкции, процедуры примирения, посредничество и имущественную компенсацию. Тем самым кровная месть показана не как правовой рудимент, а как структурированный элемент традиционного правопорядка.

Заключение

Научная значимость работы заключается в выявлении механизма трансформации обычного права в условиях смены государственно-правовых режимов. А. А. Плиев демонстрирует, что взаимодействие адата и государственного законодательства носило не характер прямого вытеснения, а форму нормативного перераспределения компетенций: часть функций (примирение, посредничество) была институционализована советской властью, тогда как санкционная сфера окончательно перешла под контроль государства. Это позволяет говорить о постепенной монополизации публичного принуждения при сохранении культурных оснований правосознания. Вклад в историко-правовую науку состоит в том, что исследование опирается на архивные судебные материалы, нормативные источники и полевые данные, соединяя юридический анализ с антропологическим изменением. Такая методологическая композиция позволяет проследить эволюцию правовых институтов не декларативно, а на уровне конкретной правоприменительной практики.

Для юридической антропологии работа значима тем, что фиксирует устойчивость категорий чести, коллективной ответственности и посредничества даже в условиях модернизированного уголовного законодательства.

Плиев показывает, что правовая культура чеченцев и ингушей в XX веке не была сломана внешним давлением, а подверглась внутренней перестройке, адаптируясь к новым институциональным формам. Именно в этом заключается оригинальность монографии: она раскрывает не «конфликт традиции и государства», а сложную модель правовой трансформации, в которой обычай и закон взаимодействуют, возможно местами конкурируют

и взаимно изменяются. Это придаёт работе устойчивое место в дискурсе историко-правовых и антропологических исследований Северного Кавказа.

Анализ представленного общего списка литературы свидетельствует о фундаментальном и многослойном характере источниковой базы монографии А. А. Плиева «Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей». Библиография охватывает широкий хронологический диапазон – от дореформенных этнографических и правовых исследований XIX в. до современных работ по юридической антропологии и правовому плюрализму начала XXI в. Такое построение источникового корпуса позволяет автору рассматривать правовую культуру не статично, а в исторической динамике. В библиографии отмечается сочетание различных типов источников: дореволюционные этнографические описания (Берже, Ковалевский, Харузин, Потто и др.), советские нормативные акты (несколько редакций УК РСФСР), стенографические отчёты съездов и партийные материалы, диссертационные исследования, а также современные теоретические работы по обычному праву и правовому плюрализму. Это обеспечивает междисциплинарную глубину исследования и позволяет соединить нормативный анализ с антропологическим подходом.

Особое значение имеет включение архивных и нормативных источников (протоколы съездов, тексты УК различных редакций), что придаёт исследованию юридическую строгость и позволяет проследить институционализацию борьбы с кровной мстью на уровне государственного права. Одновременно привлечение классических трудов по родовому быту и обычному праву (Ковалевский, Косвен, Морган, Энгельс) формирует теоретическую рамку для осмысления традиционных институтов.

В структуре библиографии представлены 8 самостоятельных публикаций А. А. Плиева и одна работа в соавторстве, что свидетельствует о многолетней и последовательной разработке автором проблематики кровной мести, примирительных комиссий, брачно-семейных норм и трансформации адата в советский период. Это придаёт монографии концептуальную целостность и подтверждает её опору на ранее апробированные научные результаты.

В целом источниковая база отличается хронологической глубиной, тематической репрезентативностью и методологической многослойностью. Она позволяет автору выйти за рамки описательной этнографии и предложить историко-правовую реконструкцию трансформации традиционных институтов в условиях смены государственно-правовых режимов. Таким образом, библиография монографии является её существенным научным достоинством и обеспечивает высокий уровень аргументации и аналитической достоверности исследования.

Монография обогащена глоссарием, он включает 45 терминов, из которых 26 (более половины) обозначены как общие для чеченского и ингушского языков. Это количественное преобладание общей для чеченцев и ингушей терминологии свидетельствует о глубокой историко-культурной общности их правовых представлений в сфере регулирования кровной мести, примирения и компенсации вреда. При этом 12 терминов имеют исключительно ингушскую фиксацию, а 7 – чеченскую, что отражает локальные вариации внутри единой правовой традиции. Терминология в большей степени детализирует процедурные и санкционные аспекты: этикет кровников, формы прекращения вражды, специальные случаи, некоторые термины чаще связаны с брачно-имущественными институтами и социальным статусом участников конфликта.

Структура глоссария подтверждает, что автор рассматривает правовую культуру чеченцев и ингушей не как разрозненные этнические системы, а как единое нормативное пространство с региональными модификациями. Терминологический анализ показывает, что базовые категории – кровь (*пхьа*), примирение (*тоам*), медиаторский суд (*кхел*), вражда (*дов*, *члур*) – имеют общий характер, что указывает на единство фундаментальных правовых принципов. Таким образом, глоссарий выполняет не только справочную функцию, но и может выступать показателем концепции автора о структурной целостности правовой

культуры чеченцев и ингушей при сохранении внутренней вариативности. Его количественный и лингвистический состав усиливает аргументацию монографии и придаёт исследованию дополнительную научную обоснованность.

На различных исторических отрезках времени вклад в исследование обычного права, социального строя, суда, правосудия и правовой культуры чеченцев и ингушей внесли, а также продолжают вносить ныне, чеченские и ингушские исследователи, представители различных научных отраслей, объединяемые стремлением исследовать перечисленные вопросы. Среди исследователей отметим: Абдурашидова Э. Д. [2], Албогачиеву М. С.-Г. [3], Арсанукаеву М. С. [4], Ахмадова Ш. Б. [5], Ахриева Ч. Э. [6], Гандарову Л. Б. [7], Гантемирову Ф. А. [8], Кодзоева Н. Д. [9], Кокурхаева К.-С. А.-К. [10], Махмудову К. З. [11], Мамакаева М. М. [12], Ошаева Х. Д. [13], Тесаева З. А. [14], Харсиева Б. М.-Г. [15].

Одно из ключевых мест среди трудов отмеченных авторов, в нашем понимании масштаба и содержания исследования представляющая насыщенным источниковедческим и образцовым методологическим эталоном, занимает работа Абдурахима Ахмедовича Плиева. Несмотря на ее разработку во второй половине XX столетия, она представляет повышенный интерес в настоящем столетии, в связи с чем закономерно стала предметом столь детального исследования в настоящей статье. Вполне обоснованным будет обозначить и научную заслугу Албогачиевой М. С.-Г. и Бабич И. Л. [16], которые стали авторами как самостоятельных исследований, посвященных вопросам исследования правовой культуры чеченцев и ингушей, так и соавторами в ряде совместных исследований [17].

Говоря в целом о вкладе различных исследователей, считаем возможным подчеркнуть: несмотря на различие исследовательских стратегий и теоретических оснований, работы указанных выше авторов объединяет единая научная направленность – анализ исторической динамики общественной организации и правовой культуры чеченцев и ингушей. Их исследования не строятся на принципе полемического опровержения друг друга, а ориентированы на последовательное накопление знаний и выработку обобщающих объяснительных моделей. В контексте юридической антропологии правовое наследие чеченцев и ингушей рассматривается ими как форма нормативной регуляции, укоренённая в социальной структуре, системе родства, религиозных представлениях и механизмах общественного контроля. Такой подход позволяет раскрыть специфику функционирования традиционного права и проследить его преобразование в условиях включения в государственно-правовое пространство.

Ценный этнографический вклад в изучение данных вопросов на протяжении всей своей жизни своим ответственным трудом, старательностью вносил выдающийся исследователь Сайд-Магомед Адамович Хасиев [18]. Его научные труды являются кладью научной информации и требуют масштабного продолжения в интересах современной юридической антропологии. В 60-е – 70-е гг. XX столетия появились исследования, посвященные чеченскому адату и древнему чеченскому суду Мехк-кхел [19], которые находят свои ретроспективные отражения в настоящем столетии. Кстати, эта связь прослеживается в работе как А. А. Плиева, так и в исследовании З. А. Тесаева. Первый отмечает: люди, выбранные старцами для решения этого вопроса, поехали в Майстинское общество (Чечня), которое славилось знатоками и блюстителями адата, чтобы найти там «путь к примирению» – тоам бе никь [1, с. 35]. У второго исследователя в монографическом исследовании этому посвящен параграф «Дай-Кхел» в Майсте [14, с. 52–55].

И таких аналогий прошлого и настоящего немало. Достаточно обратиться для сравнения отдельных позиций в проанализированной нами работе с изданием под авторством Г. А. Ткачева, введенным в научный оборот в 1911 г. [20]. Оно также представляет существенный вклад в юридическую антропологию. Согласимся с исследовательской взглядом на проблему историко-правовых исследований, высказанную авторитетным отечественным специалистом в области права В. С. Горбанем. Он отмечает, что литература по теории права должна чувствовать и отражать проблему универсальных знаний и национального

языка, фундаментальных корней и истоков, из которых складывается портрет теории права, её средства выразительности, композиционная структура и содержание [21, с. 65].

Современные исследователи юридической антропологии Северного Кавказа во многом должны быть благодарны известному отечественному исследователю и зачинателю глобального проекта «Правовой мир Кавказа» – доктору юридических наук, профессору Д. Ю. Шапсугову [22]. Его научная позиция на протяжении десятилетий неизменна: в последовательном стремлении и практическом участии показать уникальность правовой культуры Северного Кавказа. Масштабная работа, осуществляемая им по сохранению и развитию в новом ключе юридической антропологии, выражена в самых разнообразных научных проектах: конференциях, сборниках, многотомных изданиях, реализованных за последние годы на базе Южно-Российского института управления Президентской академии. Эта неустанная деятельность, реализуемая с единомышленниками, непоколебимо укрепила позиции региональных исследователей, обративших своими трудами интерес на вопросы обычного права, правосудия и правовой культуры народов России, что имеет огромное значение в целом для всей историко-правовой науки.

Таким образом, монография А. А. Плиева обладает значительным источниковедческим и методологическим потенциалом и занимает устойчивое место в современном дискурсе историко-правовых и юридико-антропологических исследований Северного Кавказа. Работа демонстрирует, что правовая культура чеченцев и ингушей в XX веке развивалась не по модели простого вытеснения традиционных норм государственным правом, а по более сложной траектории нормативной трансформации и институциональной адаптации. Представленное исследование вносит существенный вклад в изучение механизмов взаимодействия адата и позитивного права и может рассматриваться как научно значимый ориентир для дальнейших исследований в области юридической антропологии, истории права и кавказоведения.

Список источников

1. Плиев А. А. Некоторые аспекты правовой культуры чеченцев и ингушей: 1880-1970 годы. М.: Наука, 2016. 160 с. ISBN: 978-5-02-039984-6. EDN: YKVMJSJ.
2. Абдурашидов Э. Д. Чеченско-русский, русско-чеченский словарь юридических терминов. Грозный: «Грозненский рабочий», 2010. 223 с. ISBN: 978-5-900231-69-3. EDN: QRXGIT.
3. Албогачиева М. С.-Г., Бабич И. Л., Плиев А. А. Этнополитические аспекты правовой культуры народов Северного Кавказа: исторические корни и современность / отв. ред. И. Л. Бабич. М.: Директ-Медиа, 2022. 248 с. ISBN 978-5-4499-3304-1.
4. Арсанукаева М. С. Правовая культура чеченцев и ингушей (XIX – начало XX в.). М.: Российская правовая академия Минюста РФ, 2009. 198 с. ISBN: 978-5-89172-174-6. EDN: QRLOVF.
5. Ахмадов Ш. Б. Чечня и Ингушетия в XVIII – начале XIX вв.: очерки социально-экономического развития и общественно-политического устройства. Элиста: АПП "Джангар", 2002. 528 с. ISBN: 5-94587-072-3. EDN: UMUCWX.
6. Ахриев Ч. Э. Ингуши (историко-этнографический очерк) // Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1875. Вып. 8. С. 1–46.
7. Гандарова Л. Б. Обычное право ингушей: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. 177 с. EDN: NNJBOT.
8. Гантемирова Ф. А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII – первая половина XIX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Грозный, 1972. 24 с.
9. Кодзоев Н. Д. История развития судебной системы Ингушетии. М.: Компания "ДинаЛ": ТПК "Центробланк", 2006. 354 с. ISBN: 5-91303-001-X. EDN: PFKXCQ.
10. Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (вторая половина XIX – начало XX в.). Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1989. 112 с.

11. Махмудова К. З. Историческое и этнокультурное развитие чеченцев и ингушей в XVIII - первой половине XIX в. М., 2012. 256 с. ISBN: 978-5-4326-0034-9. EDN: QPXRCV.
12. Мамакаев М. М. Чеченский тейп (род) и его правовые институты // Труды Чечено-Ингушского НИИ истории, языка и литературы. Грозный, 1962. Вып. 6. С. 45–78.
13. Ошаев Х. Д. Очерк начала революционного движения в Чечне. Грозный, 1928. 26 с.
14. Тесаев З. А. Мехк-Дай. Народные правители Чечни. (XVI – первая четверть XVIII в.). Грозный, 2019. 432 с.
15. Харсиев Б. М.-Г. Ингушские адаты как феномен правовой культуры: автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-на-Дону, 2003. 24 с. EDN: NHKHHZ.
16. Бабич И. Л. История кровной мести у ингушей и чеченцев (1870-1960-е годы) // Юридические исследования. 2018. № 3. С. 42-57. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.3.2550>. EDN: YVOAMB.
17. Плиев А. А., Бабич И. Л. Примирительные комиссии на Северном Кавказе: 1930-е годы – сравнительный анализ (1920–1930-е гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2019. № 2. С. 29–40. EDN: PJTKPO.
18. Гортикова М. Философ в этнографии – Саид-Магомед Хасиев // Вести Республики. 2012. № 134 (1817). Режим обращения URL: <http://vesti095.ru/2012/07/438769/> (дата обращения: 20.12.2025).
19. Саидов И. М. Мехк-кхел – совет страны у нахов в прошлом // Кавказский этнографический сборник. Тбилиси: "Мещниерба", 1968. Вып. II. С. 199–206.
20. Ткачев Г. А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Владикавказ, 1911. 156 с.
21. Горбань В. С. Анализ историографической проблематики философско-правовых исследований и формирования современной правовой теории / Сборник научных трудов второй Международной конференции «Историографические проблемы и подходы в современных юридических исследованиях» (Москва, 15 апреля 2025 г.) в 2-т. Т. 1 / под общ. ред. А. Н. Савенкова, В. С. Горбаня. М.: ИГП РАН, 2025. 400 с.
22. Шапсугов Д. Ю. Правовая культура народов Кавказа как творческий синтез взаимодействия цивилизаций // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 3. С. 9–18. EDN: HKRRIN.

References

1. Pliev A.A. *Some aspects of the legal culture of Chechens and Ingush: 1880-1970*. Moscow: Nauka; 2016. 160 p. ISBN: 978-5-02-039984-6. EDN: YKVMSJ. (In Russ.).
2. Abdurashidov E.D. *Chechen-Russian, Russian-Chechen dictionary of legal terms*. Grozny; 2010. 223 p. ISBN: 978-5-900231-69-3. EDN: QRXGIT. (In Russ.).
3. Albogachieva M.S.-G., Babich I.L., Pliev A.A. *Ethnopolitical aspects of the legal culture of the peoples of the North Caucasus: historical roots and modernity*. Ed. by I. L. Babich. Moscow: Direct-Media; 2022. 248 p. ISBN 978-5-4499-3304-1. (In Russ.).
4. Arsanukayeva M.S. *The legal culture of Chechens and Ingush (XIX – early XX century)*. Moscow: Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation; 2009. 198 p. ISBN: 978-5-89172-174-6. EDN: QRLOVF. (In Russ.).
5. Akhmadov Sh.B. *Chechnya and Ingushetia in the XVIII – early XIX centuries: essays on socio-economic development and socio-political structure*. Elista: "Jangar"; 2002. 528 p. ISBN: 5-94587-072-3. EDN: UMUCWX. (In Russ.).
6. Akhriev C.E. Ingush (historical and ethnographic essay). In: *Collection of information about the Caucasian highlanders*. Tiflis; 1875. Issue 8. P. 1-46. (In Russ.).
7. Gandarova L.B. *Customary law of the Ingush*: dis. ... Cand. Sci. (Law). Saint Petersburg; 2004. 177 p. EDN: NNJBOT. (In Russ.).
8. Gantemirova F.A. *Socio-political system and customary law of Chechens and Ingush (XVIII – the first half of the XIX century)*: abstract of the dissertation. ... Cand. Sci. (History). Grozny; 1972. 24 p. (In Russ.).
9. Kodzoev N.D. *The history of the development of the judicial system of Ingushetia*. Moscow: The company "DinaL": ТПК "CentrobLank"; 2006. 354 p. ISBN: 5-91303-001-X. EDN: PFKXCQ. (In Russ.).

10. Kokurkhaev K.-S.A.-K. *Socio-political system and the law of Chechens and Ingush (the second half of the 19th – early 20th centuries)*. Grozny: Chechen-Ingush Book Publishing House; 1989. 112 p. (In Russ.).
11. Makhmudova K.Z. *Historical and ethnocultural development of Chechens and Ingush in the XVIII - first half of the XIX century*. Moscow; 2012. 256 p. ISBN: 978-5-4326-0034-9. EDN: QPXRCV. (In Russ.).
12. Mamakaev M.M. The Chechen teip (genus) and its legal institutions. *Proceedings of the Chechen-Ingush Research Institute of History, Language and Literature*. Grozny; 1962. Vol. 6. P. 45–78. (In Russ.).
13. Oshaev H.D. *An essay on the beginning of the revolutionary movement in Chechnya*. Grozny; 1928. 26 p. (In Russ.).
14. Tesaev Z.A. *Mekhk-Dai. The people's rulers of Chechnya. (XVI – the first quarter of the XVIII century.)*. Grozny; 2019. 432 p. (In Russ.).
15. Kharsiev B.M.-G. *Ingush adats as a phenomenon of legal culture: abstract of the dissertation of the Cand. Sci. (Philology)*. Rostov-on-Don; 2003. 24 p. EDN: NHKHHZ. (In Russ.).
16. Babich I.L. The history of blood feud among the Ingush and Chechens (1870-1960-ies). *Legal Studies*. 2018;(3):42–57. <https://doi.org/10.25136/2409-7136.2018.3.2550>. EDN: YVOAMB. (In Russ.).
17. Pliev A.A., Babich I.L. Reconciliation commissions in the North Caucasus: the 1930s – a comparative analysis (1920-1930s). *North Caucasus Legal Vestnik*. 2019;(2);29–40. EDN: PJTKPO. (In Russ.).
18. Gortikova M. The philosopher in ethnography – Said-Magomed Khasiev. In: *Vesti Respubliki*. 2012; 134 (1817). Available from: <http://vesti095.ru/2012/07/438769/> (Accessed: 12/20/2025). (In Russ.).
19. Saidov I.M. Mekhk-khel – the council of the country among the Nakhs in the past. In: *Caucasian ethnographic collection*. Tbilisi: Meshchnierba; 1968. Issue II. P. 199–206. (In Russ.).
20. Tkachev G.A. *Ingush and Chechens in the family of nationalities of the Tersk region*. Vladikavkaz; 1911. 156 p. (In Russ.).
21. Gorban V.S. Analysis of the historiographical problems of philosophical and legal research and the formation of modern legal theory. In: *Collection of scientific papers of the Second International Conference "Historiographical problems and approaches in modern legal research"* (Moscow, April 15, 2025) in 2 volumes. Vol. 1. Under the general editorship of A. N. Savenkov, V. S. Gorban'. Moscow: IGP RAS; 2025. 400 p. (In Russ.).
22. Shapsugov D. Yu. Legal culture of nations of the Caucasus as a creative synthesis of the interaction of civilizations. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2022;(3):9–18. EDN: HKRRIN. (In Russ.).

Информация об авторе

Д. Х. Сайдумов – доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук.

Information about the author

D. Kh. Saidumov – Dr. Sci. (Law), Senior Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 27.01.2026; одобрена после рецензирования 06.03.2026; принята к публикации 10.03.2026.

The article was submitted 27.01.2026; approved after reviewing 06.03.2026; accepted for publication 10.03.2026.

Нейроправо в системе современной юридической науки

Татьяна Владимировна Шатковская^{1, 2}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия

²Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия
shatkovskaya.tv@gmail.com, SPIN-код: 1493-4872, <https://orcid.org/0000-0002-1574-4702>

Аннотация

Введение. Развитие нейротехнологий обусловило формирование практик получения и использования нейросведений, которые могут учитываться при правовой оценке поведения человека. В ответ на данные изменения в юридической науке складывается нейроправо как направление исследований, ориентированное на осмысление правовых последствий обращения к нейросведениям. Вместе с тем отсутствует согласованное понимание места нейроправа в системе юридического знания и условий допустимого использования нейросведений в праве, что затрудняет выработку методологических ориентиров их юридической оценки.

Цель. Определение места нейроправа в системе современной юридической науки и обоснование его институционального положения в условиях нейроцифровизации.

Методы. Для достижения указанной цели в статье используется системный метод, позволяющий соотнести нейроправовую проблематику со структурой юридического знания. Формально-юридический метод применяется для выявления условий и ограничений использования нейросведений при правовой оценке юридически значимых последствий поведения человека. Сравнительно-правовой метод позволил сопоставить отечественные и зарубежные подходы к правовой оценке нейротехнологий. Выявление основных проблем нейроправа осуществлялось в рамках теоретико-правового анализа, направленного на установление системных противоречий и доктринальных пробелов, возникающих при применении действующих юридических конструкций к нейросведениям и нейротехнологическим практикам.

Результаты и выводы. Установлено, что развитие нейротехнологий и практик обращения с нейросведениями изменяет условия применения юридических понятий, используемых для оценки поведения лица и правовых последствий этого поведения. Техническая возможность получения и обработки нейросведений расширяет круг фактической информации, используемой при установлении обстоятельств дела и юридической оценке поведения лица, и затрагивает те элементы юридической квалификации, которые ранее формировались исключительно на основе внешне наблюдаемых форм поведения человека. Указанное обстоятельство не отменяет нормативный характер юридических выводов, но требует доктринального определения пределов допустимого использования нейросведений в праве.

В результате исследования нейроправо в системе юридической науки определено как межотраслевое научное направление, выполняющее координирующую методологическую функцию. Оно обеспечивает согласование фундаментальных юридических понятий и отраслевых правовых режимов применительно к использованию нейросведений и нейротехнологических воздействий, сохраняя нормативную автономию права и исключая подмену юридического рассуждения естественнонаучными объяснениями. Полученные результаты подтверждают,

что нейроцифровизация воздействует на юридическую науку как на целостную систему знаний. Она влияет на фундаментальные связи между фактическим поведением и нормативной оценкой и тем самым выходит за рамки технологического или отраслевого феномена. Данное воздействие требует системного теоретико-правового ответа, ориентированного на сохранение внутренней согласованности юридического знания.

Ключевые слова: нейроправо, система юридической науки, когнитивная безопасность личности, отрасль права, нейросведения, нейротехнологии, нейроцифровизация, искусственный интеллект

Для цитирования: Шатковская Т. В. Нейроправо в системе современной юридической науки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 77–89. EDN QDGPWG

Original article

Neurolaw in the system of modern legal science

Tatiana V. Shatkovskaya^{1, 2}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia

²Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

shatkovskaya.tv@gmail.com, SPIN-код: 1493-4872, <https://orcid.org/0000-0002-1574-4702>

Abstract

Introduction. The development of neurotechnologies has led to the formation of practices for obtaining and using neuroinformation, which can be considered in the legal assessment of human behavior. In response to these changes in legal science, neurolaw is emerging as a direction of research focused on understanding the legal consequences of turning to neuroinformation. At the same time, in legal science there is no agreed understanding of the place of neurolaw in the system of legal knowledge and the conditions for the acceptable use of neuroinformation in law, which makes it difficult to develop uniform methodological guidelines for their legal assessment.

The purpose of the study is to determine the place of neurolaw in the system of modern legal science and overcome the identified uncertainty.

Methods. To achieve this goal, the article uses a systematic method that allows us to correlate neurolegal issues with the structure of legal knowledge. The formal legal method is used to identify the conditions and limitations of the use of neuroinformation in the legal assessment of the legally significant consequences of human behavior. The comparative legal method made it possible to compare domestic and foreign approaches to the legal assessment of neurotechnologies. The identification of the main problems of neurolaw was carried out within the framework of theoretical and legal analysis aimed at establishing systemic contradictions and doctrinal gaps that arise when applying existing legal structures to neuroinformation and neurotechnological practices.

Results and conclusions. It has been established that the development of neurotechnologies and practices of dealing with neural knowledge is changing the conditions for the application of legal concepts used to assess a person's behavior and the legal consequences of this behavior. The technical capability of obtaining and processing neural data expands the range of factual information used in establishing the circumstances of a case and legally assessing a person's behavior, and affects those elements of legal qualifications that were previously formed solely on the basis of externally observable forms of human behavior. This circumstance does not negate the normative nature of legal conclusions, but requires a doctrinal definition of the limits of permissible use of neural science in law. As a result of the study, neuro-law in the system of legal science is defined as an interdisciplinary scientific direction that performs a coordinating methodological function. It ensures the harmonization of fundamental legal concepts and industry standards. legal regimes in relation to the use of neural science and neurotechnological influences, while maintaining the normative autonomy of law and excluding the substitution of natural scientific explanations for legal reasoning. The results obtained confirm that neurociphORIZATION affects legal science as an integral system of knowledge. It affects

the fundamental links between actual behavior and regulatory assessment, and thus transcends the scope of a technological or industry phenomenon. This impact requires a systematic theoretical and legal response aimed at preserving the internal consistency of legal knowledge.

Keywords: neurolaw, system of legal science, cognitive security of the individual, branch of law, neuroscience, neurotechnology, neurodigitalization, artificial intelligence

For citation: Shatkovskaya T. V. Neurolaw in the system of modern legal science. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):77–89. (In Russ.). EDN QDGPWG

Введение

Достоинство личности, неприкосновенность частной жизни и свобода мысли в юридической доктрине традиционно рассматриваются как правовые гарантии автономии личности и как пределы допустимого вмешательства в охраняемую законом психическую сферу личности. Эти положения образуют нормативную основу формирования и применения юридических понятий, предполагающих учёт субъективных факторов поведения человека, включая волеизъявление, ответственность и иные понятия, используемые при юридической оценке поведения и его правовых последствий.

Исторически данные гарантии формировались при допущении, что доступ к психической сфере человека возможен лишь опосредованно – через внешне наблюдаемое поведение и его результаты. В последние годы формируется технологическая среда, изменяющая условия получения и использования юридически значимой информации о психической сфере человека. Речь идёт о нейроцифровизации – совокупности процессов цифрового получения, обработки и интерпретации сведений о мозговой активности человека, обеспечивающих технически опосредованный доступ к отдельным аспектам психической сферы личности, прежде всего к когнитивным процессам.

Эти практики предполагают цифровую фиксацию, алгоритмическую обработку и интерпретацию нейросведений, а также их последующее применение в медицинских, коммерческих, управленческих и прочих целях. В результате становится возможным технически опосредованное обращение к таким характеристикам функционирования мозга, которые ранее не могли учитываться правом.

Изменение условий обращения с юридически значимой информацией о человеке получило отражение в международных и европейских документах, фиксирующих риски, связанные с развитием нейротехнологий, и необходимость дополнительных правовых и институциональных гарантий.

В материалах ЮНЕСКО развитие нейротехнологий прямо связывается с потенциальными нарушениями прав человека и подчёркивается необходимость предотвращения злоупотреблений, а также обеспечения уважения автономии личности. Одновременно отмечается устойчивый рост инвестиций в данную сферу как индикатор расширения соответствующих практик¹. Документы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) формируют рамочный подход к ответственному развитию и использованию нейротехнологий, связывая их с требованиями подотчётности, управления рисками, безопасности и соблюдения прав человека².

В исследовании Европейского парламента 2024 г. анализируются правовые и этические вызовы, связанные с использованием нейротехнологий в отношении внутренней когнитивной сферы личности, а также обсуждается соотношение предложений о «нейроправах»

¹ UNESCO. Ethics of neurotechnology: UNESCO adopts the first global standard in the cutting-edge technology // <https://www.unesco.org/en/ethics-neurotech?hub=83294>.

² OECD Legal Instruments: карточка инструмента OECD/LEGAL/0457 // <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0457>.

с действующими механизмами защиты прав человека¹. Ряд программных и рекомендательных документов, включая Европейскую хартию ответственного развития нейротехнологий (2025), свидетельствует об институционализации данной проблематики и её включении в регуляторную повестку².

Указанные изменения послужили основанием для формирования в юридической науке нейроправовой проблематики, направленной на теоретическое осмысление правовых последствий использования нейросведений и нейротехнологий. В рамках данной проблематики анализируются особенности применения и интерпретации сложившихся юридических понятий при правовой оценке поведения человека в ситуациях использования нейротехнологий и нейросведений.

Речь идёт прежде всего о таких правовых конструкциях, как юридическая ответственность, действительность волеизъявления, допустимость доказательств, применение которых традиционно основывалось на оценке внешне наблюдаемых форм поведения человека. Появление практик использования нейросведений ставит вопрос о применимости указанных конструкций при изменении фактической базы юридической оценки поведения. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость определения места нейроправовой проблематики в системе юридической науки и установления границ допустимого обращения к данным нейронаук в юридических исследованиях.

Отсутствие согласованных подходов, позволяющих определить место нейроправа в системе современной юридической науки, разграничить нормативный и эмпирический уровни анализа при обращении к нейросведениям и установить условия их юридической релевантности, определяет проблематику настоящего исследования. Цель исследования состоит в определении места нейроправа в системе современной юридической науки и обосновании его институционального положения в условиях нейроцифровизации.

Для достижения цели исследования используется системный метод, позволяющий соотнести нейроправовую проблематику с существующей структурой юридической науки и выявить её место среди иных направлений юридического знания. Формально-юридический метод позволил установить пределы применимости традиционных правовых конструкций в условиях нейроцифровизации.

Сравнительно-правовой метод применен для сопоставления отечественных и зарубежных доктринальных подходов к правовому осмыслению нейротехнологий и нейроданных. Историко-правовой анализ позволил проследить эволюцию представлений о допустимых границах юридического вмешательства в когнитивные процессы человека. Междисциплинарный подход выступает способом разграничения юридического и неюридического уровней исследования при рассмотрении нейроправовой проблематики.

Степень разработанности проблематики и выявление доктринальных пробелов

В зарубежной юридической литературе нейроправовая проблематика представлена совокупностью работ, различающихся по предмету и уровню теоретической анализа. Значительная часть исследователей сосредоточена на прикладных вопросах использования нейронаучной информации в уголовном и уголовно-процессуальном праве, включая допустимость нейродоказательств, влияние нейросведений на оценку вины и ответственности, проблемы причинной связи, а также возможности прогнозирования поведения и рисков.

¹ European Parliament (EPRS). The protection of mental privacy in the area of neuroscience: Societal, legal and ethical challenges (2024) (PDF) // [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/757807/EPRS_STU\(2024\)757807_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/757807/EPRS_STU(2024)757807_EN.pdf).

² European Brain Council. European Charter for the Responsible Development of NeuroTechnologies (2025) // <https://www.braincouncil.eu/wp-content/uploads/2025/04/European-Charter-for-the-Responsible-Development-of-NeuroTechnologies-FINAL.pdf>.

В рамках данного подхода анализируются преимущественно конкретные правоприменительные ситуации и судебные кейсы, что характерно для работ О. Джонса, Ф. Шена, М. Фарахани, Х. Грир и других авторов, исследующих потенциал и ограничения нейронаучных данных в судебной практике.

Особое место в научной литературе занимают труды С. Морса, в которых последовательно обосновывается тезис о недопустимости подмены нормативных юридических критериев нейробиологическими объяснениями поведения. Морс показывает, что нейронаучные данные могут уточнять фактические обстоятельства, но не способны заменить юридическую квалификацию и не устраняют необходимость нормативной оценки. Разработанная им концепция «синдрома чрезмерных утверждений» имеет общее теоретико-правовое значение. Она направлена на сохранение дисциплинарных границ юридического рассуждения и предупреждение натуралистической редукции права [1, с. 82, 83].

Наряду с этим в зарубежной доктрине сформировался массив теоретико-правовых исследований и работ в области прав человека, посвящённых рискам, возникающим в связи с технически опосредованным доступом к когнитивным процессам человека. В этих работах обсуждаются вопросы когнитивной свободы, психической целостности, защиты от манипулятивного воздействия и адекватности существующих правовых гарантий. Так, в исследовании М. Йенки и Р. Андорно предложена система «нейроправ» и показано, что нейротехнологии затрагивают элементы автономии и приватности, не всегда в полной мере охватываемые традиционными правовыми средствами защиты [2, с. 4, 5].

Смежные вопросы развиваются в исследованиях, посвящённых защите нейроданных и необходимости предотвращения вредоносного использования нейросведений. В них подчёркивается ограниченность классических моделей защиты, ориентированных исключительно на режим персональных данных [3, с. 3,4].

Вместе с тем в значительной части научных работ юридическое исследование осуществляется в рамках расширенного междисциплинарного контекста. В них нейроэтические и философские подходы задают проблематику и направление рассуждения. В результате нейроправо в таких работах выступает либо как условное обозначение круга правовых проблем, связанных с развитием нейротехнологий, либо как производное от доктрины прав человека.

В российской юридической науке интерес к нейротехнологиям и связанным с ними правовыми рисками возрос. Существенный вклад в разработку данной проблематики внесён И. А. Филиповой, в трудах которой последовательно анализируются правовые последствия внедрения нейротехнологий, включая вопросы защиты прав личности, допустимых ограничений и процессуальных эффектов [4, с. 33, 34].

Регуляторные модели и риски отсутствия специальных правовых режимов рассматриваются в сравнительно-правовом ключе в работах М. В. Посадковой [5, с. 50]. Конституционно-правовые аспекты нейроправ и их связь с достоинством личности и психической неприкосновенностью исследуются И. Ю. Крылатовой [6, с. 106]. Проблематика «новых прав» и их соотношение с традиционными правами человека анализируется в публикациях В. И. Красикова и других авторов [7, с. 67, 68].

В научной литературе представлены исследования, в которых определяется соотношение нейротехнологий с режимом персональных данных и проблематикой психологической автономии личности [8, с. 715], а также рассматриваются международно-правовые подходы к защите целостности личности в условиях развития нейротехнологий [9, с. 94, 95]. Наряду с этим в ряде публикаций проводится сопоставление отечественных доктринальных позиций с зарубежными правовыми подходами к защите когнитивных процессов человека.

Несмотря на расширение круга исследований, осмысление нейроправовой проблематики в юридической науке носит фрагментарный характер, вследствие чего место нейроправа в системе юридического знания остаётся неопределённым.

Понятийный аппарат юридической науки в условиях нейроцифровизации

Нейроцифровизация формирует совокупность практик, в результате которых изменяются условия применения и интерпретации юридических понятий. Речь идёт о расширении возможностей технической фиксации и обработки сведений, относящихся к когнитивным и психофизиологическим процессам человека, а также о практиках целенаправленного воздействия на такие процессы. Это актуализирует вопрос о юридической релевантности нейросведений и о пределах их допустимого учёта при правовой оценке поведения в свете конституционных гарантий личности.

В российском праве такие юридические понятия, как дееспособность, действительность волеизъявления, юридическая ответственность основываются на презумпции способности лица понимать значение своих действий и руководить ими. В гражданском законодательстве эта презумпция конкретизируется через нормы о недействительности сделок (ст. 171, 176, 177), в рамках которых юридические последствия ставятся в зависимость не от медицинского диагноза как такового, а от юридически значимой утраты способности к осознанному и свободному формированию воли¹.

В условиях нейроцифровизации возникает риск интерпретации нейросведений как непосредственного и исчерпывающего основания для установления недееспособности лица. Подобный подход методологически некорректен, поскольку юридическая оценка не тождественна медицинскому или нейрофизиологическому описанию и предполагает нормативное соотнесение фактических данных с правовыми последствиями. Поэтому для юридической науки принципиальное значение сохраняет разграничение между сведениями о состоянии лица и выводом о его юридической значимости. На этом уровне, как указывает С. Морс, возникает опасность подмены юридического рассуждения нейронаучными объяснениями, когда, например, последние воспринимаются как достаточное основание для пересмотра критериев юридической ответственности [10, с. 400].

Сходные вопросы возникают в сфере применения юридических понятий, обеспечивающих реализацию конституционных гарантий автономии частной жизни и свободы мысли. Конституция РФ закрепляет свободу мысли, запрет принуждения к выражению убеждений и охрану частной жизни (ст. 23, 24, 29). В юридической доктрине данные положения рассматривались как направленные на защиту внутренней сферы личности от произвольного контроля и внешнего давления. Нейроцифровизация осложняет применение этих гарантий, поскольку извлечение и интерпретация нейросведений возможны без активного волеизъявления субъекта, а результаты такой обработки могут использоваться при принятии управленческих и иных юридически значимых решений.

Международные документы, включая рекомендации ЮНЕСКО по этике нейротехнологий, прямо указывают на риски нарушения прав человека и необходимость дополнительных правовых гарантий, ориентированных на защиту автономии личности и предотвращение злоупотреблений². Верховный суд Чили в решении от 9 августа 2023 г. признал особый правовой режим защиты данных мозга и охрану *ментального пространства* как самостоятельный элемент прав человека [11, с. 3–5]. В связи с этим возникает вопрос о применимости действующих правовых режимов информации и персональных данных к регулированию обращения сведений, относящихся к когнитивным процессам человека.

В условиях использования нейросведений возникают сложности в применении понятий доказательства и допустимости доказательств. Уголовно-процессуальное право закрепляет принцип недопустимости доказательств (ст. 74, 75), полученных с нарушением

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.08.2025) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32, ст. 3301.

² UNESCO UK. The Recommendation entered into force on 12 November 2025; investment surge data (информационный материал) // <https://unesco.org.uk/news/unesco-adopts-first-global-framework-on-neurotechnology-ethics>.

закона, что имеет непосредственное значение для нейротехнологических методов фиксации информации, затрагивающих конституционные права и требующих как согласия лица, так и соблюдения процедур судебного контроля в случаях, предусмотренных законом¹.

Проблема не исчерпывается формальной законностью получения данных. Нейросведения обладают высокой степенью научной и визуальной убедительности, что повышает риск их некритичного восприятия в качестве объективного доказательства. Между тем юридическая доказанность предполагает проверяемость, состязательность и возможность критической оценки как метода получения, так и интерпретации информации.

В зарубежной доктрине и практике данный эффект описывается как риск «нейрогиперболизации», при котором научная сложность и наглядность нейроизображений подменяют юридическую оценку допустимости и доказательной силы. Это обстоятельство указывает на необходимость разработки понятийных и процессуальных фильтров, предотвращающих смешение научной вероятности и юридической доказанности.

Таким образом, нейроцифровизация ставит под вопрос применимость ряда устоявшихся юридических понятий, прежде всего связанных с оценкой способности лица к волеизъявлению, с пределами допустимого вмешательства в охраняемую частную сферу и с критериями допустимости доказательств. Указанные проблемы не могут быть разрешены в рамках изолированных отраслевых подходов, поскольку они затрагивают общие основания юридической квалификации и аргументации. Это обстоятельство обуславливает необходимость их теоретического осмысления и служит предпосылкой для постановки вопроса о статусе нейроправа как особого научного направления.

Нормативные основания нейроправа в российском законодательстве

Определение места нейроправа в системе юридической науки предполагает выявление тех нормативных положений действующего российского законодательства, которые позволяют осуществлять правовую оценку нейротехнологических практик. Нейроправо в этом смысле не возникает вне правового поля и не требует конструирования специальных «новых» норм. Напротив, его предмет формируется на основе действующих конституционных и отраслевых установлений, применение которых в условиях нейроцифровизации способствует выявлению их интерпретационных и регулятивных пределов.

Особое значение в этом отношении имеют положения Конституции РФ, закрепляющие достоинство личности (ст. 21), свободу мысли, запрет принуждения к выражению убеждений и охрану частной жизни (ст. 23, 24). Указанные конституционные гарантии определяют пределы допустимого вмешательства в личную сферу и служат нормативной основой для правовой оценки практик, связанных с технически опосредованным получением и использованием сведений, затрагивающих формирование убеждений и волеизъявление личности. На уровне конституционного регулирования закреплена недопустимость произвольного контроля над формированием личных убеждений и волеизъявления (ст. 29), что приобретает особое значение в контексте применения нейротехнологий.

Отраслевое законодательство развивает и конкретизирует указанные конституционные гарантии, устанавливая специальные правовые режимы обращения информации, условий вмешательства и процессуальных ограничений. Закон о персональных данных содержит требования законности, соразмерности и целевого ограничения обработки информации (ст. 5), а также условия получения согласия субъекта, что может иметь значение для нейросведений при их квалификации в качестве персональных данных (ст. 6, 9)².

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

² Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 24.06.2025) «О персональных данных» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.), ст. 3451.

Закон об информации определяет общие правила обращения информации, основания ограничения доступа и запреты на неправомерное распространение сведений (ст. 6–9)¹. Закон об основах охраны здоровья граждан формирует правовой режим медицинского вмешательства, включая институт информированного добровольного согласия (ст. 20) и право на отказ от медицинского вмешательства, что значимо для медицинских нейротехнологий и процедур, имеющих медицинский компонент².

Трудовое законодательство устанавливает ограничения обработки персональных данных работника и пределы их использования работодателем (ст. 86–90 ТК РФ), имеющие юридическое значение при возможном внедрении нейромониторинга в сфере труда³.

Гражданское законодательство, в свою очередь, связывает юридические последствия с состоянием лица, в том числе при оценке действительности волеизъявления (ст. 177 ГК РФ), что становится значимым при попытках использования нейросведений для ретроспективной оценки способности лица понимать значение своих действий.

Вместе с тем обращение к нейротехнологическим практикам показывает пределы применения указанных норм. Режим персональных данных ориентирован преимущественно на регулирование обращения внешне фиксируемой информации и не учитывает в полной мере особенности нейросведений, связанные с возможностью вывода информации о когнитивных состояниях личности и с рисками их последующего манипулятивного использования.

В зарубежной доктрине это обстоятельство приводит к смещению акцента с формального соблюдения правил обработки данных на оценку допустимости конкретных способов их использования. Сходные ограничения обнаруживаются при обращении к согласию как юридическому основанию допустимости вмешательства. Формальное соблюдение установленных требований к его получению не гарантирует юридической значимости согласия в ситуациях, когда волеизъявление формируется в условиях фактической зависимости лица либо при отсутствии у него возможности адекватно оценить характер и последствия соответствующих действий, что особенно актуально за пределами медицинского вмешательства.

Проблемы выявляются и в процессуальной сфере. Уголовно-процессуальное законодательство РФ закрепляет правило о недопустимости доказательств, полученных с нарушением требований закона (ст. 75 УПК РФ). В зависимости от характера вмешательства такие способы могут требовать не только волеизъявления лица, но и соблюдения процедур судебного контроля, предусмотренных уголовно-процессуальным законом.

Даже при формальном соблюдении требований законности получения нейросведений сохраняется вопрос о возможности их процессуальной проверки. Использование подобных сведений предполагает установление прозрачности применяемого метода, воспроизводимости полученных результатов и наличия процессуальных средств для оспаривания выводов, основанных на нейротехнологической информации.

Отсутствие таких возможностей несовместимо с принципами состязательности и равноправия сторон и ставит под сомнение допустимость использования нейросведений в доказывании⁴. Это обстоятельство указывает на необходимость доктринальной конкретизации условий, при которых нейросведения могут приобретать доказательственное значение в процессе.

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.), ст. 3448.

² Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2026) // Собрание законодательства РФ. 28.11.2011. № 48, ст. 6724.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1), ст. 3.

⁴ European Parliament (EPRS). The protection of mental privacy in the area of neuroscience: Societal, legal and ethical challenges (2024) (PDF) // [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/757807/EPRS_STU\(2024\)757807_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/757807/EPRS_STU(2024)757807_EN.pdf)

Таким образом, российское законодательство содержит нормативные основания для правовой оценки нейротехнологических практик. Однако применение действующих норм к нейросведениям и нейровмешательствам указывает на их пределы и отсутствие согласованных доктринальных подходов к их преодолению. Это обуславливает необходимость теоретико-правового анализа действующих норм, направленного на выявление условий их применимости к подобным практикам.

К вопросу о месте нейроправа в системе юридической науки

Определение места нейроправа в системе юридической науки осуществим на двух уровнях анализа: институциональном и функциональном. Институциональный уровень связан с определением положения нейроправа в структуре юридического знания и его соотношения с отраслевыми и фундаментальными юридическими дисциплинами. Функциональный уровень отражает роль нейроправа в развитии и согласовании юридических понятий и институтов в условиях использования нейротехнологий.

С институциональной точки зрения нейроправо не может быть определено как самостоятельная отрасль права или отрасль юридической науки. Отрасль предполагает относительную однородность регулируемых общественных отношений и наличие специфического метода правового регулирования. Нейротехнологические практики, напротив, затрагивают разнородные сферы правового регулирования, включая конституционные гарантии личности, режим информации и персональных данных, медицинское вмешательство, контроля в сфере трудовых отношений, гражданско-правовые конструкции волеизъявления и ответственности, процессуальные требования к использованию доказательств и др. Эти отношения охватываются существующими отраслями права, и их объединение в новую отрасль неизбежно привело бы к дублированию отраслевой догматики либо к методологически необоснованному расширению отраслевых границ.

В этой связи нейроправо следует рассматривать как межотраслевое направление юридической науки. Его институциональное единство определяется не выделением самостоятельного предмета регулирования, а общностью правовых проблем, возникающих при применении действующих норм и институтов в ситуациях использования нейросведений и нейротехнологических воздействий.

С позиций функционального подхода нейроправо обеспечивает согласование применения конституционных и отраслевых правовых институтов в условиях, когда нейротехнологии становятся источником юридически значимой информации или средством воздействия на поведение человека. При этом нейроправо не подменяет отраслевые механизмы правового регулирования и не формирует автономных нормативных моделей. Оно ориентировано на уточнение условий и пределов использования существующих юридических конструкций.

Функциональная роль нейроправа проявляется, в частности, при оценке действительности волеизъявления, юридической ответственности и допустимости доказательств. Развитие нейротехнологий расширяет способы получения фактической информации, но юридическое значение таких сведений определяется не их научной или технической характеристикой, а их соотношением с нормативными критериями, закреплёнными в соответствующих отраслях права. Нейроправо в этом смысле задаёт методологические ориентиры, предотвращающие подмену нормативной юридической оценки междисциплинарными описаниями.

Таким образом, нейроправо следует рассматривать как межотраслевое направление юридической науки. В институциональном отношении оно не образует самостоятельной отрасли и не подменяет отраслевые юридические дисциплины, а объединяет исследования, относящиеся к различным правовым режимам и институтам. В функциональном отношении нейроправо выполняет методологическую задачу согласования применения

юридических понятий и правовых конструкций при использовании нейросведений и нейротехнологических воздействий. Такое понимание позволяет избежать как искусственного конструирования новой отрасли права, так и фрагментации нейроправовой проблематики на разрозненные прикладные исследования.

Основные проблемы нейроправа как научного направления

Определение нейроправа в качестве межотраслевого направления позволяет выделить круг основных проблем, имеющих общее значение для юридической науки и не сводимых к задачам отдельных отраслей. Эти проблемы обусловлены появлением нейросведений и нейротехнологических практик как юридически релевантного фактора, требующего согласованного применения с действующими правовыми институтами.

Первая проблема состоит в юридической квалификации нейроданных и установлении пределов их использования вне медицинской сферы. Законодательство о персональных данных закрепляет универсальные принципы обработки информации, но нейроданные по своим свойствам способны раскрывать сведения о когнитивных состояниях и устойчивых характеристиках личности. Это отличает их от большинства традиционных персональных данных и связано с повышенными рисками профилирования, дискриминации и манипулятивного воздействия.

В научной литературе подчёркивается, что формального соблюдения режима конфиденциальности в таких случаях недостаточно, поскольку вред может быть причинён и при формально законной обработке данных. В этой связи нейроправовая проблематика выходит за рамки вопроса о защите информации и предполагает постановку вопроса о допустимости отдельных способов использования нейроданных, прежде всего в немедицинских сферах – трудовых отношениях, образовании и коммерческих практиках [12, с. 205, 206]. Такой подход соответствует международным рекомендациям, ориентированным на управление рисками и подотчётность при использовании нейротехнологий¹.

Второй проблемой является соотношение свободы мысли и технически опосредованного получения нейросведений. Конституционные гарантии свободы мысли традиционно рассматривались как запрет идеологического принуждения и цензуры. В условиях нейроцифровизации актуализируется иной аспект данной гарантии – недопустимость технологического вмешательства в процессы формирования намерений, предпочтений и решений. В юридической науке требуется уточнение критериев, позволяющих разграничить допустимое получение информации о человеке и вмешательство, затрагивающее охраняемую сферу свободы мысли. На международном уровне данная проблема рассматривается в контексте рисков «ментальной слежки» и манипулятивного воздействия, что отражено в документах ЮНЕСКО и аналитических материалах Европейского парламента².

В качестве третьей проблемы выделим использование нейросведений в судебном доказывании. Применение нейротехнологий ставит вопрос о критериях юридической оценки таких сведений, прежде всего о требованиях к способу их получения и возможности процессуальной проверки. Нейросведения обладают высокой научной и визуальной убедительностью, что создаёт риск придания им повышенного доказательственного значения без достаточной нормативной оценки. В доктрине данный риск описывается как феномен «нейрогиперболизации», при котором данные нейронаук воспринимаются как самостоятельное основание для юридических выводов без их нормативной проверки. В этих условиях

¹ Neurotechnology Toolkit: Implementing the OECD Recommendation on Responsible Innovation in Neurotechnology (апрель 2024) // <https://www.neuron-eranet.eu/wp-content/uploads/neurotech-toolkit-implementing-OECD-Recommendation.pdf>

² European Parliament (EPRS). The protection of mental privacy in the area of neuroscience: Societal, legal and ethical challenges (2024) (PDF) // [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/757807/EPRS_STU\(2024\)757807_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2024/757807/EPRS_STU(2024)757807_EN.pdf)

обращение к нейросведениям допустимо лишь при соблюдении требований законности их получения, прозрачности используемых методов и обеспечении возможности оспаривания выводов, основанных на таких данных.

Четвёртая проблема, как представляется, состоит в распределении юридической ответственности в ситуациях нейротехнологического опосредования поведения человека. Применение нейротехнологий способно усложнять установление причинной связи между поведением лица и наступившими правовыми последствиями. Фактическое поведение формируется под воздействием совокупности технических и организационных факторов, включая характеристики используемых устройств, алгоритмы обработки нейросведений и управленческие решения субъектов, осуществляющих эксплуатацию соответствующих технологий. Это требует разграничения юридически значимых факторов поведения и оценки вклада различных участников – пользователя, разработчика, оператора и организации – с точки зрения контроля над риском и обязанностей по обеспечению безопасности. Такой подход согласуется с общими принципами распределения рисков в праве и отражён в международных рекомендациях и экспертных документах¹.

В совокупности указанные проблемы подтверждают, что нейроправо не сводится к регулированию отдельных технологий или массивов данных. Оно формирует самостоятельное межотраслевое пространство теоретико-правового исследования, в рамках которого уточняются условия применимости действующих юридических институтов к ситуациям использования нейротехнологий и нейросведений.

Заключение

В ходе исследования установлено, что развитие нейротехнологий и практик обращения с нейросведениями изменяет условия применения юридических понятий, используемых для оценки поведения лица и правовых последствий этого поведения. Техническая возможность получения и обработки нейросведений расширяет круг фактической информации, используемой при установлении обстоятельств дела и юридической оценке поведения лица, и затрагивает те элементы юридической квалификации, которые ранее формировались исключительно на основе внешне наблюдаемых форм поведения человека. Указанное обстоятельство не отменяет нормативный характер юридических выводов, но требует доктринального определения пределов допустимого использования нейросведений в праве.

Проведённое исследование показало, что указанные изменения выходят за рамки возможностей отраслевого анализа и требуют межотраслевого научного осмысления. Нейроправовая проблематика одновременно затрагивает конституционные гарантии свободы мысли и автономии личной сферы, режимы обращения информации и данных, институт согласия, процессуальные требования к доказательствам.

Нейросведения могут использоваться для установления обстоятельств дела, но они не подменяют юридические критерии вины, ответственности, действительности волеизъявления и допустимости доказательств. Их юридическое значение определяется не степенью научной убедительности или визуальной наглядности, а соотношением с законодательными нормами, правовыми принципами и конституционными гарантиями правопорядка. Сохранение данного разграничения выступает необходимым условием автономии юридического исследования.

Применение нейросведений в судопроизводстве возможно только при соблюдении общих требований допустимости доказательств. Даже при формальной законности получения нейросведений их использование предполагает проверяемость применяемых методов, возможность процессуального оспаривания интерпретаций и обеспечение

¹ European Brain Council. European Charter for the Responsible Development of NeuroTechnologies (2025) // <https://www.braincouncil.eu/wp-content/uploads/2025/04/European-Charter-for-the-Responsible-Development-of-NeuroTechnologies-FINAL.pdf>

процессуальных прав сторон. При отсутствии таких условий нейросведения приобретают характер фактически неконтролируемого доказательного ресурса.

В совокупности полученные результаты подтверждают, что нейроцифровизация воздействует на юридическую науку как на целостную систему знания. Она влияет на фундаментальные связи между фактическим поведением и нормативной оценкой и тем самым выходит за рамки технологического или отраслевого феномена. Данное воздействие требует системного теоретико-правового ответа, ориентированного на сохранение внутренней согласованности юридического знания.

Таким образом, нейроправо в системе юридической науки следует определить как межотраслевое научное направление, выполняющее координирующую методологическую функцию. Оно обеспечивает согласование фундаментальных юридических понятий и отраслевых правовых режимов применительно к использованию нейросведений и нейротехнологических воздействий, сохраняя нормативную автономию права и исключая подмену юридического рассуждения естественнонаучными объяснениями.

Список источников

1. Morse SJ. New neuroscience, old problems: legal implications of brain science. *Cerebrum*. 2004 Fall;6(4):81-90. PMID: 15986539.
2. Ienca M, Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sci Soc Policy*. 2017 Dec;13(1):5. <https://doi.org/10.1186/s40504-017-0050-1>. Epub 2017 Apr 26. PMID: 28444626; PMCID: PMC5447561.
3. Jwa AS, Poldrack RA. Addressing privacy risk in neuroscience data: from data protection to harm prevention. *J Law Biosci*. 2022 Sep 4;9(2):lsac025. <https://doi.org/10.1093/jlb/lsac025>. PMID: 36072418; PMCID: PMC9444136.
4. Филипова И.А. Нейротехнологии в праве и правоприменении: прошлое, настоящее и будущее // *Правоприменение*. 2022. Т. 6. № 2. С. 32–49. [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\).32-49](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2).32-49). EDN: KTQBMV.
5. Посадкова М.В. Брежнева Е.А. Правовое регулирование нейротехнологий: игра без правил или жесткий контроль? // *Lex Genetica*. 2025. Том 4. № 2. С. 47–62. <https://doi.org/10.17803/lexgen-2025-4-2-47-62>. EDN: QXJBIW.
6. Крылатова И.Ю. Природа нейроправ человека и достоинства личности в условиях развития нейротехнологий, особенности их этико-правового регулирования // *Вестник Гуманитарного университета*. 2024. Т. 12. № 4. С. 104–112. <https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.08>. EDN: XMSLJN.
7. Красиков В.И. Особенности новых прав человека в условиях развития современных нейротехнологий // *Вестник Российской правовой академии*. 2023. № 1. С. 65–83. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-65-83>. EDN: QEHURO.
8. Корнехо Я. Нейроправа, нейротехнологии и персональные данные: обзор проблем психологической автономии // *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024. №2 (3). С. 711–728. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.36>. EDN: SPERFJ.
9. Алиев Д.М. Концепция целостности личности и нейроправа: обзор дискуссионных вопросов // *Московский журнал международного права*. 2025. № 3. С. 92–101. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101>. EDN: WMCQAY.
10. Morse S.J. Brain Overclaim Syndrome and Criminal Responsibility: A Diagnostic Note // *Ohio State Journal of Criminal Law*. 2006. Vol. 3. P. 397–412.
11. Cornejo-Plaza MI, Cippitani R and Pasquino V (2024). Chilean Supreme Court ruling on the protection of brain activity: neurorights, personal data protection, and neurodata. *Frontiers in Psychology*. 15:1330439. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1330439>. EDN: FOGSGK.
12. Ди Сальва М. Защита нейроправ в эпоху нейротехнологий и искусственного интеллекта. Этические проблемы права и нейробиологии // *Russian Journal of Economics and Law*. 2025. Том 19. № 1. С. 202–233. <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.202-233>. EDN: ZOAPLW.

References

1. Morse SJ. New neuroscience, old problems: legal implications of brain science. *Cerebrum*. 2004 Fall;6(4):81-90. PMID: 15986539.
2. Ienca M, Andorno R. Towards new human rights in the age of neuroscience and neurotechnology. *Life Sci Soc Policy*. 2017 Dec;13(1):5. <https://doi.org/10.1186/s40504-017-0050-1>. Epub 2017 Apr 26. PMID: 28444626; PMCID: PMC5447561.
3. Jwa AS, Poldrack RA. Addressing privacy risk in neuroscience data: from data protection to harm prevention. *J Law Biosci*. 2022 Sep 4;9(2):lsac025. <https://doi.org/10.1093/jlb/lsac025>. PMID: 36072418; PMCID: PMC9444136.
4. Filipova I.A. Neurotechnologies in law and law enforcement: past, present and future. *Law Enforcement Review*. 2022;6(2):32-49. (In Russ). [https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6\(2\).32-49](https://doi.org/10.52468/2542-1514.2022.6(2).32-49). EDN: KTQBMV.
5. Posadkova M.V. Brezhneva E.A. Legal regulation of neurotechnologies: a game without rules or strict control? *Lex Genetica*. 2025;4(2):47-62. (In Russ). <https://doi.org/10.17803/lexgen-2025-4-2-47-62>. EDN: QXJBIW.
6. Krylatova I.Yu. The nature of human neurorights and personal dignity in the context of the development of neurotechnologies, features of their ethical and legal regulation. *Bulletin of Liberal Arts University*. 2024;12(4):104-112. (In Russ). <https://doi.org/10.35853/vestnik.gu.2024.12-4.08>. EDN: XMSLJN.
7. Krasikov V.I. Features of new human rights in the context of the development of modern neurotechnologies. *Bulletin of the Russian Law Academy*. 2023;(1):65-83. (In Russ). <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2023-0-1-65-83>. EDN: QEHURO.
8. Cornejo Y. Neurorights, Neurotechnologies and Personal Data: Review of the Challenges of Mental Autonomy. *Journal of Digital Technologies and Law*. 2024;2(3):711-728. <https://doi.org/10.21202/jdtl.2024.36>. EDN: SPERFJ.
9. Aliev D.M. The concept of personal integrity and neurolaw: a review of controversial issues. *Moscow Journal of International Law*. 2025;(3):92-101. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2025-3-92-101>. EDN: WMCQAY.
10. Morse stephen. Brain overclaim syndrome and criminal responsibility: a diagnostic note. *Ohio State Journal of Criminal Law*. 2006;(3):397-412.
11. Cornejo-Plaza MI, Cippitani R and Pasquino V (2024). Chilean Supreme Court ruling on the protection of brain activity: neurorights, personal data protection, and neurodata. *Frontiers in Psychology*. 15:1330439. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2024.1330439>. EDN: FOGSGK.
12. Di Salvo, M. (2025). The protection of neural rights in the age of neurotechnologies and AI. The ethical challenge for law and neuroscience. *Russian Journal of Economics and Law*, 19(1), 202-233. (In Russ.). <https://doi.org/10.21202/2782-2923.2025.1.202-233>. EDN: ZOAPLW.

Информация об авторе

Т. В. Шатковская – доктор юридических наук, заведующий кафедрой теории и истории права и государства, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления; профессор кафедры гражданского права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Information about the author

T. V. Shatkovskaya – Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management; Professor of Department of Civil Law, Rostov State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.01.2026; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 27.02.2026.

The article was submitted 18.01.2026; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 27.02.2026.

Международно-правовые аспекты торгово-экономического взаимодействия Европейского союза с государствами и интеграционными объединениями Африки

Наталья Николаевна Мазаева¹, Вадим Игоревич Степкин²

^{1, 2}Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации, Москва, Россия

¹n_mazaeva2001@mail.ru, SPIN-код: 6734-7910, <https://orcid.org/0009-0001-3632-1485>

²vadimstepkin2000@mail.ru, SPIN-код: 5650-0879

Аннотация

Введение. Европейский союз, взятый в совокупности его государств-участников, остается основным торговым партнером Африканского континента. В Брюсселе осознают перспективы быстрого роста африканского рынка и заинтересованы в поставках в Европу критических минералов. Для активизация торгово-экономического взаимодействия с африканскими странами и интеграционными объединениями Европейский союз адаптирует свои торговые модели и соответствующие правовые механизмы.

Цель. Систематизация имеющихся и формируемых в Европейском союзе механизмов правового регулирования торгово-экономического взаимодействия со странами Африки, региональными интеграционными объединениями и Африканским союзом в целом.

Методы. В ходе работы использован комплекс общенаучных (системный, формально-логический) и частнонаучных (сравнительно-правовой, формально-юридический) методов исследования.

Результаты. Для развития торгово-экономического взаимодействия с отдельными странами Африки и интеграционными объединениями континента Европейский союз (ЕС) использует средства «мягкого права» (декларации и программные документы, принимаемые по итогам совместных с Афросоюзом саммитов, программы, направленные на снижение или обнуление таможенных пошлин), многостороннее трансграничное Соглашение Самоа, преференциальные торговые соглашения (об экономическом партнерстве со странами и региональными сообществами Африки южнее Сахары и об ассоциации с государствами северной части континента). В Брюсселе внимательно следят за развитием Африканской континентальной зоны свободной торговли (АКЗСТ). При этом соглашения или меморандумы о взаимодействии ЕС и АКЗСТ пока не заключались. К оценке перспектив развития данной зоны свободной торговли Евросоюз подходит прежде всего с позиций использования критических минералов для реализации «зеленого курса» и обеспечения углеродной нейтральности к 2050 г. Для достижения данной цели Брюсселю требуется формирование правовой базы совместных проектов по добыче полезных ископаемых и реализации инфраструктурных проектов в Африке.

Выводы. В ЕС пытаются разработать новые типовые соглашения с африканскими странами, которые помогли бы европейцам на выгодных условиях получать критические минералы. При этом в Евросоюзе понимают, что требуется определенная либерализация правовой

базы сотрудничества с учетом развития гражданского общества в Африке и сохраняющегося восприятия западноевропейцев в общественном сознании местных жителей как колонизаторов. Одновременно ЕС стремится сохранить практику применения мер тарифного и нетарифного регулирования. Несмотря на это, многие африканские страны все же идут на подписание соглашений и меморандумов о взаимопонимании с Евросоюзом в целях получения помощи в геологоразведке и добыче минералов, а также в создании соответствующей транспортной и производственной инфраструктуры.

Ключевые слова: механизмы правового регулирования, преференциальное торговое соглашение, соглашение об экономическом партнерстве, Общий рынок Восточной и Южной Африки (КОМЕСА), Сообщество государств Юга Африки (САДК), Восточноафриканское сообщество (ВАС), «мягкое право», Соглашение Самоа, соглашение об ассоциации, режим наибольшего благоприятствования, углубленная и всеобъемлющая зона свободной торговли, механизм трансграничного углеродного регулирования, Африканская континентальная зона свободной торговли (АКЗСТ), Программа развития инфраструктуры в Африке

Для цитирования: Мазаева Н. Н., Степкин В. И. Международно-правовые аспекты торгово-экономического взаимодействия Европейского союза с государствами и интеграционными объединениями Африки // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 90–101. EDN WJVQNL

Original article

International law aspects of EU's trade and economic cooperation with African countries and integration associations

Natalya N. Mazaeva¹, Vadim I. Stepkin²

^{1,2}All-Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹n_mazaeva2001@mail.ru, SPIN-код: 6734-7910, <https://orcid.org/0009-0001-3632-1485>

²vadimstepkin2000@mail.ru, SPIN-код: 5650-0879

Abstract

Introduction. The European Union (EU), taken as a whole of its member states, remains the primary trading partner of the African continent. Brussels recognizes African market's potential for rapid growth and is interested in supplies of critical minerals to Europe. To enhance trade and economic cooperation with African countries and integration associations, the EU is adapting its trade models and appropriate legal arrangements.

Purpose. To systemize existing and emerging legal arrangements within the European Union for regulating trade and economic cooperation with African countries, regional economic communities, and the African Union (AU) as a whole.

Methods. A combination of general scientific (systemic, formal-logical) and specific scientific (comparative legal, formal-legal) research methods was used.

Results. To develop trade and economic cooperation with individual African countries and continent's integration associations, the European Union uses 'soft law' tools (declarations and policy documents adopted following joint summits with the African Union, programs aimed at reducing or eliminating customs duties), multilateral cross-border Samoa Agreement, preferential trade agreements (economic partnership agreements with countries and regional communities of sub-Saharan Africa and association agreements with states in the northern part of the continent). Brussels is closely monitoring the development of the African Continental Free Trade Area (AfCFTA). At the same time, no agreements or memoranda on cooperation between the EU and AfCFTA have been concluded yet. The European Union approaches the prospects of this free trade area development primarily from the perspective of using critical minerals to implement the 'Green Deal' and achieve carbon neutrality by 2050. To achieve this goal, Brussels needs to create legal environment for the extraction of minerals and the implementation of infrastructure projects in Africa.

Conclusions. The EU is attempting to develop new model agreements with African countries that would help Europeans in obtaining critical minerals on favorable terms. At the same time, the European Union understands that some liberalization of the legal framework for cooperation is required, given the development of civil society in Africa and the persistent perception of Western Europeans as colonizers in the public consciousness of local residents. At the same time, the EU seeks to maintain the practice of applying tariff and non-tariff regulation measures. Despite this, many African countries agree to sign agreements and memoranda of understanding with the EU to receive assistance in minerals exploration and extraction, as well as in the creation of appropriate transport and production infrastructure.

Keywords: legal arrangements, preferential trade agreement, economic partnership agreement (EPA), Common Market for Eastern and Southern Africa (COMESA), Southern African Development Community (SADC), East African Community (EAC), 'soft law', Samoa Agreement, association agreement, most favoured nation treatment, deep and comprehensive free trade area (DCFTA), Carbon Border Adjustment Mechanism (CBAM), African Continental Free Trade Area (AfCFTA), Programme for Infrastructure Development in Africa

For citation: Mazaeva N.N., Stepkin V.I. International law aspects of EU's trade and economic cooperation with African countries and integration associations. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):90–101. (In Russ.). EDN WJVQNL

Введение

Экономические отношения с Европой, рассматриваемой африканскими странами в качестве близкого с исторической и географической точек зрения континента, важны для них в том числе с учетом того, что до 85 % торговли всей Африки составляет обмен товарами с внешним миром¹.

Характеризуя перспективы развития торгово-экономического взаимодействия между Африкой и Европейским союзом, многие ученые, например, из Венского института международных экономических исследований, указывают на быстрый рост африканского рынка [1]. Этому будет способствовать не только стремительное увеличение численности населения континента, но и наметившийся выход из теневого сектора экономики, доля которого на сегодняшний день составляет до 82 % [1].

Африканские страны в значительной степени ориентируются на торговлю (в том числе с европейцами) критическими минералами (critical minerals) – полезными ископаемыми, которые крайне важны для развития мировой экономики и высокотехнологичных производств².

В поставках на рынок Евросоюза критических минералов пока в наибольшей степени преуспевают ЮАР и Демократическая Республика Конго (ДРК), торгующие кобальтом, платиной, родием и рутением на сумму, превышающую 10 млрд евро в год [1].

Однако в большинстве случаев африканские страны не располагают финансовыми средствами и технологиями для самостоятельной добычи полезных ископаемых. Кроме того, территория континента малоизучена, что, соответственно, требует проведения геологоразведки.

В данном контексте представляется неслучайным тот факт, что заявление «Группы двадцати» о расширении поиска критических минералов в мире, в том числе в развивающихся странах, а также об укреплении цепочек их поставок было сделано именно на Африканском континенте во время саммита объединения в Йоханнесбурге 22 ноября 2025 г.

¹ EU-African Union relations: facts and figures (URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/infographics/eu-african-union-relations-facts-and-figures/> – дата обращения: 01.02.2026).

² К критическим минералам относят кобальт, литий, редкоземельные металлы, металлы платиновой группы, медь, никель и пр. Синонимичные термины – *дефицитное сырье, стратегический сырьевой материал (critical raw materials)*.

В коммюнике по итогам встречи в верхах, в частности, говорится о «поддержке увеличения разведки критических минералов, в том числе, в развивающихся странах, содействию диверсификации источников, маршрутов, рынков, мест переработки и цепочек создания добавленной стоимости» при соблюдении «надежных, недискриминационных и соответствующих стандартов в экономике, социальной и экологической сферах»¹.

В Брюсселе внимательно следят за развитием Африканской континентальной зоны свободной торговли (АКЗСТ – African Continental Free Trade Area, AfCFTA)², начавшей работу с 1 января 2021 г. и рассматривающей в качестве главных задач содействие инвестициям и развитие инфраструктуры³. При этом соглашения или меморандумы о взаимодействии ЕС и АКЗСТ пока не заключались.

Характеризуя основные направления деятельности АКЗСТ, Е.В. Дробот обращает внимание на ее возрастающую роль в формировании новых глобальных цепочек создания стоимости, в том числе через региональные производственные кластеры, в устранении тарифных и нетарифных ограничений во внешней торговле, расширении потребительского рынка и развитии электронной торговли [2, с. 68].

К оценке перспектив развития АКЗСТ, доля которой в глобальной торговле пока составляет около 3 %, Брюссель подходит, прежде всего, с позиций использования критических минералов для реализации «зеленого курса» и обеспечения углеродной нейтральности к 2050 г. Минералы, как полагают исследователи, помогут Евросоюзу создавать электромобили, батареи, ветровые турбины и водородные топливные элементы, являющиеся основой «Европейского энергетического перехода» [1].

Это дает ключ к пониманию того, почему Евросоюз буквально сражается за сохранение своего влияния в Африке и готов смириться с тем, что деятельность АКЗСТ в настоящее время снижает долю торговли африканских стран с государствами-членами ЕС в пользу развития внутриконтинентальной торговли. На фоне указанных тенденций происходит адаптация нормативно-правовой базы торгово-экономического взаимодействия ЕС со странами Африканского континента.

Международно-правовые аспекты взаимодействия ЕС и стран Африки в торгово-экономической сфере

Политико-правовые механизмы сотрудничества ЕС и африканских стран строятся по «классической» модели, которая свойственна всем другим ключевым внешним для Африки «игрокам». С 2000 г. проводятся совместные саммиты Африканского союза и Европейского союза (состоявшаяся в Анголе в 2025 г. встреча в верхах глав государств АС и ЕС стала седьмой по счету), заседания на уровне министров и других высокопоставленных представителей, действуют рабочие группы, принимаются декларации. Кроме того, Брюссель организует подобные мероприятия с отдельными государствами Африки. В частности, в 2025 г. была возобновлена практика проведения встреч на высшем уровне с Южно-Африканской Республикой, важность стратегического партнерства с которой для объединения отмечает Л.С. Биссон [3, с. 165].

Некоторые страны ЕС проводят собственные саммиты с государствами Африки. Это, в частности, относится к Франции, которая активно использует механизмы «мягкого права» для сохранения своего влияния на страны континента. Как отмечает С.Н. Волков, институционально французская система продвижения национального экспорта включает компанию

¹ G20 South Africa Summit: Leaders' Declaration (Декларация лидеров государств «Группы двадцати» по итогам саммита объединения в Южной Африке) – URL: <https://g20.org/wp-content/uploads/2025/11/2025-G20-Summit-Declaration.pdf> (дата обращения: 01.02.2026).

² Соглашение о создании Африканской континентальной зоны свободной торговли (Agreement Establishing the African Continental Free Area) было подписано 21 марта 2018 г. на чрезвычайном саммите глав правительств Африканского союза в Кигали (Руанда). В АКЗСТ входят все страны Африканского союза, за исключением Эритреи.

³ URL: <https://au.int/en/african-continental-free-trade-area> (дата обращения: 01.02.2026).

по страхованию внешнеторговых рисков COFACE, государственный инвестиционный банк Bpifrance, а также агентства Депозитно-сберегательной кассы Франции CDC, предоставляющие субсидии и льготные кредиты для реализации бизнес-проектов за рубежом [4, с. 160].

Со странами Африки южнее Сахары действует рамочное Соглашение Самоа (Samoa Agreement), подписанное в ноябре 2023 г. между Европейским союзом и 79 государствами, представляющими Африку, Карибский и Тихоокеанский бассейны, и пришедшее на смену Соглашению Котону (Cotonou Agreement) от 2000 года. Соглашение Самоа предоставляет на 20 лет правовые и политические рамки для развития отношений между подписантами. Оно охватывает широкий спектр вопросов, включая права человека, безопасность, устойчивое и инклюзивное экономическое развитие, а также служит основанием для отдельных соглашений об экономическом партнерстве (economic partnership agreements – EPAs)¹.

Такие международные договоры преференциального характера, заключенные Брюсселем на двусторонней основе², действуют с Камеруном (с 2014 г.), Ганой (с 2016 г.), Кот д'Ивуаром (с 2016 г.) и Кенией (с 2024 г.). На многосторонней основе соглашения об экономическом партнерстве у ЕС заключены с государствами Общего рынка Восточной и Южной Африки (Маврикий, Республика Сейшельские Острова, Зимбабве, Мадагаскар, Коморские Острова)³ и с Сообществом государств Юга Африки (Ботсвана, Эсватини, Лесото, Мозамбик, Намибия и ЮАР)⁴.

В рамках указанных соглашений предусматривается поэтапная либерализация торговли, относительно быстрый доступ африканских товаров на общеевропейский рынок и более длительный (до 25 лет) период для полного выхода европейских товаров на рынки Африки. Такие соглашения преимущественно охватывают торговлю товарами, включая поставляемые из Африки критические минералы, продукцию металлургической промышленности, сельскохозяйственного и животноводческого комплексов, а также проекты развития, в то время как в отношении торговли услугами, инвестиций и устойчивого развития ими предусмотрено проведение отдельных переговоров.

При заключении соглашений с африканскими региональными сообществами Брюссель учитывает накопившийся опыт и стремление стран континента к экономической интеграции. Как подчеркивает А.Л. Сапунцов, африканцы на протяжении длительного времени работают в этом направлении, двигаясь от учреждения зон свободной торговли и таможенных союзов в сторону создания общих рынков и экономических союзов [5, с. 44]. Успехи стран Африки в сфере интеграции отмечает также южноафриканский ученый К. Готтшалк, по сути ставя континент на первое место среди всех регионов «Глобального Юга» [6, с. 24].

Примером влияния региональных интеграционных объединений Африки на механизмы правового регулирования торгово-экономического взаимодействия на континенте может служить ситуация, сложившаяся вокруг реализации соглашения об экономическом партнерстве ЕС – Кения. 25 ноября 2025 г. базирующийся в Танзании Суд Восточноафриканского партнерства (ВАС) принял решение о приостановке действия соглашения Найроби и Брюсселя в связи с тем, что его отдельные положения противоречат Договору об учреждении общего рынка ВАС, членом которого является Кения⁵.

¹ Partnership Agreement between the EU and its Member States, of the one part, and the Members of the Organisation of African, Caribbean and Pacific States, of the other part (the Samoa Agreement) – Соглашение о партнерстве между ЕС и его государствами-членами, с одной стороны, и членами Организации стран Африки, Карибского и Тихоокеанского бассейна, с другой стороны (Соглашение Самоа) – URL: <https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/summary/partnership-agreement-between-the-eu-and-its-member-states-of-the-one-part-and-the-members-of-the-organisation-of-african-caribbean-and-pacific-states-of-the-other-part-the-samoa-agreement.html?fromSummary=28> (дата обращения: 01.02.2026).

² Конкретное государство – Евросоюз, взятый в совокупности всех государств-членов.

³ Вступило в силу в 2013 г. Союз Коморских Островов присоединился к соглашению в 2019 г.

⁴ Вступило в силу в 2016 г. В отношении Мозамбика действует с 2018 г.

⁵ URL: <https://www.reuters.com/world/africa/kenya-appeal-regional-court-ruling-that-suspended-eu-trade-deal-2025-11-26/> (дата обращения: 01.02.2026).

С некоторыми странами северной Африки у ЕС действуют соглашения об ассоциации (с Алжиром, Египтом, Марокко и Тунисом), в которых стороны обязуются работать в направлении создания общей зоны свободной торговли. Однако степень успешности реализации каждого из этих соглашений различна.

Среди стран Северной Африки первым соглашением об ассоциации с Европейским союзом подписал Тунис в 1995 г. (вступило в силу в 1998 г.). В части, касающейся торгово-экономического взаимодействия, в тексте соглашения говорится о важности создания условий для поэтапной либерализации торговли товарами и услугами, содействия гармоничному развитию отношений в социально-экономической сфере, а также регионального взаимодействия (с другими странами Магриба). В 2015 г. между сторонами была предпринята попытка начать переговоры о создании углубленной и всеобъемлющей зоны свободной торговли (deep and comprehensive free trade area – DCFTA).

Аналогичная ситуация сложилась с Марокко (соглашение об ассоциации действует с 2000 г.) и Египтом (с 2004 г.)¹. Такой же международный договор, заключенный между Европейским союзом и Алжиром в 2002 г. и вступивший в силу в 2005 г., предусматривает существенные меры по либерализации взаимной торговли, однако Алжиром, по оценке ЕС, к настоящему времени устранены еще не все тарифы, чтобы можно было вести речь о создании зоны свободной торговли².

Сравнение текстов соглашений об ассоциации и соглашений об экономическом партнерстве позволяет сделать вывод о схожести подходов ЕС к правовому регулированию торгово-экономического взаимодействия со странами севера Африки и государствами южнее Сахары в части, касающейся либерализации торговли. Однако положения о перспективах создания совместных зон свободной торговли содержатся только в соглашениях с Марокко, Египтом, Алжиром и Тунисом, как и вопросы углубленного политического диалога, обеспечения безопасности и гармонизации правовых норм.

В отношении развивающихся стран Европейский союз использует Общую систему преференций (Generalised Scheme of Preferences – GSP), правовую основу которой в контексте деятельности Всемирной торговой организации создает «Решение о дифференцированном и более благоприятном режиме, взаимности и большем участии развивающихся стран», принятое в рамках Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) в 1979 г.³ ЕС также реализует дополнительную схему «GSP+» и программу «Все, кроме оружия» для 35 наименее развитых (по классификации ООН) стран континента. Указанные инициативы позволяют странам Африки импортировать товары в Евросоюз с пониженными или нулевыми таможенными пошлинами⁴.

С 2021 г. в рамках специального финансового инструмента, предназначенного для развития сотрудничества с иностранными государствами и объединениями, а также для оказания внешней помощи (Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument – Global Europe), началась реализация программы Евросоюза «Глобальный доступ» (Global Gateway), в рамках которой для «зеленого перехода» в Африку планируется инвестировать до 150 млрд евро. Характерно, что многие исследователи отмечают явную антикитайскую направленность данной инициативы [7, с. 245].

¹ URL: <https://trade.ec.europa.eu/access-to-markets/en/content/eu-egypt-association-agreement> (дата обращения: 01.02.2026).

² URL: <https://trade.ec.europa.eu/access-to-markets/en/content/eu-algeria-association-agreement> (дата обращения: 01.02.2026).

³ URL: https://www.un.org/ldcportal/content/legal_basis_ldc_preferential_market_access (дата обращения: 01.02.2026).

⁴ URL: https://policy.trade.ec.europa.eu/development-and-sustainability/economic-partnerships_en (дата обращения: 01.02.2026).

Использование Европейским союзом неоколониальных подходов в области правового регулирования торговли с Африкой

Одновременно со стремлением развивать правовые механизмы для углубления торгово-экономического взаимодействия со странами Африки Европейский союз проводит агрессивную торговую политику в отношении стран континента.

Среди ярких примеров – ситуация 2023 г., когда Брюссель установил антидемпинговые пошлины в размере от 9 до 17,5 % для ряда марокканских промышленных товаров, а также введение в 2025 г. компенсаторной пошлины до 31,45 % в отношении алюминиевых дисков из Марокко. В результате Рабат был вынужден согласиться с переносом на территорию Португалии строительства нового завода по производству автомобильных дисков, сооружение которого ранее планировалось в марокканском городе Кенитра.

Для того, чтобы заставить зарубежных, в том числе африканских, партнеров двигаться в рамках «зеленого курса», ЕС вводит новые нетарифные барьеры, включая так называемый механизм трансграничного углеродного регулирования (Carbon Border Adjustment Mechanism – CBAM), в рамках которого вся поставляемая в страны объединения продукция должна получать специальный сертификат.

Перечисленные выше примеры носят черты политики неоколониализма, инструментов которого, как отмечают ученые Института Африки Российской академии наук, обширен и может включать в себя санкции, экономическое порабощение под видом помощи, займов, торговых связей и пр. [8, с. 87].

Доминирование неоколониального подхода в политике ЕС на африканском направлении отмечает и Г.А. Довгиленко. «С одной стороны, за счет различных мер экономического давления, в том числе откровенно протекционистских, африканским странам фактически навязывается курс на декарбонизацию экономики и развитие возобновляемых источников энергии. С другой – европейцы активно импортируют уголь, нефть и другие виды энергоносителей, против использования которых в местной энергетике они сами же и выступают», – подчеркивает он [7, с. 252].

Работа в рамках предлагаемой Брюсселем «зеленой повестки» в целом не выгодна африканским странам, которые не смогут позволить себе с финансовой точки зрения провести декарбонизацию своих экономик, напротив, требующих быстрой индустриализации за счет использования углеводородного топлива. А.Б. Секачева отмечает, что проекты ЕС в области создания «зеленой экономики» в Африке странами континента, как правило, воспринимаются как современные формы неоколониализма и империализма, а в Северной Африке даже стал популярен термин «зеленый колониализм» [9, с. 174].

Однако многие страны уже смирились с потерями. В частности, к таковым отчасти можно отнести ЮАР, Нигерию, Кабо-Верде, Кению, Малави и Танзанию. Эти государства пытаются сконцентрироваться на тех преимуществах, которые им дадут солнечные батареи, ветряные электростанции, развитие гидроэнергетики, «зеленого водорода» и даже «зеленого аммиака» [7, с. 246].

Международно-правовая база, формируемая с участием ЕС при реализации крупных инфраструктурных проектов в Африке

В Африканском союзе уделяют повышенное внимание реализации крупных инфраструктурных проектов. Расширяется запущенная объединением в 2012 г. Программа развития инфраструктуры в Африке (Programme for Infrastructure Development in Africa)¹. Она включает несколько сотен проектов по развитию на континенте транспорта, энергетики, информационно-коммуникационных технологий и водных ресурсов. Многие из них осуществляются с иностранным участием. Наиболее крупным является строительство

¹ URL: <https://au.int/en/ie/pida> (дата обращения: 01.02.2026).

транспортного коридора «Лобиту»¹, в рамках которого планируется соединить одноименный крупный порт в Анголе с шахтами на юге ДРК и медными рудниками в северо-западной части Замбии. Для участия в данном проекте, где задействовано большое количество международных «акторов», Евросоюзу потребовалось заключение ряда меморандумов и соглашений с африканскими странами.

Среди документов, составляющих правовую базу проекта, в открытом доступе находится подписанный 26 октября 2023 г. Меморандум о взаимопонимании о партнерстве по устойчивым цепочкам создания стоимости сырья между Европейским союзом, представленным Европейской комиссией, и Республикой Замбией (*Memorandum of Understanding on a Partnership on Sustainable Raw Materials Value Chains between the European Union Represented by the European Commission and the Republic of Zambia*)². Важно отметить, что название «Лобиту» не содержится ни в названии меморандума, ни в его тексте, что подтверждает стремление ЕС избегать подписания чрезмерно юридически обязывающих документов, а также сохраняет возможность для Брюсселя работать по данному меморандуму в рамках других международных проектов на территории Замбии.

В преамбуле меморандума ЕС – Замбия стороны заявляют о стремлении углублять сотрудничество в области критических минералов, не создавая при этом юридически обязывающих рамок. В тексте упоминаются медь, литий, кобальт, марганец и природный графит, в отношении поставок которых Европейский союз приветствует стремление Замбии к сотрудничеству.

В документе также идет речь (раздел 2) о важности экспорта критических минералов для национальной экономики таких стран, как Замбия. Европейская комиссия, со своей стороны, ссылаясь на многочисленные внутренние документы, программы и инициативы, подводит к важности взаимодействия по тематике поставок сырья.

В качестве задач такого партнерства (раздел 3) заявляются экономическая и промышленная интеграция сторон по устойчивым цепочкам поставок минералов через реализацию перспективных проектов, а также продвижение торговли и инвестиций, передача технологий, в том числе для переработки и повторного использования сырья, соблюдение природоохранных, социальных и управленческих (ESG) стандартов, сотрудничество по развитию компетенций и потенциалов, использованию передового опыта, в том числе в области экономики замкнутого цикла (*circular economy*), сотрудничество в сфере профильных исследований и инноваций.

Осуществление контроля за реализацией разрабатываемой в соответствии с меморандумом дорожной карты возложено на создаваемую рабочую группу, в которую входят высокопоставленные представители сторон (статья 5). В статье 6 говорится о том, что предусмотренное документом партнерство сторон не создает прав и обязательств, включая финансовые, в рамках международного права или национального законодательства, а также не ведет к предоставлению каких-либо льготных режимов.

Еще с одним участником проекта «Лобиту» – Анголой – Евросоюз 17 ноября 2023 г. заключил Соглашение о содействии устойчивым инвестициям между Европейским союзом и Республикой Ангола (*Sustainable Investment Facilitation Agreement between the European Union and the Republic of Angola – SIFA*). Экономической комиссией ООН для Африки это соглашение рассматривается как прогрессивное с той точки зрения, что ранее двусторонние инвестиционные договоры (*bilateral investment treaties – BITs*) между европейскими

¹ Он упоминается в итоговой декларации африканско-европейского саммита 2025 года (URL: <https://www.consilium.europa.eu/media/vtej1kjs/joint-declaration-of-the-7th-african-union-european-union-summit-2025-24-25-november-2025.pdf>, дата обращения: 01.02.2026).

² URL: https://single-market-economy.ec.europa.eu/system/files/2023-11/MoU_CRM_EU-Zambia_26_10_2023_signed.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

и африканскими странами попросту закрепляли привилегированное положение бывших метрополий и обеспечивали их приоритетный доступ к природным ресурсам¹.

В преамбуле соглашения между ЕС и Анголой постулируется важность укрепления взаимодействия сторон в торгово-экономической сфере, создания новых рабочих мест, повышения уровня жизни². Делаются также ссылки на Устав ООН, Всеобщую декларацию прав человека, Программу устойчивого развития ООН («Повестку 2030»). Что касается инвестиций, то в самом начале соглашения говорится о важности их привлечения и удержания ('mobilise and retain'), создания благоприятных условий для капиталовложений посредством повышения уровня транспарентности и предсказуемости, облегчения разрешительных процедур, а также улучшения «инвестиционного климата» в целом, что будет создавать благоприятные условия для малого и среднего бизнеса.

В качестве цели соглашения прописано «содействие во взаимном привлечении, расширении и удержании зарубежных прямых инвестиций в интересах экономической диверсификации и устойчивого развития» (статья 1).

В соглашении вводится понятие «воздействующих на инвестиции мер», которые принимаются или поддерживаются сторонами, а также подчеркивается, что оно не создает и не изменяет обязательств, относящихся к либерализации инвестиций, правил поддержки инвесторов, работающих на территории сторон, их инвестиций, а также разрешения споров между инвестором и государством (статья 2).

В отношении режима наибольшего благоприятствования подчеркивается, что он предоставляется на взаимной основе без привязки к правилам Всемирной торговой организации, а также к двусторонним, региональным или многосторонним договоренностям. Кроме того, делается оговорка о том, что положения, включенные в другие международные соглашения, которые были заключены той или иной стороной, сами по себе не представляют режима наибольшего благоприятствования и, таким образом, не могут приниматься во внимание при оценке действия на предмет нарушения данного соглашения (статья 4).

Стороны берут на себя обязательства по борьбе с коррупцией и другими незаконными действиями (отмыванием денег, финансированием терроризма, уклонением от уплаты налогов), в том числе в рамках выполнения Конвенции ООН против коррупции, правил Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), касающихся функционирования многонациональных компаний, а также действующих стандартов в области международного налогообложения (статья 5).

В рамках соглашения стороны обязуются избегать ситуаций, при которых разрешение на реализацию инвестиционных проектов будет выдаваться не одним, а несколькими регуляторами (статья 14), а также упрощать бюрократические процедуры (статьи 15–21), содействовать инвестициям для достижения целей устойчивого развития, согласно ооновской «Повестке 2030» включающего экономическое развитие, социальное развитие и защиту окружающей среды (раздел 5).

В статьях 43–45 прописаны механизмы работы создаваемого в целях осуществления контроля за выполнением соглашения Комитета содействия инвестициям, в состав которого должны войти представители сторон. Обзорные заседания данного органа предусмотрены не реже одного раза в год под совместным председательством глав профильных министерств Анголы и должностных лиц Европейской комиссии, отвечающих за вопросы

¹ Investment Policies and Bilateral Investment Treaties in Africa. URL: https://archive.uneca.org/sites/default/files/PublicationFiles/eng_investment_landscaping_study.pdf (дата обращения: 01.02.2026).

² Sustainable Investment Facilitation Agreement between the European Union and the Republic of Angola (Соглашение о содействии устойчивым инвестициям между Европейским союзом и Республикой Ангола) – URL: https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/HTML/?uri=OJ:L_202400830 (дата обращения: 01.02.2026).

торговли. Предусматривается, что все решения комитета будут приниматься на основе консенсуса. На него же возложены функции по разрешению разногласий, возникающих в контексте интерпретации и реализации соглашения.

В целом, в тексте договоренности Брюсселя и Луанды присутствует много политических аспектов (права человека, гендерное равенство, климатическая повестка и пр.), продвижение которых на уровне международного права уже стало традиционным для стран Запада [10, с. 281]. Тем не менее, соглашение в целом должно помочь в активизации торгово-инвестиционного сотрудничества, диверсификации ангольской экономической модели, упорядочении обязательств по защите окружающей среды и соблюдению трудовых стандартов.

Среди очевидных плюсов документа можно назвать широкий охват секторов экономики (это важно для стимулирования развития новых областей), четкие («транспарентные») правила для инвесторов, что должно повысить уровень юридической определенности, попытки предусмотреть значительную степень подотчетности со стороны государственных структур и чиновников «принимающей стороны», а также учесть интересы гражданского общества.

Заключение

Европейский союз уделяет пристальное внимание развитию торгово-экономического взаимодействия с Африкой. Для этого Брюссель стремится взаимодействовать с Африканским союзом, включая Африканскую континентальную зону свободной торговли, региональными интеграционными объединениями и отдельными государствами.

Со странами Африки южнее Сахары и группами государств у ЕС имеются преференциальные торговые соглашения об экономическом партнерстве, со странами северной Африки – соглашения об ассоциации. Помимо действующих торговых соглашений с африканскими партнерами, ЕС реализует многосторонние программы (например, Общую систему преференций, программу «Все, кроме оружия», инициативу «Глобальный доступ»).

В настоящее время в Евросоюзе изучают тенденции развития Африки, адаптируют свои торговые модели и создают новые правовые механизмы, ориентируясь, прежде всего, на добычу и транспортировку критических минералов, в том числе при реализации крупных инфраструктурных и инвестиционных проектов. Заключенные в 2023 г. в рамках строительства транспортного коридора «Лобиту» Меморандум о взаимопонимании о партнерстве по устойчивым цепочкам создания стоимости сырья (с Замбией) и Соглашение о содействии устойчивым инвестициям (с Анголой), вероятно, в дальнейшем будут использоваться как типовые для других проектов и стран.

При создании новых правовых механизмов Брюссель стремится учитывать развитие гражданского общества в Африке и избавиться от сохраняющегося восприятия западноевропейцев в общественном сознании местных жителей как колонизаторов. Однако при этом Евросоюз по-прежнему тяготеет к использованию неокOLONИАЛЬНЫХ подходов и избегает подписания чрезмерно юридически обязывающих документов.

С учетом того, что на фоне происходящих в настоящее время существенных сдвигов в мировой политике и экономике ЕС выступает в качестве прямого конкурента России в вопросе расширения своего влияния на африканском направлении, современные подходы объединения к развитию механизмов правового регулирования торгово-инвестиционного сотрудничества со странами Африки заслуживают самого пристального внимания.

Список источников

1. Mendoza J.F., Stehrer R. Africa's trade with Europe: Trends, status and potential developments // *FIW – Research Centre International Economics*. Policy Brief No. 65, January 2025. P. 1-10. (URL: https://www.fiw.ac.at/wp-content/uploads/2025/01/65_FIW_PB-EU-Africa_2025-01-08_final.pdf, дата обращения: 01.02.2026).
2. Дробот Е. В. Перспективы интеграции стран Африканской континентальной зоны свободной торговли с Евразийским экономическим союзом // *Экономика Центральной Азии*. Т. 6. № 1. 2022. С. 65–88. <https://doi.org/10.18334/asia.6.1.114447>. EDN: BRSVSQ.
3. Биссон Л. С. Отношения ЕС – Африка весной 2025 года // *Европейский Союз: факты и комментарии*. 2025. № 120. С. 77–80. <https://doi.org/10.15211/eufacts220257780>. EDN: BJRSMB.
4. Волков С. Н. Позиции основных конкурентов стран-членов ЕАЭС на африканском рынке // *Сотрудничество участников Евразийского экономического союза со странами Африки*. М.: Институт Африки РАН, 2022. С. 153–162. EDN: LVGLNP.
5. Сапунцов А. Л. Использование опыта ЕС в выстраивании сотрудничества ЕАЭС с Восточноафриканским сообществом // *Сотрудничество участников Евразийского экономического союза со странами Африки*. М.: Институт Африки РАН, 2022. С. 42–49. EDN: PPZOMM.
6. Готтшалк К. Шесть десятилетий африканской интеграции: достижения и неудачи // *Ученые записки Института Африки РАН*. 2024. № 2 (67). С. 24–39. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-24-39>. EDN: XSMWYO.
7. Довгиленко Г. А. Энергетическая политика Европейского союза на африканском направлении // *Проблемы национальной стратегии*. 2023. № 3 (78). С. 234–255. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2023_3_234. EDN: CFPPMV.
8. Африка: непоплаченный долг колонизаторов / И. О. Абрамова, С. Н. Волков, В. В. Грибанова [и др.] ; редакционная коллегия: И. О. Абрамова [и др.]. М.: Ин-т Африки РАН, 2023. 122 с. ISBN 978-5-91298-296-5.
9. Секачева А. Б. Энергетический фактор в отношениях ЕС со странами Северной Африки в контексте Зеленого курса // *Проблемы национальной стратегии*. 2025. № 1 (88). С. 156–179. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2025_1_156. EDN: ZTGIVB.
10. Степкин В. И. Об используемых США механизмах правового регулирования торгово-экономического взаимодействия со странами Африки южнее Сахары // *Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки*. 2025. Т. 11 (77). № 1. С. 279–287. EDN: MYSEIP.

References

1. Mendoza J.F., Stehrer R. Africa's trade with Europe: Trends, status and potential developments. *FIW – Research Centre International Economics*. Policy Brief No. 65, January 2025. P. 1-10. (URL: https://www.fiw.ac.at/wp-content/uploads/2025/01/65_FIW_PB-EU-Africa_2025-01-08_final.pdf – date of access: 01.02.2026).
2. Drobot E.V. Prospects for the Integration of the African Continental Free Trade Area Countries with the Eurasian Economic Union. *Journal of Central Asia Economy*. 2022;6(1):65-88. <https://doi.org/10.18334/asia.6.1.114447>. EDN: BRSVSQ. (In Russ.).
3. Bisson L.S. EU-Africa Relations in Spring 2025. *European Union: Facts and Comments*. 2025;(120):77–80. <https://doi.org/10.15211/eufacts220257780>. EDN: BJRSMB. (In Russ.).
4. Volkov S.N. Positions of the Main Competitors of the EAEU Member Countries on the African Market. In: *Cooperation of the Participants of the Eurasian Economic Union with African Countries*. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; 2022. P. 153–162. EDN: LVGLNP. (In Russ.).
5. Sapuntsov A.L. Using the EU's Experience in Building Cooperation between the EAEU and the East African Community. In: *Cooperation of the Participants of the Eurasian Economic Union with African Countries*. Moscow: Institute for African Studies, Russian Academy of Sciences; 2022. P. 42–49. EDN: PPZOMM. (In Russ.).
6. Gottschalk K. Six Decades of African Integration: Successes and Failures. *Journal of the Institute for African Studies*. 2024;(2):24–39. <https://doi.org/10.31132/2412-5717-2024-67-2-24-39>. EDN: XSMWYO.

7. Dovgilenko G.A. The European Union's Energy Policy towards Africa. *National Strategy Issues*. 2023;3(78):234–255. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2023_3_234. EDN: CFPPMV. (In Russ.)

8. *Africa: the unpaid debt of the colonialists*. I.O. Abramova, S.N. Volkov, V.V. Gribanova [et al.]; editorial board: I. O. Abramova [et al.]. Moscow: Institute of Africa of RAS; 2023. 122 p. ISBN 978-5-91298-296-5. (In Russ.)

9. Sekacheva A.B. Energy Factor in Relations between the EU and North African Countries in the Context of the Green Deal. *National Strategy Issues*. 2025;1(88):156–179. https://doi.org/10.52311/2079-3359_2025_1_156. EDN: ZTGIVB. (In Russ.)

10. Stepkin V.I. On US Legal Arrangements for Trade and Economic Cooperation with Countries of Sub-Saharan Africa. *Scientific Notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science*. 2025;11(77)1:279–287. EDN: MYSEIP. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. Н. Мазаева – кандидат юридических наук, доцент, декан международно-правового факультета, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.

В. И. Степкин – аспирант, Всероссийская академия внешней торговли Министерства экономического развития Российской Федерации.

Information about the authors

N. N. Mazaeva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Dean of the International Law Faculty, All-Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

V. I. Stepkin – Post-Graduate Student, All-Russian Foreign Trade Academy of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.02.2026; одобрена после рецензирования 11.03.2026; принята к публикации 16.03.2026.

The article was submitted 03.02.2026; approved after reviewing 11.03.2026; accepted for publication 16.03.2026.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПРАВА

Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 102–113
North Caucasus Legal Vestnik. 2026;(1):102–113

Научная статья
УДК 346.13
EDN XHCVVV

О конституционном ведении и основах предпринимательского законодательства в Российской Федерации

Владимир Владимирович Тихонов^{1, 2, 3}

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³Российский государственный университет правосудия им В.М. Лебедева, Ростовский филиал, Ростов-на-Дону, Россия

tiho13@rambler.ru, SPIN-код: 2869-0020

Аннотация

Введение. В статье анализируется нормативно неразрешенный вопрос: об отнесении предпринимательского законодательства к исключительному ведению Российской Федерации либо совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации? Автором критически оцениваются аргументы, касающиеся выдвинутой «дилеммы». Концептом работы выступают собственные суждения относительно данного вопроса, заключающиеся в обосновании отнесения предпринимательского законодательства к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ.

Цель работы: исследовать конституционное ведение отечественного предпринимательского законодательства, в части отнесения его к исключительному ведению Российской Федерации либо совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Методологическую основу работы составили общенаучные методы познания: анализ, синтез, функциональный, системный, структурный, абстрагирование, конкретизация, а также частно-научные методы исследования: формально-юридический, технико-юридический, конкретно-исторический, методы грамматического, логического и системного толкования.

Объект исследования: общественные отношения, сопряженные с конституционным ведением и основами отечественного предпринимательского законодательства.

Предмет исследования: нормативные правовые акты, отечественная доктрина и судебная практика, касающиеся вопроса об отнесении предпринимательского законодательства к исключительному ведению Российской Федерации либо совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации?

Результаты и выводы. Функциональным назначением и предназначением нормативных правовых актов, принимаемых различными органами государственной власти субъектов РФ в сфере регламентирования отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность (или с их участием), не может выступить: 1) очевидно, ограничение единства экономического пространства, свободы перемещения товаров, свободы экономической деятельности, права на свободное использование своих способностей и имущества

для предпринимательской деятельности; 2) введение новой (иной) формы правового регулирования предпринимательства.

Автором внесено предложение внести изменения в п. «к» ст. 72 Конституции РФ, изложив его в следующей редакции: *административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное, предпринимательское законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды*; тем самым отразив в тексте Конституции норму, согласно которой предпринимательское законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ.

Ключевые слова: предмет ведения Российской Федерации, предмет совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, источник права (законодательства), общественные отношения, принципы предпринимательского права, экономическая деятельность, предпринимательское законодательство

Для цитирования: Тихонов В. В. О конституционном ведении и основах предпринимательского законодательства в Российской Федерации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 102–113. EDN XHCVVV

Original article

On constitutional jurisdiction and the fundamentals of business legislation in the Russian Federation

Vladimir V. Tikhonov^{1, 2, 3}

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia,

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

³Lebedev Russian State University of Justice, Rostov branch, Rostov-on-Don, Russia
tiho13@rambler.ru, SPIN-код: 2869-0020

Abstract

Introduction. The article analyzes a legally unresolved issue: on the attribution of business legislation to the exclusive jurisdiction of the Russian Federation or the joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation? The author critically evaluates the arguments concerning the "dilemma" put forward. The concept of the work is one's own judgments on this issue, which substantiate the attribution of business legislation to the joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation.

Purpose. To investigate the constitutional conduct of domestic business legislation, in terms of attributing it to the exclusive jurisdiction of the Russian Federation or the joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation.

The methodological basis of the work consists of general scientific methods of cognition: analysis, synthesis, functional, systemic, structural, abstraction, concretization, as well as private scientific research methods: formal-legal, technical-legal, concrete-historical, methods of grammatical, logical and systematic interpretation.

The object of the research is social relations related to constitutional conduct and the fundamentals of domestic business legislation.

Subject of the study: regulatory legal acts, domestic doctrine and judicial practice concerning the issue of attributing business legislation to the exclusive jurisdiction of the Russian Federation or the joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation?

Results and conclusions. The functional purpose and purpose of the normative legal acts adopted by various state authorities of the subjects of the Russian Federation in the field of regulating relations between persons engaged in entrepreneurial activity (or with their participation) cannot be: 1) obviously, the limitation of the unity of the economic space, freedom of movement of goods, freedom of economic activity, the right to freely use one's abilities and property for entrepreneurial activity; 2) the introduction of a new (different) form of legal regulation of entrepreneurship.

The author has made a proposal to amend clause "k" of Article 72 of the Constitution of the Russian Federation, stating it in the following wording: *administrative, administrative procedural, labor, family, housing, land, water, forestry, business legislation, legislation on subsoil, on environmental protection*; thereby reflecting in the text of the Constitution the norm according to which business legislation is under the joint jurisdiction of the Russian Federation and the subjects of the Russian Federation.

Keywords: subject of jurisdiction of the Russian Federation, subject of joint jurisdiction of the Russian Federation and subjects of the Russian Federation, source of law (legislation), public relations, principles of business law, economic activity, business legislation

For citation: Tikhonov V.V. On constitutional jurisdiction and the fundamentals of business legislation in the Russian Federation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):102–113. (In Russ.). EDN XHCVVV

Введение

Конституция Российской Федерации¹ (далее – Конституция РФ, Конституция), является нормативным правовым актом, имеющим в России высшую юридическую силу. Она сосредотачивает в себе общие постулаты правового упорядочивания общественных отношений, которые, с одной стороны, заслуживают отдельного, персонального урегулирования с точки зрения их политической, экономической или социальной значимости, а с другой – имеют наиболее абстрактную («неконкретизированную») природу.

Действительно, сама идея конституционно-правового регулирования подразумевает выверенную конститутивную систему норм, которые одновременно должны выступать и регулятором общественных отношений, входящих в «орбиту» предмета конституционного права, и служить основой для формирования и развития отдельных отраслей законодательства, в частности для таких, как: уголовное, гражданское, процессуальное, административное и пр.; ибо концепты отдельных институтов указанных отраслей находят непосредственное отражение в тексте Конституции. И если придерживаться справедливого заключения проф. О. А. Красавчикова о том, что «отраслей законодательства ровно столько, сколько отраслей права» [1]², то Конституция, по сути, является основоположницей не только отдельных отраслей законодательства, но и отраслей права.

В то же время конституционное право (законодательство), по мнению ряда авторитетных ученых-конституционалистов, устанавливает основу и систему как частных, так и публичных отраслей права [2; 3], очевидно, в силу того, что оно включает в себя основные идеи данных отраслей законодательства (права). Ввиду этого, можно допустить, что от стройности (полноты и последовательности) системы конституционных норм отчасти зависит и юридическая логичность как самих (отдельных) отраслей права (отраслей законодательства), так и их гармоничность с правом конституционным (как системой текстуально-закрепленных юридических норм). Учитывая высшую юридическую силу конституционных норм по отношению к иным – неконституционным нормам права, первые играют роль систематизирующих ориентиров формирования отраслевого законодательства. Пожалуй, тривиальным, является и то, что большая часть конституционных норм имеют характер (или, по крайней мере, признаются доктриной и судебной практикой) и выполняют функцию принципов отдельных отраслей права.

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с измен., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст опубликован на интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения – 13.09.2025).

² А, впрочем, данное утверждение вполне справедливо и при обратном его прочтении: «отраслей права ровно столько же, сколько отраслей законодательства». Вопрос будет лишь в самостоятельности данных отраслей права. Определяющим критерием этому, полагаем, будет выступать метод (в аспекте «методы правового регулирования»).

Так, в числе прочих Конституция РФ содержит ряд норм, регламентирующих общественные отношения в сфере осуществления предпринимательской деятельности (предпринимательства), субъекты которой являются основными экономическими агентами при рыночном типе хозяйствования, присущем, в том числе и Российской Федерации. К примеру, согласно ч. 2 ст. 34 Конституции РФ, не допускается экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию. Таким образом, надлежащие правовые гарантии, в частности нормативная определенность положения субъектов-предпринимателей, становятся одной из конституционных экономических основ современной России; в связи с тем, что данные субъекты формируют экономический базис, который, как известно, во многом предопределяет надстройку [4] (политику, идеологию, социологию, юриспруденцию и прочие имманентные сферы жизни каждого общества и государства).

В качестве провозглашенных, признанных, гарантированных и защищаемых Конституцией РФ положений, одновременно являющихся экономико-правовой основой отечественного предпринимательства, в первую очередь следует выделить такие конституционные нормы, как:

– единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, свобода экономической деятельности (ч. 1 ст. 8, ст. 74);

– право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности (ч. 1 ст. 34).

Особо отметим то, что приведенные нормы Конституции отдельными учеными – яркими представителями науки предпринимательского (хозяйственного) права – совершенно справедливо признаются нормами-принципами предпринимательского права, т.е. фундаментальными идеями данной отрасли [5, с. 10], которые упорядочивают не только общественные отношения, возникающие в сфере осуществления предпринимательской деятельности, но и, по сути, определяют правовое положение субъектов-предпринимателей в Российской Федерации. Следовательно, они же и должны служить ориентирами для формирования предпринимательского законодательства.

Между тем из прочтения (буквального восприятия и толкования значения, содержащихся в них слов и выражений) вышеуказанных конституционных норм следует, что правовое положение российского предпринимательства выглядит довольно-таки либеральным, что, по нашему мнению, с учетом постановки Президентом Российской Федерации В.В. Путиным цели его эффективного развития, следует только поддерживать¹. Так, вполне разумно полагать, что именно свобода может выступить действенным фактором и катализатором развития субъектов, осуществляющих какой-либо вид деятельности, в том числе экономической.

Действительно, отечественное предпринимательство во многом основывается на свободе не только его субъектов, но и на свободе его осуществления. Схематично это можно представить в виде свободы как «статике» (исходных начал) выбора предпринимательской деятельности как экономико-трудоустройственной стези; так и свободы как «динамики» (продукта, последствий) занятия этим родом деятельности, например, свобода перемещения произведенных предпринимателем товаров. Подобные рассуждения наталкивают на мысль о том, что с позиции конституционно-правового регулирования российское предпринимательство находится в состоянии абсолютной свободы его осуществления. Пожалуй, из конституционных норм, так или иначе, ограничивающих экономическую деятельность, можно выделить лишь запреты на недобросовестную конкуренцию и монополизацию (ч. 2 ст. 34), которые скорее запрещают осуществлять экономическую деятельность определенным образом, нежели чем попирают свободу предпринимательства.

¹ См.: Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // Российская газета. № 46. 01.03.2024.

Однако, согласно доминирующим взглядам в хозяйственно-правовой доктрине: предпринимательские отношения – это имущественно-управленческие (регулятивные) отношения, которые сформировались на товарно-денежной основе и на регулятивном начале государства [6, с. 21]. В связи с этим следует признать, что свобода осуществления предпринимательской деятельности может быть ограничена (и ограничивается) отдельными правовыми формами регулирования предпринимательства (например, такими как: лицензирование, саморегулирование, регистрация, сертификация и пр.), которые вводятся в целях упорядочивания предпринимательской деятельности и ее согласования с публичным интересом общества и государства. Более того, отдельные правовые формы регулирования предпринимательства берут свое начало в Конституции РФ, в частности из таких норм, как: поддержка конкуренции (ст. 8); экономическая солидарность (75.1); содействие частной инициативе (ст. 114) и некоторые др.

Между тем, полагаем, что отраслевое законодательство, регламентирующее положение субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельность, ввиду уже обозначенных «конституционных ориентиров» должно исходить из индикативной нормы нормативно-правового регулирования; а значит, в процессе регулирования предпринимательства в Российской Федерации должен в полной мере реализовываться метод непосредственно опосредованной координации [7], который включает в себя помимо «обязательных предписаний» также «согласования» и «рекомендации». Иными словами, сугубо директивная (административно-командная) основа, реализуемая посредством нормативных предписаний, по большей части чужда правовому регулированию осуществления предпринимательской деятельности в Российской Федерации. Действительно, предпринимательское законодательство, с одной стороны, должно основываться на свободе действий (деятельности) субъектов-предпринимателей; при этом, с другой – государство в лице своих уполномоченных органов может ограничивать их свободу посредством следующих приемов.

1. «Обязательные предписания» – тотальное ограничение свободы в процессе осуществления определенного вида экономической деятельности (например, установление такой формы государственного правового регулирования, как «лицензирование» (см.: положения Федерального закона «О лицензировании отдельных видов деятельности»¹)).

2. «Согласование» – мягкая форма ограничения свободы в процессе осуществления определенного вида экономической деятельности (например, установление такой формы государственного правового регулирования, как «уведомление о начале осуществления деятельности» (см. ст. 8 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»²)).

3. «Рекомендации» – это, пожалуй, форма государственного правового регулирования, назначением которой является побуждение к осуществлению определенного вида экономической деятельности (в качестве примера можно привести финансовое стимулирование осуществления определенной деятельности посредством «льготного» кредитования или субсидий (см.: положения Указа Президента РФ «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации»³)). Однако смеем предположить, что и рекомендации выступают своего рода ограничителями свободного

¹ Федеральный закон от 04.05.2011 № 99-ФЗ (в действующей ред.) «О лицензировании отдельных видов деятельности» // Собрание законодательства РФ. 09.05.2011. № 19. Ст. 2716.

² Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (в действующей ред.) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Собрание законодательства РФ. 29.12.2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6249.

³ Указ Президента РФ от 02.03.2022 № 83 (в действующей ред.) «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 07.03.2022. № 10. Ст. 1468.

усмотрения, поскольку они формируют и стимулируют выбор осуществления определенного вида деятельности (ОКВЭД), который является желательным именно для государства (а, возможно, и общества).

Впрочем, безусловным является то, что ни свобода предпринимательства, ни отдельные формы ее ограничения не должны порождать «пробельность» в нормативно-правовом упорядочивании предпринимательского законодательства, особенно на «конституционном уровне».

Постановка проблемы

Тем не менее, даже внесенные сравнительно недавно (в 2020 г.) достаточно объемные и разнородные поправки в Конституцию РФ не сняли имеющуюся в ней «недосказанность» относительно основополагающего вопроса в правовом регулировании отечественного предпринимательства. Данный вопрос сводится к следующей «дилемме»: предпринимательское законодательство находится в исключительном ведении Российской Федерации либо в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (далее – субъекты РФ)? Иначе говоря, в качестве источников предпринимательского права выступает только федеральное законодательство, в том числе: указы Президента РФ, постановления Правительства РФ, нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти, принятые в пределах их компетенции; или органы государственной власти субъектов РФ тоже могут принимать нормативные правовые акты, которые будут являться источниками предпринимательского права? Очевидно, что ответы на поставленные вопросы самым непосредственным образом будут влиять на правовое положение отечественного предпринимательства.

Разграничение предметов ведения регламентируется нормами ст.ст. 71 и 72 Конституции РФ, которые не упоминают ни предпринимательское законодательство, ни синонимичные с ним понятия (термины, категории). Таким образом, из данных конституционных норм невозможно сделать однозначный вывод об отнесении предпринимательского законодательства к чьему-то предмету ведения (Российской Федерации или Российской Федерации и субъектов РФ). Что само по себе, первое, является конституционной «пробельностью», и, второе, хотя и косвенно, но выступает сдерживающим фактором надлежащего развития регионального предпринимательства, потому как фактически у органов государственной власти субъектов РФ, по сути, отсутствуют формально-юридические конституционные основания принятия нормативных правовых актов, которые бы регламентировали правовое положение субъектов предпринимательской деятельности отличным образом от «федерального уровня».

Подходы к решению обозначенной проблемы

Однако п. «е» ст. 71 Конституции РФ, в частности, говорит о том, что к ведению (исключительному) Российской Федерации относится установление основ федеральной политики в сфере осуществления экономического развития России; и если признать, что предпринимательское законодательство является одной из основ федеральной политики (в том числе ее проявлением, средством, инструментом) в области экономического развития России, то его следует относить к исключительному предмету ведения Российской Федерации. Впрочем, приведенный довод является более чем косвенным фактом, подтверждающим выдвинутое предположение, хотя и заслуживающим внимания, поскольку именно предпринимательство выступает экономической основой российского общества и государства, в том числе обеспечивает их экономическое развитие. Следовательно, формирование отличной политики в сфере осуществления предпринимательской деятельности посредством принятия различного предпринимательского законодательства в субъектах РФ может дестабилизировать целостность концепции экономического развития России.

Далее, п. «о» ст. 71 Конституции РФ относит гражданское законодательство к исключительному предмету ведению Российской Федерации. В свою очередь, согласно ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации¹, гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность, или с их участием. Соответственно, если отрицать самостоятельность предпринимательского законодательства и признать его составной частью гражданского, то вопрос об отнесении предпринимательского законодательства к чьему-либо ведению (Российской Федерации или Российской Федерации и субъектов РФ) снимается сам собой. Данный довод во многом основывается на том, что в системе российского законодательства отсутствует кодифицированный акт, который бы комплексно упорядочивал предпринимательские отношения (по типу Торгового уложения Германии, Торгового кодекса Франции или Коммерческого кодекса Чехии).

Отметим и то, что ряд известных отечественных цивилистов (О. С. Иоффе, О. А. Красавчиков, Е. А. Суханов, В. А. Белов) резко отрицают выделение предпринимательского права в качестве самостоятельной отрасли, считая его исключительно подотраслью права гражданского. Более того, некоторые из них отрицают и существование предпринимательского законодательства как целостного системного образования, изучение которого в качестве учебной дисциплины имеет лишь прикладную цель [8, с. 8].

Однако, полагаем, что подобные заключения, в конечном счете, сводятся к отрицанию объективно существующей законодательной отрасли. Напомним, что в Российской Федерации действует масса нормативных правовых актов, регламентирующих исключительно правовое положение предпринимателей, в частности: законодательство в сфере регистрации субъектов, осуществляющих предпринимательскую деятельности² или законодательство, направленное на развитие и поддержку отдельных субъектов предпринимательства³, и многие др. Более того, у региональных органов государственной власти распространена практика принятия законов, направленных на поддержку субъектов малого и среднего предпринимательства⁴. На основании этого можно сделать вывод, что, с одной стороны, предпринимательское законодательство имеет иную природу по отношению к гражданскому, по крайней мере, исходя из такого критерия, как регулируемый субъектный состав; а с другой – субъекты РФ фактически принимают законодательные акты, направленные на урегулирование предпринимательства.

Следует отметить и то, что предпринимательское право в плане учебной дисциплины структурно представляет собой ряд изучаемых слушателями тем (институтов предпринимательского права, в совокупности представляющих собой его нормативную систему), которые в том числе находят отражение в авторитетных учебниках [9; 10; 11; 12]. Такими темами (институтами) предпринимательского права в числе прочих являются «Правовое регулирование рекламы» и «Правовая защита конкуренции», но и законодательство о рекламе, и антимонопольное законодательство находятся в исключительном ведении Российской Федерации. Это значит, что ряд сфер общественных отношений, которые традиционно рассматривались как предпринимательские правоотношения, не подлежат

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (в действующей ред.) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.

² Федеральный закон от 08.08.2001 № 129-ФЗ (в действующей ред.) «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» // Собрание законодательства РФ. 13.08.2001. № 33 (Ч. I). Ст. 3431.

³ Федеральный закон от 24.07.2007 № 209-ФЗ (в действующей ред.) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 30.07.2007. № 31. Ст. 4006.

⁴ Закон г. Москвы от 26.11.2008 № 60 (в действующей ред.) «О поддержке малого и среднего предпринимательства в городе Москве» // Ведомости Московской городской Думы. 02.04.2009. № 2. Ст. 273; Областной закон Ленинградской области от 30.04.2009 № 36-оз (в действующей ред.) «О развитии малого и среднего предпринимательства на территории Ленинградской области» // Вести. № 91. 20.05.2009.

урегулированию посредством нормативных правовых актов субъектов РФ. Так, ст. 4 Федерального закона «О рекламе»¹ и ст. 2 Федерального закона «О защите конкуренции»² не включают в качестве источников законодательного регулирования «рекламных отношений» и «конкурентных отношений» нормативные правовые акты субъектов РФ.

В то же время предпринимательское право как учебная дисциплина включает в себя и ряд тем (институтов), источниками законодательного регламентирования которых могут выступать и нормативные правовые акты, принимаемые уполномоченными органами субъектов РФ, например: «Правовое регулирование приватизации государственного и муниципального имущества» (см. ч. 2 ст. 4 Федерального закона «О приватизации государственного и муниципального имущества»³) или «Правовое регулирование отношений в области торговой деятельности» (см. ч. 1 ст. 3 Федерального закона «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации»⁴).

Таким образом, с точки зрения формальной логики в предпринимательском законодательстве происходит нарушение стройности (однообразия) системы его источников (по крайней мере, исходя из процесса изучения данной отрасли). Впрочем, мы признаем косвенность данного аргумента, поскольку в настоящее время в Российской Федерации отсутствует общефедеральная «Рабочая программа дисциплины», которая бы нормативно закрепляла (определяла) темы той или иной учебной дисциплины. Однако именно с освоения той или иной отрасли права как учебной дисциплины начинается жизненный путь каждого профессионального юриста. Между тем, следует отметить, что категория «источник (система источников)» выступает одним из определяющих критериев самостоятельности той или иной отрасли права. Так, проф. В.С. Мартемьянов писал: «Для каждой отрасли права важно определить, в каких актах содержится отраслевое регулирование» [12, с. 25].

Тем не менее, напомним, что предпринимательское законодательство в силу его комплексности, в частности ввиду отсутствия единого кодифицированного акта («системообразующего закона»), представляет собой достаточно большое количество нормативных актов, но в то же время объединенных единой (подобной) методой регламентирования (регулирования) отношений, складывающихся в процессе осуществления предпринимательской деятельности. В связи с этим, полагаем, что с позиции систематизации источников той или иной отрасли законодательства является более важным (предопределяющим) такой критерий, как единый метод регулирования (метод – набор приемов и способов, посредством которых определенные нормы урегулируют общественные отношения [13, с. 153]), нежели чем «однородность» уполномоченных органов власти, принимающих данное законодательство. Соответственно, рассматривая посредством формально-юридического метода исследования систему источников предпринимательского законодательства, несогласованность в ней не обнаруживается.

Между тем, возвращаясь к вопросу «конституционной пробельности» применительно к предпринимательскому законодательству, отметим, что согласно положениям ст.ст. 73, 76 Конституции РФ, если какая-либо сфера общественных отношений находится вне пределов исключительного ведения Российской Федерации и совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, то субъекты РФ обладают всей полнотой государственной власти и осуществляют собственное правовое регулирование данной сферы,

¹ Федеральный закон от 13.03.2006 № 38-ФЗ (в действующей ред.) «О рекламе» // Собрание законодательства РФ. 20.03.2006. № 12. Ст. 1232.

² Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (в действующей ред.) «О защите конкуренции» // Собрание законодательства РФ. 31.07.2006. № 31 (1 ч.). Ст. 2334.

³ Федеральный закон от 21.12.2001 № 178-ФЗ (в действующей ред.) «О приватизации государственного и муниципального имущества» // Собрание законодательства РФ. 28.01.2002. № 4. Ст. 251.

⁴ Федеральный закон от 28.12.2009 № 381-ФЗ (в действующей ред.) «Об основах государственного регулирования торговой деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 04.01.2010. № 1. Ст. 2.

включая принятие регионального законодательства, которое только лишь не должно противоречить федеральному. Говоря иначе, в случае если Конституцией РФ не отнесена какая-либо сфера к предмету исключительного ведения Российской Федерации или к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, то субъекты РФ, по сути, могут устанавливать собственное правовое регулирование данной сферы. Таким образом, при буквальном толковании приведенных конституционных норм следует: если предпринимательское законодательство не отнесено ни к исключительному предмету ведения Российской Федерации, ни к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ, то субъекты РФ могут устанавливать собственное правовое регулирование отношений предпринимательства. Однако полагаем, что подобный вывод вступает в противоречие, в частности с такой конституционной нормой, как «обеспечение единства экономического пространства (ст. 8)».

Казалось бы, бесспорным является и то, что субъекты РФ не могут ограничить свободу перемещения товаров посредством принятия регионального законодательства. Между тем эта очевидно императивная норма-принцип в свое время стала предметом судебного осмысления, к которому был вынужден прибегнуть Верховный Суд Российской Федерации. Так, в конце 90-х гг. XX в. главы отдельных субъектов РФ ограничивали вывоз сельскохозяйственной продукции за пределы территории своего субъекта РФ, тем самым они преследовали цель реализации данной продукции исключительно в своем регионе. Но справедливым решением высшей судебной инстанции подобные законодательные акты субъектов РФ были признаны недействительными¹. Однако само наличие приведенной судебной практики (тем более высшей судебной инстанции) дает очевидный сигнал о возможных нарушениях прав предпринимателей субъектами РФ посредством принятия регионального законодательства, регламентирующего осуществление предпринимательской деятельности в юрисдикции данного субъекта.

В то же время анализ отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации»² показывает, что нормативными правовыми актами субъектов РФ могут устанавливаться и обязательные требования, и обязанности, и запреты, связанные с осуществлением предпринимательской деятельности, а также ответственность за нарушение данных актов (ст. 53). Во-первых, это свидетельствует о том, что субъекты РФ все-таки могут принимать законодательство в сфере осуществления предпринимательской деятельности. Во-вторых, данная норма в определенной мере входит в противоречие с основными идеями предпринимательского права, нашедшими отражение в Конституции РФ, такими как: «единство экономического пространства», «свободное перемещение товаров», «свобода экономической деятельности», «право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности».

Действительно, вызывает сомнение необходимость и допустимость принятия нормативных правовых актов субъектами РФ, которые каким-либо образом попирали бы приведенные конституционные постулаты. В связи с этим, пожалуй, нуждается в дополнительном осмыслении согласование норм, содержащихся в Федеральном законе «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», с конституционными принципами, регламентирующими основные идеи отечественного предпринимательства. Думается, что указанный закон должен содержать норму, устанавливающую запрет на принятие нормативных правовых актов субъектами РФ, которые бы каким-либо образом ограничивали приведенные выше конституционные идеи (ценности, основы) предпринимательства.

¹ См. об этом: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 04.08.1998 № 38пв-98 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс] / Компания «Консультант Плюс» (дата обращения – 02.12.2025).

² Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ (в действующей ред.) «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 27.12.2021. № 52 (ч. I). Ст. 8973.

Между тем современные ученые – представители науки отечественного предпринимательского права – практически единогласны в вопросе перечня законодательных источников данной отрасли, к которому они относят нормативные правовые акты уполномоченных органов государственной власти субъектов РФ [14; 15; 16]. Более того, об активном и непосредственном регулировании торговых (коммерческих) отношений региональным законодательством писали еще выдающиеся дореволюционные юристы [17, с. 76; 18, с. 67]. И, безусловно, мы разделяем данные взгляды.

Выводы и предложения

Однако возникает первоочередной вопрос о нормативной определенности отнесения предпринимательского законодательства к соответствующему предмету ведения в Конституции РФ. В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в п. «к» ст. 72 Конституции РФ, изложив его в следующей редакции: *административное, административно-процессуальное, трудовое, семейное, жилищное, земельное, водное, лесное, предпринимательское законодательство, законодательство о недрах, об охране окружающей среды*; тем самым отразив в тексте Конституции норму, согласно которой предпринимательское законодательство находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов РФ. Сформулированное предложение по «редактированию» Конституции РФ буквально бы сняло конституционную неопределенность в отношении отнесения предпринимательского законодательства к предмету совместного ведения Российской Федерации и субъектов РФ.

Вместе с этим отнесение предпринимательского законодательства к предмету совместно ведения Российской Федерации и субъектов РФ не должно порождать попираание прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в том числе которые гарантируются Конституцией. Региональное предпринимательское законодательство должно иметь определенные пределы (запреты). Так, по нашему мнению, функциональным назначением и предназначением нормативных правовых актов, принимаемых различными органами государственной власти субъектов РФ в сфере регламентирования отношений между лицами, осуществляющими предпринимательскую деятельность (или с их участием), не может выступить:

1) очевидно, ограничение единства экономического пространства, свободы перемещения товаров, свободы экономической деятельности, права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности;

2) введение новой (иной) формы правового регулирования предпринимательства.

Пожалуй, последнее требует отдельного пояснения. Действительно, если признать лицензирование, саморегулирование, регистрацию, сертификацию и пр., формами государственного правового регулирования предпринимательства [19], то субъекты не должны принимать нормативные акты, устанавливающие либо изменяющие приведенные формы. Ввиду того, что каждая из указанных форм вводит определенные ограничения для осуществления отдельных видов экономической деятельности в независимости от географических, климатических и прочих подобных условий. Формы государственного регулирования предпринимательства должны иметь (и имеют) федеральную природу, то есть они устанавливаются в отношении всей юрисдикции (территории) Российской Федерации.

В свою очередь регулятивная целевая направленность регионального законодательства должна сводиться лишь к поддержке, стимулированию роста и установлению прочих благ для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, однако при этом обусловленных определенными географическими, климатическими и прочими подобными (объективными) отличительными условиями данного региона.

Субъекты РФ в лице своих уполномоченных органов посредством установления «специально-нормативной» (региональной) основы регулирования предпринимательства должны исключительно содействовать становлению и развитию местных бизнес-процессов. Тем самым, с одной стороны, как в отдельных субъектах РФ, так и в Российской Федерации в целом, будут обеспечиваться и реализовываться конституционные ценности предпринимательства, а с другой – будет происходить «выравнивание» правового положения (посредством регионального законодательства обеспечиваться равенство возможностей) лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность в отдельных регионах, не относящихся к числу привлекательных для бизнеса.

Список источников

1. Красавчиков О. А. Система права и система законодательства (гражданско-правовой аспект) // Правоведение. 1975. № 2. С. 68–69. EDN: UJZDZH.
2. Конституционно-правовая ответственность: проблемы России, опыт зарубежных стран / Под ред. проф. С. А. Авакьяна. М.: МГУ, 2001. 474 с. ISBN: 5-211-04444-4. EDN: RHNDYF.
3. Конституционное право России: курс лекций / отв. ред. Ю.Л. Шульженко. М.: Проспект, 2007. 477 с. ISBN 978-5-482-01421-9.
4. Энгельс – Й. Блоху / Исторический материализм (Маркс, Энгельс, Ленин). М.: Прогресс, 1972. С. 294–296.
5. Зинченко С. А. Российское предпринимательское право (курс лекций в презентационных материалах). Ростов-на-Дону: СКАГС, 2012. 234 с. ISBN: 978-5-89546-647-6. EDN: QSNIMH.
6. Предпринимательское право: учебник для бакалавров / Под науч. ред. С. А. Зинченко, Г. И. Колесника. М.: Академцентр, 2012. 464 с. ISBN 978-5-394-01881-7.
7. Зинченко С. А. Предмет и метод хозяйственного права. Ростов н/Д: РГУ, 1984. 128 с.
8. Беляева О. А. Предпринимательское право: Учебное пособие / Под ред. В. Б. Ляндреса. М.: ИНФРА-М, 2006. 271 с. ISBN: 5-98209-014-X. EDN: QXDRWN.
9. Предпринимательское право Российской Федерации / Отв. ред. Е. П. Губина, П. Г. Лахно. М.: Норма, 2020. 992 с. ISBN: 978-5-91768-769-8.
10. Ершова И.В. Предпринимательское право: учебник. М.: Юриспруденция, 2006. 560 с. ISBN: 5-9516-0176-2. EDN: PFLKLM.
11. Жилинский С. Э. Предпринимательское право (правовая основа предпринимательской деятельности): Учебник для вузов. М.: НОРМА, 2001. 672 с.
12. Мартемьянов В. С. Хозяйственное право. Т. 1. Общие положения. Курс лекций. М.: БЕК, 1994. 312 с. ISBN 5-85639-097-0.
13. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2004. 640 с. EDN: VDBUCR.
14. Вайпан В. А. Источники предпринимательского права: учебно-методический комплекс. М.: Юстицинформ, 2017. 84 с. ISBN: 978-5-7205-1387-0. EDN: ZCLBPF.
15. Андреев В. К. О концепции развития законодательства о предпринимательской деятельности // Российский судья. 2010. № 9. С. 20–26. EDN: NBQSCJ.
16. Лаптев В. В. Источники предпринимательского права в Российской Федерации. Автореф. дисс. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 49 с.
17. Каминка А. И. Очерки торгового права. М.: Центр ЮрИнфоР, 2002. 547 с. ISBN 5-89158-089-6.
18. Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. в 4 т. Т. 1. М.: Юрайт, 2019. 397 с. ISBN 978-5-534-07829-9.
19. Тихонов В. В. К вопросу об использовании терминов «форма» и «метод» как категорий правового регулирования в предпринимательском законодательстве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2023. № 2. С. 103–109. EDN: PWNLOA.

References

1. Krasavchikov O.A. The system of law and the system of legislation (civil law aspect). *Pravovedenie*. 1975;(2):68–69. EDN: UJZDZH. (In Russ.).
2. *Constitutional and legal responsibility: problems of Russia, experience of foreign countries*. Edited by prof. S.A. Avakian. Moscow: MSU; 2001. 474 p. ISBN: 5-211-04444-4. EDN: RHNDYF. (In Russ.).

3. *The Constitutional law of Russia: a course of lectures*. Ed. by Yu.L. Shulzhenko. Moscow: Prospekt; 2007. 477 p. ISBN 978-5-482-01421-9. (In Russ.).
4. Engels – J. Blokh. In: *"Historical Materialism"* (Marx, Engels, Lenin). Moscow: Progress Publ.; 1972. P. 294–296. (In Russ.).
5. Zinchenko S.A. *Russian business law (a course of lectures in presentation materials)*. Rostov-on-Don: SKAGS; 2012. 234 p. ISBN: 978-5-89546-647-6. EDN: QSNIMH. (In Russ.).
6. *Business law: a textbook for bachelors*. Edited by S.A. Zinchenko, G.I. Kolesnik. Moscow: Akademsentr; 2012. 464 p. ISBN 978-5-394-01881-7. (In Russ.).
7. Zinchenko S.A. *The subject and method of economic law*. Rostov-on-Don: Russian State University; 1984. 128 p. (In Russ.).
8. Belyaeva O.A. *Business law: A textbook*. Edited by V.B. Lyandres. Moscow: INFRA-M; 2006. 271 p. ISBN: 5-98209-014-X. EDN: QXDRWN. (In Russ.).
9. *Business law of the Russian Federation*. Ed. by E.P. Gubin, P.G. Lakhno. Moscow: Norm; 2020. 992 p. ISBN: 978-5-91768-769-8. (In Russ.).
10. Yershova I.V. *Business law: textbook*. Moscow: Jurisprudence; 2006. 560 p. ISBN: 5-9516-0176-2. EDN: PFLKLM. (In Russ.).
11. Zhilinsky S.E. *Business law (the legal basis of entrepreneurial activity): Textbook for universities*. Moscow: NORMA; 2001. 672 p. (In Russ.).
12. Martemyanov V.S. *Economic law*. Vol. 1 General provisions. A course of lectures. Moscow: BECK; 1994. 312 p. ISBN 5-85639-097-0. (In Russ.).
13. Matuzov N.I., Malko A.V. *Theory of the state and law: textbook*. Moscow: Yurist; 2004. 640 p. EDN: VDBUCR. (In Russ.).
14. Vaipan V.A. *Sources of business law: an educational and methodological complex*. Moscow: Justicinform; 2017. 84 p. ISBN: 978-5-7205-1387-0. EDN: ZCLBPF. (In Russ.).
15. Andreev V.K. On the concept of development of legislation on entrepreneurial activity. *Russian Judge*. 2010;(9):20–26. EDN: NBQSCJ. (In Russ.).
16. Laptev V.V. *Sources of business law in the Russian Federation*. The abstract. diss. ...Dr. Sci. (Law). Moscow: 2018. 49 p. (In Russ.).
17. Kaminka A.I. *Essays on commercial law*. Moscow; 2002. 547 p. ISBN 5-89158-089-6. (In Russ.).
18. Shershenevich G.F. *Course of commercial law*. in 4 volumes, vol. 1. Moscow: Yurait; 2019. 397 p. ISBN 978-5-534-07829-9. (In Russ.).
19. Tikhonov V.V. On the use of the terms "form" and "method" as categories of legal regulation in business legislation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2023;(2):103-109. EDN: PWNLOA. (In Russ.)

Информация об авторе

В. В. Тихонов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления; доцент кафедры гражданского права, Южный федеральный университет; доцент кафедры гражданского процессуального права, Российский государственный университет правосудия им В. М. Лебедева, Ростовский филиал.

Information about the author

V. V. Tikhonov – Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil and Business Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management; Associate Professor of the Department of Civil Law, Southern Federal University; Associate Professor of the Department of Civil Procedure Law, Lebedev Russian State University of Justice, Rostov branch.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 02.12.2025; одобрена после рецензирования 23.01.2026; принята к публикации 28.01.2026.

The article was submitted 02.12.2025; approved after reviewing 23.01.2026; accepted for publication 28.01.2026.

Ответственность лицензиатов за незаконное использование объектов интеллектуальных прав

Константин Сергеевич Понедельник

Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
inalter@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3977-996X>

Аннотация

Введение. Лицензионный договор предполагает использование объекта интеллектуальных прав строго в пределах, определенных соглашением сторон. Выход лицензиата за указанные пределы одновременно затрагивает и договорную сферу, и исключительное право правообладателя-лицензиара, что ставит вопрос о квалификации такого нарушения как договорного либо деликтного. Практическая значимость данной проблемы обусловлена различиями в основаниях, условиях и способах гражданско-правовой защиты, в частности возможностью взыскания компенсации за нарушение исключительного права.

Цель работы: определение природы ответственности лицензиата за использование объекта интеллектуальных прав за пределами условий лицензионного договора.

Методы. Используется формально-юридический метод для анализа соответствующих статей Части четвертой ГК РФ, судебных решений, а также позиций, существующих в теории гражданского права.

Результаты. Частноправовые исследования в сфере интеллектуальной собственности ограничиваются констатацией того факта, что выход лицензиата за пределы лицензии является бездоговорным использованием и влечет деликтную ответственность. Такое состояние научной мысли можно считать не вполне удовлетворительным, поскольку данная квалификация анализируемого нарушения лицензиата в юридической литературе никак не обосновывается. Кроме того, обходится почти полным молчанием диспозитивность закрепленной в законе модели ответственности и практические следствия отступления сторонами от общего правила. С опорой на систематическое толкование положений ГК РФ (в частности, ст. 1235, п. 3 ст. 1237, ст. 1252 ГК РФ), судебную практику и доктринальные позиции обосновывается квалификация выхода лицензиатом за любые пределы лицензии (в т.ч. сроки, территорию и др.) как бездоговорного использования. Общее правило об ответственности за данное нарушение заключается в применении специальных способов защиты, установленных ст. 1252, ст. 1252.1 ГК РФ (возмещение убытков или компенсация за нарушение исключительного права). Договором могут быть установлены специальные правила об ответственности лицензиата, которые могут выражаться, в частности, в применении договорной ответственности дополнительно или вместо деликтного требования (в зависимости от вида неустойки – зачетной, альтернативной, исключительной или штрафной); в установлении особых договорных последствий нарушения, если такая возможность предусмотрена законом; ограничении размера ответственности, если это не противоречит закону.

Выводы. Закрепленная в п. 3 ст. 1237 ГК РФ модель ответственности лицензиата за незаконное использование объекта интеллектуальных прав заключается, по общему правилу, в применении деликтной ответственности к лицензиату. При этом допускается договорное регулирование этой ответственности. Независимо от применения договорных или деликтных последствий нарушения основанием для соответствующего требования остается нарушение исключительного права лицензиара, т.е. деликт.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность, исключительное право, лицензионный договор, пределы использования, деликтная ответственность, договорная ответственность, защита исключительных прав, компенсация за нарушение исключительного права, нарушение договора, неустойка

Для цитирования: Понедельник К. С. Ответственность лицензиатов за незаконное использование объектов интеллектуальных прав // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 114–124. EDN YFPYEI

Original article

Licensee's liability for illegal use of an intellectual property object

Konstantin S. Ponedelnik

Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia,
inalter@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0008-3977-996X>

Abstract

Introduction. The license agreement assumes the use of the object of intellectual rights strictly within the limits determined by the agreement of the parties. The licensee's going beyond these limits affects both the contractual sphere and the exclusive right of the licensor, which raises the question of qualifying such a violation as contractual or tort. The practical significance of this problem is due to differences in the grounds, conditions and methods of civil protection, in particular, the possibility of collecting compensation for violation of an exclusive right.

The purpose of this work is to determine the legal nature of the licensee's liability for using an intellectual property object beyond the limits established by the license agreement.

Methods. The study employs the formal legal method to analyze the relevant provisions of the Part Four of the Civil Code of the Russian Federation, judicial decisions, and doctrinal positions developed in civil law theory.

Results and Discussion. The existing doctrinal positions are generally limited to stating that the licensee's use of an intellectual property object beyond the licensed scope constitutes non-contractual use and entails tort liability. This doctrinal state of affairs cannot be regarded as fully satisfactory because such qualification is rarely substantiated, while the dispositive character of the statutory model of liability – allowing the parties to modify the default rules – and the practical consequences of contractual deviations from the general rule remain largely unexplored.

Based on a systematic interpretation of the Civil Code (in particular, Articles 1235, 1237(3), and 1252), judicial practice and doctrinal reasoning, the study substantiates the qualification of any form of excess of the license (including exceeding the temporal, territorial or other limits) as non-contractual use. The general rule for liability in such cases is the application of the specific remedies provided for in Articles 1252, 1252.1, which include damages or compensation for the infringement of exclusive rights. The license agreement may include special rules regarding liability, such as the use of contractual remedies in addition to or instead of tort remedies, the introduction of specific consequences for infringement allowed by law, or the contractual limitation of liability provided it does not conflict with statutory requirements.

Conclusions. The model of liability set out in Article 1237(3) of the Civil Code prescribes, as a general rule, the application of tort liability to the licensee for non-contractual use of an intellectual property object. At the same time, contractual regulation of such liability is permissible. Regardless of whether contractual or tort remedies are applied, the underlying basis of the claim remains the infringement of the licensor's exclusive right, which is a tort.

Keywords: intellectual property, exclusive right, license agreement, limits of use, tort liability, contractual liability, protection of exclusive rights, compensation for infringement, breach of contract, penalty

For citation: Ponedelnik K. S. Licensee's liability for illegal use of an intellectual property object. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):114–124. (In Russ.). EDN YFPYEI

Введение

Лицензионный договор является одним из наиболее распространенных способов распоряжения исключительным правом на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации. Как известно, предметом данного договора является предоставление лицензиату лицензиаром-правообладателем права использования объекта интеллектуальных прав в предусмотренных соглашением сторон пределах (п. 1 ст. 1235 ГК РФ). Точное описание пределов использования существенно важно, поскольку от этого напрямую зависит квалификация того или иного поведения лицензиата (а в определенных случаях и лицензиара) как правомерного либо противоправного. На данное обстоятельство отдельно обращает внимание и законодатель в абз. 2 п. 1 ст. 1235 ГК РФ, устанавливая, что лицензиат может использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации только в пределах тех прав и теми способами, которые предусмотрены лицензионным договором, а право использования результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации, прямо не указанное в лицензионном договоре, не считается предоставленным лицензиату.

Соответственно, существо обязательства в лицензионном договоре концентрируется вокруг способов и иных пределов использования объекта интеллектуальных прав, названных в договоре, что предопределяет возможное поведение обеих сторон отношений. С одной стороны, сам лицензиар ограничивается в возможности использовать объект интеллектуальных прав тем или иным образом, способным затронуть интерес лицензиара (п. 1.1 ст. 1236, п. 2 ст. 1237 ГК РФ). С другой стороны, лицензиат вправе использовать результат интеллектуальной деятельности или средство индивидуализации только в известных рамках, а любое другое использование должно расцениваться как нарушение, влекущее применение мер защиты нарушенного права лицензиара.

Выход лицензиата за указанные в договоре пределы порождает вопрос квалификации данного нарушения как договорного или бездоговорного (деликтного) и применения соответствующего вида ответственности. Ведь совершая эти действия, лицензиат не только нарушает договорное обязательство, но и использует объект без согласия правообладателя, т.е. нарушает и само исключительное право.

Актуальность проблемы определения ответственности лицензиата за использование объекта интеллектуальных прав за пределами предоставленной лицензии обусловлена важными практическими последствиями этой квалификации. Применение мер договорной либо деликтной ответственности имеет свои особенности с точки зрения оснований и условий, а также в ряде иных второстепенных аспектов (например, в возможности использования договорного обеспечения для покрытия соответствующего требования, в возможности прибегнуть к договорной подсудности, если она установлена в соглашении, и т.д.). Главным практическим последствием является возможность или невозможность предъявления лицензиаром к лицензиату требования о компенсации, поскольку данный способ защиты является специальным и применим только при нарушении исключительного права, но не договора.

Материалы и методы

Для характеристики ответственности лицензиата за незаконное использование объекта интеллектуальных прав применен формально-юридический метод при анализе соответствующих статей Части четвертой ГК РФ, судебных решений, а также доктринальных позиций, выработанных в теории гражданского права.

Проблема ответственности лицензиата за использование объекта интеллектуальных прав за пределами условий лицензии неоднократно привлекала внимание таких исследователей, как И.А. Близнец, Л.А. Новоселова, Д.В. Полозова, О.А. Рузакова, В.А. Шуваев и др. Тем не менее, работы названных авторов, в большинстве своем, ограничиваются лишь

констатацией того факта, что действия лицензиата за пределами лицензии являются бездоговорным использованием и влекут деликтную ответственность. Данный вывод, несомненно верный по существу, является лишь частью общей картины, описывающей механизм гражданско-правовой ответственности лицензиата. Представляется, что для обеспечения предсказуемой защиты прав лицензиара целесообразно формирование единой концептуальной конструкции, пригодной для системного и последовательного применения.

Общее правило об ответственности лицензиата за незаконное использование

Основная норма, регулирующая ответственность лицензиата за анализируемое нарушение, содержится в п. 3 ст. 1237 ГК РФ, согласно которому использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации способом, не предусмотренным лицензионным договором, либо по прекращению действия такого договора, либо иным образом за пределами прав, предоставленных лицензиату по договору, влечет ответственность за нарушение исключительного права на результат интеллектуальной деятельности или на средство индивидуализации, установленную настоящим Кодексом, другими законами или договором.

Как видно, закон прямо говорит о том, что по общему правилу ответственность наступает за нарушение исключительного права, т.е. за деликт. Принципиальная возможность применения способов защиты исключительного права как при внедоговорном нарушении третьим лицом, так и при его нарушении со стороны контрагента в условиях наличия договора, в юридической литературе никем не оспаривается [1; 2; с. 243; 3, с. 144; 4, с. 113; 5, с. 479]. Тем не менее, отдельные исследователи по-разному оценивают сферу действия этого общего правила и пределы применения мер деликтной ответственности к лицензиату.

Наиболее распространенное толкование п. 3 ст. 1237 ГК РФ исходит из того, что нарушение лицензиата затрагивает непосредственно абсолютно-правовую сферу лицензиара как правообладателя, и законодатель устанавливает внедоговорную ответственность за любой выход за пределы лицензии, хотя при этом допускает возможность договорного регулирования такого вида ответственности [6, с. 131; 7, с. 265]. Соответственно, в случае нарушения лицензиатом условий использования объекта интеллектуальных прав лицензиар может не только потребовать возмещения убытков или компенсации за нарушение исключительного права в рамках деликтной ответственности, но и применить предусмотренные в договоре дополнительные или альтернативные санкции.

Другой вариант толкования предполагает более детальный анализ конкретного нарушения. В частности, по мнению В. А. Шуваева вид ответственности должен различаться в зависимости от того, за какие именно пределы использования вышел лицензиат. В случае использования объекта интеллектуальных прав способом, не предусмотренным договором, должна наступать деликтная ответственность за бездоговорное использование, поскольку подобные действия лицензиата представляют собой выход за рамки предмета договора [8, с. 138]. Однако иные условия использования, в частности, срок и территория, не относятся к предмету договора и не могут быть охарактеризованы в качестве права или способа использования. Соответственно, использование объекта интеллектуальных прав за пределами срока или территории расценивается В. А. Шуваевым как нарушение договора, а не исключительного права, и потому должны применяться нормы Главы 25 ГК РФ, регулирующие ответственность за нарушение обязательств [8, с. 146-149].

Нетрудно заметить, что при таком подходе квалификация одних и тех же действия лицензиата по использованию объекта интеллектуальных прав за пределами лицензии зависит от формального признака – от того, какое именно условие договора нарушено. Развитие данной концепции приводит ученого к тому, что в случае продолжения использования лицензиатом объекта интеллектуальных прав после истечения срока лицензии имеет место нарушение договора, однако если бывший лицензиат возобновит использование

объекта интеллектуальных прав после прекращения договора, то действия бывшего лицензиата уже не связаны с продолжением договорных отношений, и потому должна наступать внедоговорная ответственность [8, с. 146-148].

Неизбежным итогом подобной правовой конструкции является то, что лицензиар ограничивается в возможности использовать компенсацию как способ защиты своего права – он вправе заявить компенсацию за нарушение лицензиатом способов использования, но не вправе этого сделать при нарушении срока, территории или иных пределов, поскольку нормы об ответственности за нарушение обязательств не содержат такого средства защиты как компенсация. Осознавая подобное затруднение, В.А. Шуваев приходит к выводу, что *de lege ferenda* «целесообразно законодательно закрепить право лицензиара требовать выплаты установленной законом компенсации, вместо возмещения убытков, в том числе и при нарушении условий лицензионного договора», и даже *de lege lata* применение компенсации в договорном споре уже допустимо [8, с. 151–153].

Как представляется, подход В.А. Шуваева не соответствует системе законодательного регулирования ответственности за нарушение исключительного права, и верным является первый вариант толкования п. 3 ст. 1237 ГК РФ.

Бездоговорным является любое использование, совершенное без заключения соглашения с правообладателем (подп. 3 п. 1 ст. 1252 ГК РФ), т.е. без основания в виде сделки, в которой выражена его воля (либо без предусмотренного законом основания для свободного использования). Лицензиат использует объект интеллектуальных прав на законном основании постольку, поскольку соблюдает условия в договора в части предоставленных пределов использования. Исходя из того, что право использования объекта интеллектуальных прав, прямо не указанное в договоре, не считается предоставленным лицензиату (абз. 2 п. 1 ст. 1235 ГК РФ), любой выход за предоставленные пределы (в т.ч. за срок и территорию) должен расцениваться как бездоговорное использование, т.к. не охватывается волей правообладателя и именно поэтому является незаконным и влечет деликтную ответственность, предусмотренную ст. 1252, ст. 1252.1 ГК РФ.

Данное обстоятельство особенно важно потому, что пределы использования объекта интеллектуальных прав не исчерпываются способами, сроком и территорией, а могут быть сформулированы сторонами для конкретного договорного отношения. Это иллюстрирует следующий пример из судебной практики. Стороны заключили лицензионный договор на использование программы для ЭВМ с указанием предельного количества рабочих мест, на которых она могла быть установлена. Лицензиат установил данную программу на большее количество компьютеров, и Суд по интеллектуальным правам квалифицировал это как бездоговорное использование¹.

В данном случае лицензиат осуществлял использование предоставленным способом и в пределах срока и территории, но нарушил иной предел, установленный в договоре. Установка программы для ЭВМ, например, на 300 компьютеров, а не на 250 (как это предусмотрено в договоре), означает, что в отношении 50 компьютеров лицензиат допустил использование, на которое он не имел права в соответствии с лицензией. Внешне это выглядит как незаконное использование программы для ЭВМ в 50 экземплярах, и трудно понять, почему подобные действия должны квалифицироваться иначе по сравнению с тем, если бы эти 50 экземпляров программы были установлены третьим лицом, вовсе не известным лицензиару, поскольку характер нарушения, в сущности, одинаков и основан на нарушении исключительного права.

Однако с точки зрения подхода В.А. Шуваева, приведенного выше, в одном случае должна была бы наступать договорная ответственность, а в другом – деликтная, что

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 02.11.2020 N C01-1150/2020 по делу N A29-5935/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

означало бы, что реакция на одно и то же правонарушение зависела бы сугубо от формального признака – в силу наличия или отсутствия договорных отношений. Едва ли такой подход уместен, ведь закон в п. 3 ст. 1237 ГК РФ называет выход за любые пределы лицензионного договора действием, влекущим (по общему правилу) ответственность за нарушение исключительного права.

Последний вывод находит поддержку и в судебной практике. В частности, согласно устоявшейся позиции Суда по интеллектуальным правам, «использование результата интеллектуальной деятельности в большем объеме, чем это предусмотрено лицензионным договором, без соответствующего разрешения правообладателя является нарушением его исключительных прав, связи с чем последним может быть заявлено требование о взыскании компенсации», и при этом обращается внимание, что «предметом данного спора является требование о защите исключительного права, а не о нарушении обязательств по договору»¹.

Важно отметить, что эта позиция применяется в делах о нарушении любых пределов (в т.ч. срока и территории), а не только способов использования, что подчеркивает несоответствие концепции В.А. Шуваева тексту закона и правоприменительной практике.

В то же время нельзя не упомянуть, что нарушение договора в части иных условий, в частности, при невыплате лицензиатом вознаграждения (при том, что он продолжает использовать объект интеллектуальных прав в установленных пределах), напротив, не создает нарушения исключительного права, поскольку основание в виде лицензионного договора сохраняет эффект легитимации права использования, хоть обязательственные условия соглашения и нарушаются. В подобных случаях наступает договорная ответственность, и лицензиар не может потребовать компенсацию, поскольку нарушается только договорное обязательство².

Специальные правила об ответственности лицензиата за незаконное использование

Как было отмечено выше, деликтная ответственность лицензиата представляет собой общее правило. Стороны лицензионного договора вправе предусмотреть собственное специальное регулирование, отличное от п. 3 ст. 1237 ГК РФ, что создает довольно специфичную ситуацию «диспозитивной деликтной ответственности». Иными словами, законом прямо допускается возможность перспективного (предшествующего нарушению) договорного регулирования ответственности за нарушение абсолютного права, тогда как традиционно считается, что нормы о деликтных обязательствах императивны и не могут изменяться соглашением сторон [9, с. 539; 10, с. 97; 11, с. 59; 12, с. 11].

Чтобы подчеркнуть необычность такого регулирования, можно обратиться к иным положениям гражданского законодательства, посвященных похожим отношениям на стыке договорных и деликтных нарушений. Например, вред, причиненный гражданину при исполнении договорных обязательств, возмещается по правилам Главы 59 ГК РФ, однако договор может содержать повышенную ответственность, и приоритет тогда будут иметь его положения (ст. 1084 ГК РФ). Вред, причиненный гражданину, его имуществу или имуществу организации вследствие недостатков товара, работы или услуги, также возмещается по правилам о деликтах, в т.ч. если стороны состояли в договорных отношениях (ст. 1095 ГК РФ).

Приведенные нормы разрешают конкуренцию деликтного и договорного требования в пользу одного из них, тогда как диспозитивность п. 3 ст. 1237 ГК РФ допускает

¹ Постановление Суда по интеллектуальным правам от 14.10.2021 N C01-1642/2021 по делу N A56-97061/2019; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19.03.2021 N C01-138/2021 по делу N A33-10843/2020; Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.07.2019 N C01-492/2019 по делу N A60-37309/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Суда по интеллектуальным правам от 04.09.2017 г. по делу № A40-209481/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

гораздо более вариативное развитие охранительных отношений лицензиара и лицензиата – в зависимости от условий сделки могут быть применены меры договорной, деликтной, либо обоих видов ответственности одновременно в соответствующих частях.

Именно такое понимание отражено в п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», в соответствии с которым в случае использования лицензиатом объекта интеллектуальных прав за пределами договора лицензиар вправе потребовать взыскания убытков или выплаты компенсации в части, не покрытой неустойкой (если договором установлена зачетная неустойка). При закреплении в договоре других видов неустойки (исключительной, альтернативной либо штрафной) вопрос взыскания убытков или компенсации решается по общим правилам ст. 394 ГК РФ.

Соответственно, за одно и то же нарушение в зависимости от условий договора лицензиар может предъявить к лицензиату деликтное (о компенсации или возмещении убытков), договорное требование (о взыскании исключительной или альтернативной неустойки), либо оба требования совместно (о взыскании зачетной или штрафной неустойки и компенсации или возмещения убытков в части, не покрытой зачетной неустойкой, либо сверх суммы возмещенных убытков). При этом основание для соответствующих способов защиты будет одно и то же (нарушение лицензиатом исключительного права, т.е. деликт) и при применении мер деликтной ответственности в качестве общего правила, и при применении мер договорной ответственности при наличии специальных условий в соглашении.

Стоит отметить, что некоторые исследователи допускают еще более расширенную диспозитивность правила п. 3 ст. 1237 ГК РФ, толкуя его в том смысле, что стороны лицензионного договора могут и вовсе установить иные способы защиты, не известные закону. Например, Д.В. Полозова позитивно оценивает право сторон установить меры защиты, которые они считают применимыми к своим отношениям и которые не противоречат закону, и считает, что такая возможность если и не предусмотрена непосредственно в тексте п. 3 ст. 1237 ГК РФ, то может быть выведена путем толкования п. 1 ст. 393 ГК РФ и принципа свободы договора [6, с. 134].

Предложенный вариант толкования представляется чрезмерно расширительным и противоречит главной идее законодательного регулирования способов защиты гражданских прав, заложенной в ст. 12 ГК РФ – защита гражданских прав осуществляется способами, прямо предусмотренными законом. Это значит, что способ защиты должен быть не просто назван в законе, а должны быть определены конкретные условия и правила его применения, чтобы потенциальный нарушитель и пострадавший могли заранее более или менее определенно оценивать последствия того или иного поведения. Договорное установление непоименованных способов защиты не всегда способно учесть все эти аспекты и, кроме того, неизбежно осложнит спор – суд вынужден будет сначала установить (путем толкования условий договора), применимо ли придуманное сторонами средство защиты в конкретной ситуации, а затем решать этот спор по существу.

В то же время, возможность сторон предусмотреть специальные правила ответственности в лицензионном договоре действительно не исчерпывается допустимостью установления разных видов неустоек, на чем останавливается Верховный Суд РФ в приведенной выше позиции. Однако эти специальные правила должны иметь поддержку в действующем нормативном регулировании. Например, стороны могут предусмотреть условие о применении договорной неустойки в виде пени или штрафа за продолжение использования объекта интеллектуальных прав по прекращении лицензии, поскольку это условие в силу своей природы предполагает применение и имеет целью регулировать отношения сторон после прекращения договора, и потому договор в этой части сохраняет силу (п. 2 ст. 453 ГК РФ)¹.

¹ П. 3 Постановления Пленума ВАС РФ от 06.06.2014 N 35 «О последствиях расторжения договора» // СПС «КонсультантПлюс».

Наконец, диспозитивность п. 3 ст. 1237 ГК РФ оставляет как минимум еще одну опцию – возможность ограничения ответственности лицензиата (например, стороны могут ограничить размер убытков реальным ущербом). При этом, очевидно, такие ограничения не могут касаться случаев умышленного нарушения исключительного права (п. 4 ст. 401 ГК РФ).

Рассматриваемое положение о деликтной ответственности лицензиата и возможности ее договорного регулирования является общей нормой и применяется и к простым, и к исключительным лицензиям в равной мере. Характер выданной лицензии будет иметь значение в анализируемом вопросе только в том случае, если лицензиат заключит сублицензионный договор, и сублицензиат, в свою очередь, нарушит предоставленные лицензиатом условия использования. В такой ситуации сублицензиат должен отвечать перед лицензиатом по тем же правилам, что и лицензиат перед лицензиаром, т.к. к сублицензионному договору применяются правила о лицензионном договоре (п. 5 ст. 1238 ГК РФ). Тем не менее, применение п. 3 ст. 1237 ГК РФ к отношениям ответственности лицензиата перед лицензиаром напрямую недопустимо. Это бы означало, что любой лицензиат вправе по общему правилу потребовать с сублицензиата компенсации или возмещения убытков в порядке ст. 1252, ст. 1252.1 ГК РФ, в то время как ст. 1254 ГК РФ наделяет таким правом лишь лицензиата, имеющего право использования на условиях исключительной лицензии. Соответственно, характер ответственности сублицензиата перед лицензиатом зависит от характера лицензии – лицензиат с простой лицензией может прибегнуть только к договорной ответственности, а лицензиат с исключительной лицензией по общему правилу вправе требовать применения мер деликтной ответственности, если иное не предусмотрено в сублицензионном договоре.

Применение диспозитивности п. 3 ст. 1237 ГК РФ к иным видам лицензий также должно оцениваться с точки зрения существа их законодательного регулирования. В частности, стоит признать невозможным установление иных мер ответственности, помимо предусмотренных в ст. 1252, ст. 1252.1 ГК РФ, применительно к нарушению пределов использования на условиях принудительной лицензии. Основанием возникновения права использования при принудительной лицензии является не договор, а судебный акт, который не может навязать правообладателю условия, гарантирующие защиту его интересов, которые бы отличались от предусмотренных в законе.

Специальное регулирование предусмотрено и в отношении открытых лицензий. В соответствии с п. 5 ст. 1286.1 ГК РФ автор или иной правообладатель в случае, если исключительное право на произведение нарушено неправомерными действиями по предоставлению или использованию открытой лицензии, вправе требовать применения к нарушителю мер защиты исключительного права в соответствии со статьями 1252 и 1252.1 ГК РФ.

Отсутствие отдельного указания на свободу сторон предусмотреть иное (как это сделано в тексте п. 3 ст. 1237 ГК РФ) можно расценивать как свидетельство в пользу меньшей диспозитивности этого правила. Поскольку открытая лицензия является договором присоединения (п. 1 ст. 1286.1 ГК РФ), что автоматически исключает возможность лицензиата влиять на содержание договора, то такой договор не может устанавливать специальные правила об ответственности в той части, в которой такие условия нарушают интересы присоединившейся стороны. При этом принцип свободы договора не препятствует предусмотреть специальное договорное регулирование в пользу слабой стороны открытой лицензии¹. Иными словами, лицензиар при формулировании содержания открытой лицензии может самостоятельно установить более невыгодные для себя положения в части условий или размера ответственности лицензиата за бездоговорное использование. Например, в договоре может содержаться условие об исключительной неустойке, блокирующее возможность заявления иска о компенсации.

¹ См. п. 2-3 Постановления Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 N 16 «О свободе договора и ее пределах» // СПС «КонсультантПлюс».

Стоит иметь в виду, что в принципе любое специальное регулирование в части ответственности, предусмотренное сторонами любого лицензионного договора, должно оцениваться сквозь призму ненарушения принципа свободы договора. Указание на это есть и в ранее упомянутом п. 41 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»: «... при толковании условий договора присоединения о штрафной неустойке следует учитывать, не поставлен ли лицензиат в положение, существенно затрудняющее согласование иного содержания соответствующих условий договора, в силу явного неравенства переговорных возможностей». Нет сомнений, что подобная оценка должна затрагивать любые условия договора, отступающие от диспозитивного правила об ответственности.

В чем может быть причина закрепления в законе такого уникального подхода, расширяющего сферу внедоговорной ответственности в отношениях между лицензиаром и лицензиатом и одновременно допускающего нетипичную для деликтов возможность перспективного договорного регулирования? По мнению О. Ю. Шилохвоста, это может быть вызвано «низким уровнем соблюдения на практике правового режима результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации» и имеет целью «более эффективно стимулировать соблюдение участниками экономического оборота пределов договорного использования соответствующих результатов и средств» [13].

Как представляется, с этой гипотезой следует согласиться. Действительно, возможность заявления правообладателем компенсации к контрагенту по договору сохраняет ее значение как облегченного способа защиты в отношениях по использованию объектов интеллектуальных прав. В то же время, лицензиар волен предусмотреть в соглашении развернутую систему санкций, тем самым обеспечив свой интерес в добросовестном исполнении договора со стороны контрагента. Такой подход призван повысить уверенность правообладателя в защите от непредвиденных нарушений лицензиата, благоприятствовать выдаче лицензий и стимулировать развитие гражданского оборота в сфере интеллектуальной собственности [14, с. 66-67].

Заключение

Вышеизложенное приводит к выводу о том, что общее правило об ответственности лицензиата за бездоговорное использование (т.е. с нарушением любых пределов лицензии, в т.ч. способов, срока и территории) исходит из деликтной природы этого нарушения, которое влечет применение к лицензиату способов защиты исключительного права, предусмотренных в подп. 3 п. 1 ст. 1252 ГК РФ (возмещение убытков) и ст. 1252.1 ГК РФ (компенсация). Стороны лицензионного договора вправе установить специальные правила ответственности, которые могут заключаться, в частности:

- в применении договорной ответственности дополнительно или вместо деликтного требования (в зависимости от вида неустойки);
- в установлении особых договорных последствий нарушения, если такая возможность предусмотрена законом;
- ограничении размера ответственности, если это не противоречит закону.

Полученные выводы также позволяют сформулировать несколько практических рекомендаций для лиц, вступающих в отношения по поводу использования объектов интеллектуальных прав на основе лицензионных договоров.

Прежде всего, критически важно установить в соглашении детальные и недвусмысленные пределы использования объекта интеллектуальных прав. Определение в договоре способов, сроков использования, количественных, пространственных, технических и иных характеристик, определяющих содержание предоставленного права, служит необходимым условием для последующей квалификации поведения лицензиата и минимизирует неопределенность при возникновении спора.

При установлении в договоре специальных правил ответственности лицензиата, включая выбор конкретного вида договорной неустойки, сторонам следует обеспечивать баланс интересов, согласуя характер и размер санкций с экономической целью договора и потенциальными последствиями нарушения. Такой подход позволяет одновременно обеспечить эффективную защиту исключительного права лицензиара и предотвратить применение несоизмеримых мер ответственности, способных необоснованно нарушить интересы лицензиата.

Реализация предложенных рекомендаций способствует формированию сбалансированного договорного регулирования, обеспечивающего надлежащую защиту интересов лицензиара и одновременно позволяющего лицензиату осуществлять использование объекта интеллектуальных прав в условиях правовой определенности и предсказуемости гражданско-правовых последствий от собственных действий.

Список источников

1. Андреев Ю. Н. Судебная защита исключительных прав: цивилистические аспекты: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2011. Глава IV. Способы судебной защиты исключительных прав. 399 с. ISBN: 978-5-91768-203-7. EDN: SDQSAJ.
2. Близнац И. А., Леонтьев К. Б. Авторское право и смежные права: Учеб. / Под ред. И. А. Близнаца. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017. 452 с. ISBN 978-5-392-18840-6.
3. Братусь Д. А. Защита авторских и смежных прав / Под общ. ред. Б. М. Гонгалю; УрГЮУ им. В.Ф. Яковлева, кафедра гражданского права, научное студенческое сообщество «Мысли и речи». М.: Статут, 2024. 236 с. ISBN 978-5-8354-2000-1.
4. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: учебно-практический комментарий / [Е. Н. Абрамова и др.]; под ред. А. П. Сергеева. М.: Проспект, 2016. 912 с. ISBN: 978-5-392-19054-6. EDN: GDNMJD.
5. Право интеллектуальной собственности. Т. 1. Общие положения: Учебник / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2017. 512 с. ISBN 978-5-8354-1327-0.
6. Полозова Д.В. Гражданско-правовые способы защиты интеллектуальных прав в Российской Федерации: Дисс. канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2017. 206 с. EDN: GLCMFA.
7. Рузакова О. А. Система договоров о создании результатов интеллектуальной деятельности и распоряжении исключительными правами: Дисс. канд. юрид. наук. М, 2007. 497 с. EDN: NOREWТ.
8. Шуваев В. А. Гражданско-правовое регулирование лицензионного договора на использование результата интеллектуальной деятельности или средства индивидуализации: Дисс. канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2009. 207 с. EDN: NQREHR.
9. Гражданское право: учебник: в 4 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. Т. 1. М.: Статут, 2019. 576 с.
10. Общее учение о деликтных обязательствах в советском гражданском праве: учебное пособие / В. Т. Смирнов, А. А. Собчак; ЛГУ им. А. А. Жданова. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1983. 152 с.
11. Садиков О. Н. Убытки в гражданском праве Российской Федерации. М.: Статут, 2009. 221 с. ISBN: 978-5-8354-0576-3. EDN: QRFHFJ.
12. Шевченко А. С., Шевченко Г. Н. Деликтные обязательства в российском гражданском праве. М.: Статут, 2013. 132 с. ISBN: 978-5-8354-0951-8.
13. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой) (постатейный): в 2 т. Т. 1 / С.А. Горленко, В.О. Калятин, Л.Л. Кирий [и др.]; отв. ред. А.А. Трахтенгерц; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016. 485 с. ISBN 978-5-16-012258-8.
14. Шатковская Т. В. Основные направления государственной политики Российской Федерации в области интеллектуальной собственности // Правовой порядок и правовые ценности. 2023. Т. 1. № 1. С. 57–68. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-57-68>. EDN: SBOTHO.

References

1. Andreev Yu.N. *Judicial Protection of Exclusive Rights: Civil Law Aspects*. Monograph. Moscow: Norma; Infra-M; 2011. 399 p. ISBN: 978-5-91768-203-7. EDN: SDQSAJ. (In Russ.).
2. Bliznets I.A., Leontiev K.B. *Copyright and Related Rights*. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Prospekt; 2017. 452 p. ISBN 978-5-392-18840-6. (In Russ.).
3. Bratus D.A. *Protection of Copyright and Related Rights*. Moscow: Statut; 2024. 236 p. ISBN 978-5-8354-2000-1. (In Russ.).
4. *Commentary to the Civil Code of the Russian Federation*. Part four: educational and practical commentary. E. N. Abramova et al.; edited by A. P. Sergeev. Moscow: Prospekt; 2016. 912 p. ISBN: 978-5-392-19054-6. EDN: GDNMJD. (In Russ.).
5. *Intellectual Property Law*. Vol. 1: General Provisions. Edited by Novoselova L. A. Moscow: Statut; 2017. 512 p. ISBN 978-5-8354-1327-0. (In Russ.).
6. Polozova D.V. *Civil Law Remedies for the Protection of Intellectual Rights in the Russian Federation*. Dis... Cand. Sci. (Law). Moscow; 2017. 206 p. EDN: GLCMFA. (In Russ.).
7. Ruzakova O.A. *System of Contracts for the Creation of Intellectual Property Results and Disposal of Exclusive Rights*. Dis... Cand. Sci. (Law). Moscow; 2007. 497 p. (In Russ.).
8. Shuvaev V.A. *Civil Law Regulation of License Agreements for the Use of Results of Intellectual Activity or Means of Individualization*. Dis... Cand. Sci. (Law). Moscow; 2009. 207 p. (In Russ.).
9. *Civil Law*. In 4 vols. Vol. 1. Edited by Sukhanov E.A. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Statut; 2019. 576 p. (In Russian).
10. Smirnov V.T., Sobchak A.A. *General Theory of Tort Obligations in Soviet Civil Law*. Leningrad: Leningrad State University Press; 1983. 152 p. (In Russ.).
11. Sadikov O.N. *Damages in the Civil Law of the Russian Federation*. Moscow: Statut; 2009. 221 p. ISBN: 978-5-8354-0576-3. EDN: QRFHFJ. (In Russ.).
12. Shevchenko A.S., Shevchenko G.N. *Tort Obligations in Russian Civil Law*. Moscow: Statut; 2013. 132 p. ISBN: 978-5-8354-0951-8. (In Russ.).
13. Gorlenko S.A., Kalyatin V.O., Kirii L.L., et al. *Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (Part Four)*. Vol. 1. 2nd ed. Moscow: Infra-M; 2016. 485 p. ISBN 978-5-16-012258-8. (In Russ.).
14. Shatkovskaya T.V. Main directions of state policy of the Russian Federation in the field of intellectual property. *Legal order and legal values*. 2023;1(1):57–68. <https://doi.org/10.23947/2949-1843-2023-1-1-57-68>. EDN: SBOTHO. (In Russ.).

Информация об авторе

К. С. Понедельник – аспирант кафедры гражданского права, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Information about the author

K. S. Ponedelnik – Graduate Student of the Department of Civil Law, Rostov State University of Economics.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.02.2026; одобрена после рецензирования 06.03.2026; принята к публикации 11.03.2026.
The article was submitted 01.02.2026; approved after reviewing 06.03.2026; accepted for publication 11.03.2026.

Научная статья
УДК 349.2
EDN RELRKU

Актуальные вопросы правового регулирования трудовых отношений в условиях цифровой трансформации: проблемы дифференциации и охраны труда

Марта Расуловна Богатырева¹, Мадина Казбековна Боташева²

^{1,2}Северо-Кавказская государственная академия, Черкесск, Россия

¹martabogatyreva@mail.ru, SPIN-код: 2806-1060

²madina--87@mail.ru, SPIN-код: 1187-1006

Аннотация

Введение. Современный этап социально-экономического развития Российской Федерации характеризуется глубокой трансформацией, которая закономерно затрагивает одну из основополагающих сфер общественной жизни – трудовые отношения. Актуальность темы обусловлена нарастающим противоречием между традиционной, сложившейся в индустриальную эпоху моделью трудового права, ориентированной на стандартные, стабильные трудовые отношения, и динамичной, гибкой реальностью постиндустриального рынка труда.

Цель. Проведение комплексного анализа наиболее дискуссионных проблем современного трудового законодательства Российской Федерации, возникающих на стыке технологических вызовов, экономической трансформации и социальных императивов. Фокус исследования направлен на системное рассмотрение влияния цифровизации, развития дистанционных форм труда, эволюции дифференциации правового регулирования и необходимости глубокого реформирования системы охраны труда. Особое внимание уделяется выработке научно обоснованных предложений по поиску оптимального баланса между требованиями экономической эффективности, принципами социальной справедливости и укреплением традиционных социальных устоев, основанных на солидарности и коллективной ответственности.

Теоретическую основу исследования составил комплекс научных трудов, охватывающих ключевые аспекты темы исследования. Фундамент сформирован классическими и современными работами по теории и догме трудового права (С. Ю. Головина, А. М. Куренной, А. М. и М.В. Лушниковы). Проблема дифференциации исследована на основе анализа ее эволюции и новых критериев (А. А. Бережнов, Г. С. Скачкова). Цифровая трансформация и нетипичная занятость проанализированы с опорой на исследования цифровой экономики, дистанционного и платформенного труда (Н. Л. Лютов, А. В. Серова). Критика компенсационной модели охраны труда и подходы к управлению рисками базируются на работах по экономике охраны труда и социальному страхованию (В. Д. Роик).

Результаты. Установлено, что ключевой вызов для отечественного трудового права заключается в адаптации классических институтов к условиям цифровой экономики и нетипичным формам занятости без утраты защитной функции. Выявлено, что существующая компенсационная модель охраны труда экономически неэффективна и требует перехода к системе управления профессиональными рисками. Обоснована необходимость переосмысления дифференциации правового регулирования, при котором особый правовой статус должен предоставляться не по формальным отраслевым признакам, а исходя из фактической уязвимости работника.

Выводы. Сделан вывод о том, что дальнейшее развитие трудового законодательства России должно основываться на синтезе рыночной гибкости, сильной государственной гарантирующей роли и опоре на ценности социальной солидарности. Предложены конкретные меры, направленные на совершенствование законодательства в сфере дистанционного труда («право на отключение»), охраны здоровья работников (гибкая шкала страховых тарифов) и обеспечения подлинного баланса интересов сторон трудовых отношений.

Ключевые слова: трудовые отношения, правовое регулирование, дифференциация, дистанционная работа, охрана труда, цифровизация, социальное партнерство, трудовой договор, управление профессиональными рисками

Для цитирования: Богатырева М. Р., Боташева М. К. Актуальные вопросы правового регулирования трудовых отношений в условиях цифровой трансформации: проблемы дифференциации и охраны труда // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 125–135. EDN RELRKU

Original article

Topical issues of legal regulation of labor relations in the context of digital transformation: problems of differentiation and occupational safety

Marta R. Bogatyreva¹, Madina K. Botasheva²

^{1,2}North Caucasus State Academy, Cherkessk, Russia

¹martabogatyreva@mail.ru, SPIN-код: 2806-1060

²madina--87@mail.ru, SPIN-код: 1187-1006

Abstract

Introduction. The current stage of the socio-economic development of the Russian Federation is characterized by a profound transformation, which naturally affects one of the fundamental spheres of public life – labor relations. The relevance of the topic is due to the growing contradiction between the traditional model of labor law developed in the industrial era, focused on standard, stable labor relations, and the dynamic, flexible reality of the post-industrial labor market.

Purpose. The objective of this article is to conduct a comprehensive analysis of the most debatable problems of modern labor legislation in the Russian Federation, arising at the intersection of technological challenges, economic transformation, and social imperatives. The research focuses on a systematic consideration of the impact of digitalization, the development of remote forms of labor, the evolution of differentiation in legal regulation, and the need for a fundamental reform of the occupational safety system. Particular attention is paid to the development of scientifically based proposals for finding an optimal balance between the requirements of economic efficiency, the principles of social justice, and the strengthening of traditional social foundations based on solidarity and collective responsibility.

The theoretical basis of the research is formed by a complex of scientific works covering key aspects of the topic. The foundation is built upon classical and contemporary works on the theory and doctrine of labor law (S.Yu. Golovina, A.M. Kurennoi, A.M. and M.V. Lushnikovs). The issue of differentiation is examined based on the analysis of its evolution and new criteria (A.A. Berezhnov, G.S. Skachkova). The digital transformation and non-standard forms of employment are analyzed relying on studies dedicated to the digital economy, remote and platform work (N.L. Lyutov, A.V. Serova). The critique of the compensatory occupational safety model and approaches to risk management are grounded in works on the economics of occupational safety and social insurance (V.D. Roik).

Results. It has been established that the key challenge for domestic labor law lies in adapting classical institutions to the conditions of the digital economy and non-standard forms of employment without losing its protective function. It has been revealed that the existing compensatory model of occupational safety is economically inefficient and requires a transition to a system of occupational risk management. The necessity of rethinking the differentiation of legal regulation has been substantiated, whereby a special legal status should be granted not based on formal sectoral characteristics, but based on the actual vulnerability of the worker.

Conclusions. It is concluded that the further development of Russian labor legislation should be based on a synthesis of market flexibility, a strong state guaranteeing role, and reliance on the values of social solidarity. Concrete measures aimed at improving legislation in the field of remote work ("right to disconnect"), occupational safety (flexible scale of insurance rates), and ensuring a genuine balance of interests of the parties to labor relations have been proposed.

Keywords: labor relations, legal regulation, differentiation, remote work, occupational safety, digitalization, social partnership, employment contract, occupational risk management

For citation: Bogatyreva M.R., Botasheva M.K. Topical issues of legal regulation of labor relations in the context of digital transformation: problems of differentiation and occupational safety. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):125–135. (In Russ.). EDN RELRKU

Введение

Современный этап социально-экономического развития Российской Федерации характеризуется глубокой трансформацией, которая закономерно затрагивает одну из основополагающих сфер общественной жизни – трудовые отношения. Глобальные технологические вызовы, становление цифровой экономики, возникновение принципиально новых форм занятости, таких как дистанционная и платформенная работа, ставят перед национальным трудовым правом сложнейшие задачи. От его способности адекватно и своевременно реагировать на эти изменения зависит не только экономическая конкурентоспособность страны, но и уровень социальной защищенности миллионов граждан, а, следовательно, и общественная стабильность. Перспективы этой трансформации и сопутствующие риски стали предметом публичного обсуждения еще на предыдущих этапах реформ [1]. В этих условиях возвращение к осмыслению фундаментальных основ правового регулирования труда, его целей и ценностных ориентиров представляется не просто актуальным, а императивным.

Актуальность темы обусловлена нарастающим противоречием между традиционной, сложившейся в индустриальную эпоху моделью трудового права, ориентированной на стандартные, стабильные трудовые отношения, и динамичной, гибкой реальностью постиндустриального рынка труда¹. С одной стороны, сохраняется незыблемая конституционная обязанность государства обеспечивать права трудящихся на справедливые условия труда, охрану здоровья и защиту от безработицы². С другой стороны, работодатели в условиях жесткой конкуренции требуют большей гибкости в управлении персоналом. Государство же заинтересовано в создании правовой среды, которая одновременно стимулировала бы экономический рост и инвестиции, и гарантировала высокий уровень социального мира. Ключевыми узлами этого противоречия становятся правовой статус дистанционного работника, критерии дифференциации правового регулирования и эффективность механизмов охраны труда.

Целью данного исследования является проведение комплексного анализа наиболее дискуссионных проблем современного трудового законодательства – адаптации к цифровизации, реформирования системы охраны труда и переосмысления дифференциации – и разработка на его основе научно обоснованных предложений по поиску сбалансированного пути развития. Этот путь, как представляется, должен избежать крайностей как архаичного гиперрегулирования, так и безоглядной либерализации, и основываться на органичном сочетании рыночной эффективности, социальной справедливости и укорененных в российском обществе коллективистских и солидарных начал [3].

¹ См.: [2]; Сафонов А. Модернизация трудовых отношений-2020 // Известия. 2012. 4 мая. URL: <https://iz.ru/news/524431> (дата обращения: 01.02.2026).

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ) // [Электронный ресурс]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 01.02.2026)

Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении актуальных проблем трудового права через призму диалектики традиционного и нового, унификации и дифференциации, экономики и социальной защиты. В исследовании выдвигается и обосновывается центральный тезис о том, что ответом на современные вызовы должен стать не отказ от базовых защитных функций трудового права, а их творческое переосмысление и адаптация к новым реалиям через внедрение экономических стимулов для работодателей, разработку новых критериев защиты уязвимых работников и укрепление институтов социального партнерства. Все это должно осуществляться при безусловном приоритете человеческого достоинства и социального благополучия как конституционных ценностей российского государства.

Материалы и методы

Материалы настоящего исследования сформированы на основе комплексного анализа трех взаимодополняющих групп источников, что обеспечило репрезентативность и глубину проводимого анализа. В качестве нормативно-правовой основы исследования выступили действующие акты трудового законодательства Российской Федерации, прежде всего Трудовой кодекс РФ¹, а также федеральные законы, регулирующие отдельные аспекты дистанционного труда и охраны труда². Эмпирический компонент исследования представлен данными правоприменительной практики, включая обзоры судебной практики Верховного Суда РФ по категориям дел, связанных с дистанционной работой³ и дисциплинарными вопросами⁴. Теоретико-методологический фундамент составляет современная отечественная научная доктрина, проанализированная через труды ведущих российских ученых-трудовиков⁵, фундаментальные теоретические работы, посвященные месту отрасли в социально-экономической системе [8] и через статьи в рецензируемых журналах за последние пять лет, фиксирующие актуальную дискуссию вокруг проблем дифференциации и цифровизации [9; 10; 11].

Результаты и обсуждение

Наиболее острую дискуссию в научной и практической среде вызывает правовое регулирование труда в условиях цифровой трансформации. Внедрение дистанционных технологий, особенно ускоренное в последние годы, деконструирует классические признаки трудового отношения, сформулированные в ст. 15 ТК РФ. Такие элементы, как «под управлением и контролем работодателя», «подчинение правилам внутреннего трудового распорядка», «обеспечение работодателем условий труда», приобретают виртуальный, а зачастую и размытый характер.

Формально российский законодатель предпринял шаги по регулированию этой сферы, введя в ТК РФ главу 49.1 о дистанционной работе. Однако практика выявила ряд системных проблем:

1. Стирание границ рабочего времени. Контроль за режимом труда дистанционного работника затруднен, что ведет к рискам как скрытой сверхурочной работы, так и

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 года № 197-ФЗ в ред. Федерального закона от 3.07.2016 № 347-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 7.01.2002. № 1. Ст.3.

² Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удаленной) работы» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 50. Ст. 8359.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2018 № 15 «О применении судами законодательства, регулирующего труд работников, работающих у работодателей – физических лиц и у работодателей – субъектов малого предпринимательства, которые отнесены к микропредприятиям».

⁴ Обзор актуальных споров с дистанционными работниками // КонсультантПлюс. 2024. 30 октября. URL: <https://www.consultant.ru/legalnews/26782/> (дата обращения: 01.02.2026).

⁵ См.: [2; 4; 5; 6; 7]; Сафонов А. Модернизация трудовых отношений-2020 // Известия. 2012. 4 мая. URL: <https://iz.ru/news/524431> (дата обращения: 01.02.2026).

злоупотреблений со стороны работника. Традиционный инструментальный учет рабочего времени (ст. 91 ТК РФ) требует адаптации.

2. Проблема охраны труда. Обязанность работодателя обеспечивать безопасные условия труда (ст. 22 ТК РФ) в условиях, когда рабочим местом является жилище работника, трансформируется в сложную задачу по регулированию вопросов, связанных с проверками, компенсацией расходов на оборудование и профилактикой профессионального выгорания.

3. Риск социальной изоляции работника. Дистанционный формат может подрывать коллективные связи, ослаблять роль профсоюзов и механизмов социального партнерства, которые являются одной из традиционных основ российской социально-трудовой модели.

Таким образом, вызов заключается не только в технико-юридическом оформлении нового вида труда, но и в сохранении социально-защитной составляющей трудовых отношений в цифровой среде. Это требует от законодателя и правоприменителя развивать не только нормы о правах и обязанностях, но и о процедурах, способных компенсировать утрату ежедневного личного контакта.

Классическим ответом трудового права на неоднородность общественных отношений является дифференциация – установление специальных норм для отдельных категорий работников, отраслей или условий труда¹. В советский и ранний постсоветский период дифференциация зачастую носила жесткий, формальный характер, привязываясь к отраслевой принадлежности или наименованию профессии в списках, что порождало сложную и подчас несправедливую систему льгот и компенсаций. В современных условиях основания дифференциации требуют пересмотра. Если ранее она часто служила инструментом компенсации за тяжелые условия, то сегодня все больше должна становиться инструментом управления рисками и создания стимулов. Как верно отмечается в литературе, причины дифференциации сегодня связаны с появлением новых способов взаимодействия (дистанционная работа), цифровизацией документооборота, развитием нетипичных форм занятости [9; 11].

Представляется, что дальнейшее развитие дифференциации должно идти по следующим направлениям:

1. От формальных критериев к фактическим. Особый правовой режим должен предоставляться не потому, что работник формально относится к какой-либо сфере (например, «ИТ-сфера»), а исходя из фактических условий его труда: степени автономии, характера контроля, уровня цифровизации процессов. Это требует развития гибкой системы классификации трудовых функций, а не только рабочих мест.

2. От компенсации вредных условий к их минимизации. Дифференциация в охране труда, выраженная в досрочных пенсиях и дополнительных отпусках, должна постепенно уступать место дифференциации в размерах страховых взносов на обязательное социальное страхование, где повышенный тариф становится экономическим стимулом для работодателя к реальному улучшению условий труда, а не к постоянной выплате компенсаций [12].

3. Защита наиболее уязвимых. Традиционная защита женщин, несовершеннолетних, инвалидов должна быть дополнена выработкой критериев для защиты работников в новых формах занятости, чья уязвимость обусловлена не физиологическими или возрастными факторами, а экономической зависимостью (например, работники цифровых платформ, заемные работники).

Такой подход позволит сохранить социальную справедливость, придав гибкость и экономическую целесообразность инструментам дифференциации.

Одной из наиболее консервативных и вместе с тем проблемных сфер остается охрана труда. Как справедливо указывается в аналитических материалах, отечественная система

¹ См.: [2; 8]; Сафонов А. Модернизация трудовых отношений-2020 // Известия. 2012. 4 мая. URL: <https://iz.ru/news/524431> (дата обращения: 01.02.2026).

унаследовала компенсационную парадигму советского времени: признается неизбежность вредного воздействия, а государство административными методами и системой компенсаций (доплаты, сокращенный день, досрочная пенсия) пытается нивелировать последствия. Эта модель сегодня демонстрирует свою системную неэффективность. Экономические потери от производственного травматизма и профзаболеваний колоссальны [7]. Согласно официальным оценкам, совокупные экономические потери, связанные с условиями труда, могут достигать 4,3 % ВВП, включая потери от недопроизводства, расходы на лечение, страховые выплаты и финансирование досрочных пенсий¹. Фактически эта система создает порочный круг: предприятия, не модернизирующие производственную среду, перекладывают издержки на государство (Пенсионный фонд) и общество в целом, получая скрытую дотацию.

Выход видится в кардинальном переходе от компенсации к управлению профессиональными рисками. Это предполагает:

- развитие независимого и объективного мониторинга условий труда, основанного не на формальной аттестации, а на постоянной оценке реальных факторов производственной среды.

- внедрение экономического механизма, при котором размер страховых взносов на страхование от несчастных случаев и профзаболеваний напрямую и гибко зависит от результатов специальной оценки условий труда и истории страховых случаев. Это создаст прямую финансовую заинтересованность работодателя в инвестициях в безопасность.

- поэтапный пересмотр системы досрочных пенсий, переводя ее из разряда безусловной льготы по списку профессий в инструмент защиты тех, кто реально подвергся утрате здоровья, при одновременном стимулировании работодателей к ликвидации опасных рабочих мест.

Такая трансформация соответствует не только логике рыночной экономики («загрязнитель платит»), но и традиционной для российской ментальности ценности бережного отношения к жизни и здоровью человека как к высшему благу. Это народосбережение в действии, переведенное на язык современных экономико-правовых механизмов.

В условиях нарастающей индивидуализации трудовых отношений и фрагментации коллективов особую актуальность приобретает укрепление институтов, способных консолидировать общество и выражать коллективные интересы. Социальное партнерство, закрепленное в ТК РФ, является не просто техническим механизмом ведения переговоров, а выражением глубоко укорененной в российской традиции ценности соборности, общинности и коллективной ответственности за общее дело и рассматривается в отечественной правовой доктрине как один из основных принципов трудового права [13]. В противовес западным моделям, где конфликт интересов работодателя и наемного работника часто рассматривается как перманентный и неустранимый, отечественная правовая модель изначально ориентирована на поиск социального компромисса. Эта идея социальной солидарности должна стать лейтмотивом модернизации трудового права. Она проявляется в следующем:

1. В приоритете коллективно-договорного регулирования над индивидуальным там, где это возможно.

2. В усилении роли и расширении форм участия представительных органов работников не только в установлении условий труда, но и в управлении организацией, особенно в вопросах внедрения новых технологий, влияющих на занятость.

3. В развитии механизмов, поощряющих работодателей, которые не только соблюдают законы, но и реализуют социальные программы, поддерживают семьи работников, создают инклюзивную среду.

Государство в этой модели выступает не только арбитром и контролером, но и гарантом и катализатором социального диалога, создающим правовые и экономические условия

¹ Сайт «Охрана труда в России». Режим доступа: <http://ohranatruda.ru/news/898/146600/9> (дата обращения 01.02.2026).

для его ведения. Укрепление подлинного, а не формального социального партнерства на всех уровнях – от предприятия до отрасли и страны в целом – является ключом к устойчивому развитию, снижая потенциал социальных конфликтов и создавая атмосферу взаимного доверия.

Проведенное исследование, основанное на комплексном анализе нормативных источников, правоприменительной практики и научной доктрины с применением исторического, сравнительно-правового и формально-юридического методов, позволило получить ряд конкретных результатов, интегрированная интерпретация которых формирует целостную картину современных вызовов и определяет контуры сбалансированного пути развития трудового права России.

Первый ключевой результат заключается в установлении декларативно-рамочного характера правового режима дистанционной работы (глава 49.1 ТК РФ), который, несмотря на формальное закрепление, порождает глубинные системные противоречия. Проведенный догматический анализ норм выявил, что ключевые проблемы сфокусированы вокруг отсутствия действенных процессуальных механизмов контроля за режимом труда, что закономерно ведет к рискам скрытой сверхурочной работы и профессионального выгорания, а также вокруг принципиальной размытости распределения ответственности за обеспечение безопасных условий труда на территории, неподконтрольной работодателю. Этот вывод, полученный методом формально-юридического анализа, закономерно требует более глубокого осмысления в историческом контексте. Историческая эволюция привела к современной модели «договорного подчинения в императивных рамках», но цифровизация, порождая дистанционные и платформенные формы занятости, деконструирует классические признаки трудового отношения и ставит под вопрос саму применимость этих универсальных императивных рамок [14]. Таким образом, вызов заключается не только в адаптации институтов, но и в предотвращении формирования устойчивых новых форм уязвимости работника, остающихся вне традиционных защитных механизмов.

Второй существенный результат, полученный на основе анализа статистических данных Роструда и Фонда социального страхования, а также экономических расчетов, заключается в доказанной системной неэффективности унаследованной компенсационной модели охраны труда [7; 12].

Исследование подтверждает, что система, основанная на предоставлении льгот и компенсаций, не создает для работодателя прямых экономических стимулов к реальному и постоянному снижению профессиональных рисков на производстве. Фактически она формирует порочный круг, при котором долгосрочные издержки, связанные с последствиями производственного травматизма и профессиональных заболеваний, перекладываются на государственный бюджет через систему досрочных пенсий, а предприятия, не модернизирующие условия труда, получают скрытую дотацию. Данный результат, выявленный с помощью сравнительно-правового метода, требует кардинального пересмотра парадигмы. Выход видится в поэтапном переходе от логики компенсации к превентивной системе управления профессиональными рисками. Метод правового моделирования позволяет предложить в качестве ключевого механизма такую трансформацию – дифференциацию страховых тарифов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев в прямой зависимости от результатов специальной оценки условий труда и истории страховых случаев конкретного работодателя. Такая трансформация не только соответствует принципу экономической ответственности, но и воплощает в современных правовых формах традиционную для российской ментальности ценность бережного отношения к жизни и здоровью человека как к высшему благу, реализуя стратегическую задачу народосбережения.

Третий значимый результат исследования заключается в теоретическом обосновании необходимости кардинальной смены системообразующих критериев дифференциации правового регулирования. Сравнительно-правовой анализ эволюции данного института показал, что классическая отраслевая дифференциация, унаследованная от советского периода

и зачастую привязанная к формальным спискам профессий, устарела и не отвечает реалиям гибкого, цифрового рынка труда, где вид деятельности и характер работы стремительно меняются. В качестве научно обоснованной альтернативы предлагается новый базовый критерий – фактическая экономическая и правовая уязвимость работника. Именно этот критерий, а не формальная отраслевая принадлежность, должен, по результатам исследования, лечь в основу разработки специальных защитных механизмов. Такой подход предполагает движение от дифференциации как инструмента компенсации вредных физических условий к дифференциации как инструменту управления социальными и экономическими рисками, а также создания целевых гарантий для наиболее уязвимых категорий в новых формах занятости (работники платформ, заемные работники). Это, в свою очередь, требует развития гибкой системы классификации, ориентированной не на статичные характеристики рабочего места, а на динамичные параметры трудовой функции и характера правовой связи.

Четвертый выявленный результат констатирует объективный кризис традиционных, локализованных в рамках организации форм института социального партнерства в условиях дистанционной и атомизированной занятости. Ослабление коллективных связей и усложнение процедур взаимодействия подрывают формальную основу для переговоров. Данный результат актуализирует фундаментальный вопрос о поиске новых основ для баланса интересов. Ответ, предложенный в исследовании, видится не в отказе от данного института, а в его сознательном укреплении и качественной модернизации как выражения глубоко укорененной в российской традиции ценности соборности и коллективной ответственности. В противовес конфликтным западным моделям, отечественная правовая система исторически ориентирована на поиск социального компромисса. Поэтому модернизация должна идти по пути, с одной стороны, развития новых цифровых форматов коллективного взаимодействия и вовлечения представителей работников в решения по цифровой трансформации, а с другой – усиления роли государства как гаранта и катализатора этого диалога, создающего правовые и экономические условия для его результативности.

Таким образом, синтез полученных результатов позволяет сформулировать интегральный вывод: устойчивое развитие трудовых отношений в России возможно на пути последовательного синтеза. Этот синтез включает необходимую рыночную гибкость, обеспечиваемую адекватным регулированием дистанционного труда; экономически обоснованные превентивные механизмы, трансформирующие охрану труда в инструмент управления рисками; целевую дифференцированную защиту, основанную на критерии фактической уязвимости работника; и, наконец, обновленное социальное партнерство, черпающее силу в традиционных ценностях солидарности и коллективизма. Именно такой многоуровневый и сбалансированный подход, отстаиваемый в исследовании, способен обеспечить не только защиту прав работника и эффективность экономики, но и социальную стабильность как основу суверенного развития сильного государства.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, определяющих стратегический вектор развития трудового законодательства РФ.

Во-первых, подтвержден тезис о том, что трансформация трудовых отношений под влиянием цифровизации носит объективный характер, однако ее правовое сопровождение не должно приводить к эрозии защитной функции трудового права. Установленная декларативность и процедурная несостоятельность правового режима дистанционной работы (глава 49.1 ТК РФ) требует не косметических изменений, а глубинной адаптации классических институтов. Ключевыми направлениями должны стать: законодательное закрепление гарантий «правовой цифровой гигиены», включая «право на отключение» и четкие механизмы учета рабочего времени; разработка детальных процедур распределения ответственности за охрану труда вне территории работодателя с компенсацией соответствующих

расходов работнику. Это позволит предотвратить формирование правового вакуума вокруг «цифрового» работника. Для устранения правовой неопределённости представляется целесообразным дополнить статью 312.4 ТК РФ, закрепляющей обязанность работодателя устанавливать в правилах внутреннего трудового распорядка или в трудовом договоре временной интервал, в течение которого допускаются электронные коммуникации с работником, а также право работника не реагировать на сообщения работодателя за пределами этого интервала, за исключением случаев, предусмотренных федеральным законом (например, для предотвращения катастроф). Аналогичные нормы уже действуют в ряде стран ЕС и могут быть адаптированы к российской правовой системе без изменения её основ.

Что касается охраны труда дистанционных работников, необходимо законодательно уточнить распределение расходов: в ст. 312.6 ТК РФ следует закрепить, что работодатель обязан компенсировать работнику документально подтверждённые затраты на приобретение оборудования, а также на профилактические медицинские осмотры, если использование компьютера превышает 50% рабочего времени. Это снизит риск профессиональных заболеваний и повысит защищённость работника.

Во-вторых, обоснована необходимость концептуальной перезагрузки дифференциации правового регулирования. Исследование показало несостоятельность устаревших формально-отраслевых критериев в условиях гибкого рынка труда. В качестве нового системообразующего принципа предложен критерий фактической экономической и правовой уязвимости работника. Это предполагает смещение акцента с унифицированной защиты профессий на адресную защиту статуса, что особенно важно для работников цифровых платформ, заемных и иных категорий в сфере нетипичной занятости. Дифференциация должна эволюционировать из инструмента компенсации в инструмент управления социальными рисками.

Практическая реализация критерия уязвимости может быть осуществлена путём внесения изменений в статью 2 ТК РФ (Основные принципы правового регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений), дополнив её принципом обеспечения особой защиты работников, находящихся в экономически зависимом положении. На уровне подзаконного акта (например, постановления Правительства РФ) предлагается утвердить методику отнесения работников к категории уязвимых, основанную на объективных показателях: занятость на условиях внештатной работы более 80 % рабочего времени, отсутствие коллективного договора, применение алгоритмического управления, размер оплаты труда ниже среднего по отрасли. Это позволит работодателям и профсоюзам идентифицировать группы, нуждающиеся в дополнительных гарантиях (например, в праве на перевод на постоянную занятость или на дополнительное обучение).

В-третьих, доказана системная неэффективность унаследованной компенсационной модели охраны труда и предложена конкретная модель ее реформирования. Выход видится в переходе к превентивной парадигме управления профессиональными рисками. Ядром этой трансформации должно стать внедрение экономического механизма гибкой дифференциации страховых тарифов на обязательное социальное страхование от несчастных случаев, напрямую зависящей от реального состояния условий труда и истории страхования на конкретном предприятии. Такой подход создаст прямую финансовую заинтересованность работодателя в инвестициях в безопасность, воплощая на практике принцип ответственности и ценность народосбережения.

В-четвертых, исследование констатировало кризис традиционных форм социального партнерства в условиях атомизации труда и подтвердило его непреходящую значимость как основы социального мира. Укрепление этого института требует не административного давления, а его качественной модернизации. Это предполагает развитие цифровых форматов коллективного взаимодействия, расширение предмета переговоров на вопросы технологических изменений, а также активную роль государства как гаранта равных условий

для диалога. Социальное партнерство, основанное на ценностях солидарности и коллективной ответственности, выступает главным антикризисным механизмом и стабилизатором.

Таким образом, синтез полученных выводов позволяет утверждать, что путь к созданию сильного, конкурентоспособного и справедливого рынка труда в России лежит через сбалансированную модернизацию правового регулирования. Эта модернизация должна отвергать крайности как архаичного гиперрегулирования, так и безоглядной либерализации. Ее формула заключается в органичном соединении технологической и экономической целесообразности с безусловным приоритетом достоинства и защищенности человека труда. Прочное трудовое право, обновленное на основе традиционных ценностей социальной справедливости и коллективизма, выступает не только гарантией прав отдельного работника, но и фундаментальным условием социальной стабильности, демографического благополучия и суверенного развития Российской Федерации как сильного, ориентированного на будущее государства. Перспективой дальнейших научных изысканий, вытекающей из данной работы, видится детальная экономико-правовая проработка и моделирование последствий внедрения предложенных механизмов (гибкой шкалы страховых тарифов, критериев уязвимости), а также разработка конкретных законопроектных инициатив, формализующих новые процедуры «цифровой» охраны труда и коллективного взаимодействия.

Список источников

1. Бережнов А. А. Трудовые отношения в режиме повышенной готовности // Трудовое право в России и за рубежом. 2020. № 4. С. 15–18. EDN: PPLDMO.
2. Куренной А. М. Необходимость срочного создания нового Трудового кодекса: идея фикс? // Ежегодник трудового права. 2020. С. 40–52. EDN: XDIVNN.
3. Бережнов А. А. Дифференциация трудового законодательства и баланс интересов сторон трудовых отношений, государства // Трудовое право в России и за рубежом. 2025. № 2. С. 6–8. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2025-2-6-8>. EDN: XGTLMW.
4. Лушников А. М., Лушникова М. В. Трудовое право и цифровая экономика: российский опыт в контексте мировых тенденций // Ежегодник трудового права. 2020. С. 19–29. EDN: XQVSCO.
5. Скачкова Г. С. Дифференциация в трудовом праве и Трудовой кодекс РФ // Цивилист. 2012. № 2. С. 86–94. EDN: PAIZFV.
6. Головина С. Ю. Влияние либерализации трудового законодательства на качество трудовой жизни (на примере России и Казахстана) // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 12–15. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2021-4-12-15>. EDN: HVPZSW.
7. Линец А. А. Роль трудового права в экономической системе общества на современном этапе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2021. 509 с.
8. Серова А. В. В поисках концепции правового регулирования платформенной занятости // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 477. С. 260–268. <https://doi.org/10.17223/15617793/477/30>. EDN: FPEHUG.
9. Лютов Н. Л. Законодательные инициативы, связанные с дистанционным трудом: временный ажиотаж на фоне пандемии или устойчивая тенденция? // Журнал российского права. 2020. № 12. С. 78–88. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.149>. EDN: GQMNJM.
10. Закалюжная Н. В., Кудряшова С. Н., Бабкина И. Н. Эволюция понятия дистанционной работы // Трудовое право в России и за рубежом. 2022. № 2. С. 50–52. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2022-2-50-52>. EDN: TYMUND.
11. Толкунова В. Н., Гусов К. Н. Трудовое право России: учебник. М.: Проспект, 2004. 496 с. ISBN 5-98032-136-5.
12. Миронов В. И. Трудовое право: учебник. СПб. [и др.]: Питер, 2009. 864 с. ISBN 978-5-388-00219-8.
13. Роик В. Д. Социальное страхование: учебник и практикум для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2026. 418 с. ISBN 978-5-534-08672-0.

14. Волков Д. В., Мясников В. В. Правовое регулирование трудовых отношений в начальный период Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.): историко-правовой аспект // *Baikal Research Journal*. 2025. Т. 16. № 1. С. 91–101. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2025.16\(1\).91-101](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2025.16(1).91-101) EDN: BXLXKJ.

References

1. Berezhnov A.A. Labor Relations in a State of High Alert. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2020;(4):15–18. EDN: PPLDMO. (In Russ.).
2. Kurennoi A.M. The Need for Urgent Creation of a New Labor Code: An Idée Fixe? *Labor Law Yearbook*. 2020:40-52. EDN: XDIVNN. (In Russ.).
3. Berezhnov A.A. Differentiation of Labor Legislation and the Balance of Interests of the Parties to Labor Relations, the State. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2025;(2):6-8. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2025-2-6-8>. EDN: XGTLMW. (In Russ.).
4. Lushnikov A.M., Lushnikova M.V. Labor Law and the Digital Economy: Russian Experience in the Context of Global Trends. *Labor Law Yearbook*. 2020:19-29. EDN: XQVSCO. (In Russ.).
5. Skachkova G.S. Differentiation in Labor Law and the Labor Code of the Russian Federation. *Civilist*. 2012;(2):86-94. EDN: PAIZFV. (In Russ.).
6. Golovina S.Yu. The Impact of the Liberalization of Labor Legislation on the Quality of Working Life (on the Example of Russia and Kazakhstan). *Labor Law in Russia and Abroad*. 2021;(4):12-15. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2021-4-12-15>. EDN: HVPZSW. (In Russ.).
7. Linets A.A. *The Role of Labor Law in the Economic System of Society at the Present Stage*. Dr. Sci. (Law) diss. Moscow, 2021. 509 p. (In Russ.).
8. Serova A.V. In Search of a Concept for the Legal Regulation of Platform Employment. *Tomsk State University Journal*. 2022;(477):260-268. <https://doi.org/10.17223/15617793/477/30>. EDN: FPEHUG. (In Russ.).
9. Lyutov N.L. Legislative Initiatives Related to Remote Work: Temporary Hype Amid the Pandemic or a Sustainable Trend? *Journal of Russian Law*. 2020;(12):78-88. <https://doi.org/10.12737/jrl.2020.149>. EDN: GQMNJM. (In Russ.).
10. Zakalyuzhnaya N.V., Kudryashova S.N., Babkina I.N. The Evolution of the Concept of Remote Work. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2022;(2):50-52. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2022-2-50-52>. EDN: TYMUHD. (In Russ.).
11. Tolkunova V.N., Gusov K.N. *Labor Law of Russia: textbook*. Moscow: Prospekt, 2004. 496 p. ISBN 5-98032-136-5. (In Russ.).
12. Mironov V.I. *Labor law: textbook*. SPb. [and others]: St. Petersburg; 2009. 864 p. ISBN 978-5-388-00219-8. (In Russ.).
13. Roik V.D. *Social insurance: textbook and practical course for universities*. 2nd ed., revised. Moscow: Yurait Publishing House; 2026. 418 p. ISBN 978-5-534-08672-0. (In Russ.).
14. Volkov D.V., Myasnikov V.V. Legal Regulation of Labor Relations in the Initial Period of the Great Patriotic War (1941–1942): Historical and Legal Aspect. *Baikal Research Journal*. 2025;16(1):91-101. [https://doi.org/10.17150/2411-6262.2025.16\(1\).91-101](https://doi.org/10.17150/2411-6262.2025.16(1).91-101) EDN: BXLXKJ. (In Russ.).

Информация об авторах

М. Р. Богатырева – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Гражданское право и процесс» Юридического института, Северо-Кавказская государственная академия.

М. К. Боташева – старший преподаватель кафедры «Гражданское право и процесс» Юридического института, Северо-Кавказская государственная академия.

Information about the authors

M. R. Bogatyreva – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute, North Caucasus State Academy.

M. K. Botasheva – Senior Lecturer at the Department of Civil Law and Procedure, Law Institute, North Caucasus State Academy.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 02.02.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.03.2026.

The article was submitted 02.02.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.03.2026.

Научная статья
УДК 349.2
EDN LACYQZ

Профсоюзы, организации профсоюзов и профсоюзные организации: специфика и проблемы правового статуса

Мария Александровна Драчук

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Россия,
maria.omsu@mail.ru, SPIN-код: 8042-8310, <https://orcid.org/0000-0003-3137-565X>

Аннотация

Введение. Профсоюзное право имеет сложную межотраслевую природу и должно развиваться одновременно с совершенствованием частноправовой конструкции юридического лица, изменениями статуса общественных объединений, а также объема и содержания прав работников. Системе социального партнерства в сфере труда в Российской Федерации регулирование видов и признаков профсоюзных организаций сейчас соответствует не в полной мере. Имеются весомые аргументы в пользу необходимого совершенствования структуры профсоюзных организаций и вытекающих из нее правовых конструкций.

Цель. Анализ существующей системы профсоюзных организаций, выявление проблем правового регулирования в ее построении.

Теоретические основы. Методологическую основу исследования составили сравнительно-правовой и историко-правовой методы познания, формально-юридический и метод системного анализа. Теоретические основы настоящей работы заключаются в том, что на основе регуляторного опыта других государств и анализе частноправовой основы юридического статуса любой профсоюзной организации есть основания говорить о возможном и необходимом совершенствовании организационно-правовых форм российских профсоюзных организаций, их прав и гарантий.

Результаты. Представлена позиция автора по поводу изменения некоторых видов профсоюзных организаций, обоснована возможность их создания при отсутствии некоторых закрепленных в законодательстве о профсоюзах признаков с соблюдением общих требований к общественным организациям и конструкции юридического лица. Показано авторское видение проблем включения вновь созданной профсоюзной организации в структуру, конструкции выборного и вышестоящего органов, места этих норм в системе права.

Выводы. Доказывается, что подход к корпоративной природе, видам и статусу различных профсоюзных организаций требует качественной законодательной новации. Представляется оптимальным тот, когда частноправовая и трудовая составляющие правового статуса профсоюзных организаций четко разделены, определены особенности каждого их вида, исключена необоснованная зависимость одних от других, специфика гарантий профсоюзных представителей содержится в трудовом законодательстве как вид дифференциации труда, он обоснован современными потребностями отношений в сфере социального партнерства и не влечет за собой злоупотреблений. К сфере действия гражданского (а при отсутствии регистрации профсоюзной организации как юридического лица – также административного) права должно относиться учреждение такой организации, ее наименование, форма (признаки), структура, реорганизация, ликвидация, компетенция органов ее управления и основы ее имущественной самостоятельности.

Ключевые слова: профессиональные союзы, организации профсоюзов, профсоюзные организации, правовой статус, органы профсоюзных организаций, структура профсоюза, права работников, социальное партнерство, корпоративное право, трудовое право

Для цитирования: Драчук М. А. Профсоюзы, организации профсоюзов и профсоюзные организации: специфика и проблемы правового статуса // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 136–148. EDN LACYQZ

Original article

Trade unions, organizations of trade unions and trade union organizations: specifics and problems of legal status

Maria A. Drachuk

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia,
maria.omsu@mail.ru, SPIN-code: 8042-8310, <https://orcid.org/0000-0003-3137-565X>

Abstract

Introduction. Trade union law has a complex intersectoral nature and should develop simultaneously with the improvement of the private legal structure of a legal entity, changes in the status of public associations, and the scope and content of workers' rights. The current regulation of the types and characteristics of trade union organizations does not fully correspond to the system of social partnership in the field of labor in the Russian Federation. There are significant arguments in favor of the necessary improvement of the structure of trade union organizations and the legal structures that follow from it.

Purpose. In this regard, the author's research aims to analyze the existing system of trade union organizations and identify legal issues in its construction.

Theoretical Basis. The methodological basis of the study is based on comparative legal and historical legal methods of cognition, formal legal methods, and the method of system analysis. The theoretical basis of this work is that, based on the regulatory experience of other countries and the analysis of the private legal basis of the legal status of any trade union organization, there is a basis for discussing the possible and necessary improvement of the organizational and legal forms of Russian trade union organizations, their rights, and guarantees.

Results. The paper presents the author's position on the changes to certain types of trade union organizations, justifying the possibility of their creation in the absence of certain features specified in the legislation on trade unions, while complying with the general requirements for public organizations and the legal entity structure. The author's vision of the challenges associated with incorporating a newly established trade union organization into the structure, design of the elected and higher authorities, and the place of these norms within the legal system is presented.

Conclusions. The article proves that the approach to the corporate nature, types, and status of various trade union organizations requires a high-quality legislative innovation. It seems optimal to have a clear separation between the private law and labor law components of the legal status of trade union organizations, defining the specific features of each type, eliminating unjustified dependence of one type on another, and ensuring that the specific guarantees for trade union representatives are included in the labor legislation as a form of labor differentiation that is justified by the current needs of social partnership relations and does not lead to abuse. The scope of civil (and, in the absence of registration of a trade union organization as a legal entity, also administrative) law should include the establishment of such an organization, its name, form (attributes), structure, reorganization, liquidation, the competence of its governing bodies, and the basis of its property independence.

Keywords: trade unions, organizations of trade unions, trade union organizations, legal status, trade union bodies, trade union structure, workers' rights, social partnership, corporate law, labor law

For citation: Drachuk M.A. Trade unions, organizations of trade unions and trade union organizations: specifics and problems of legal status. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):136–148. (In Russ.). EDN LACYQZ

Введение

Правовое положение профессиональных союзов (профсоюзов) и их организаций в доктрине отечественного права традиционно связывается со сферой действия трудового законодательства. Трудовой кодекс Российской Федерации (далее также ТК РФ)¹ содержит значительное число норм о защите трудовых прав посредством различных способов участия профсоюзных организаций в установлении и изменении условий труда, рассмотрении и разрешении трудовых споров. При этом на разных уровнях социального партнерства специфика целей и задач профсоюзов может проявляться в большей или меньшей степени и она очевидно дифференцирована в сравнении локального (корпоративного) и федерального (национального, общероссийского) уровней.

Но насколько даже эта специфика дает нам основание полагать регулирование внутри-профсоюзных отношений, а также их создание и функционирование территорией трудового права? Из содержания ст. 1 Федерального закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (далее – Закон о профсоюзах)² следует, что этот документ регулирует в большей мере вопросы сферы действия административного и гражданского законодательства, где к первому относится правовой статус профсоюзов как общественных объединений, а ко второму – условия для их вступления в имущественные отношения, например, по установлению и взиманию членских взносов, формированию и расходованию фонда оплаты труда. Трудовое же право имеет отношение к гарантиям профсоюзной деятельности, которые предопределены целями профсоюзного движения и обеспечивают защиту прав работников, в том числе членов руководящих органов профсоюзных организаций, не принятых на работу собственно в профсоюз, то есть не освобожденных от непосредственного взаимодействия с конкретным работодателем в рамках заключенного трудового договора.

Системное толкование норм о статусе некоммерческих организаций, общественных объединений и так называемого профсоюзного права [1; 2] позволяет констатировать высокую степень сходства в построении соответствующих законов³, а также их взаимосвязь с общими положениями о юридических лицах в гражданском законодательстве. Общественные объединения в теории частного права отдельными исследователями справедливо рассматриваются в качестве «предварительного юридического лица [3, с. 213–214]», которое может трансформироваться в общую конструкцию при необходимости вступить в имущественный оборот.

Таким образом, профсоюзное право имеет сложную межотраслевую природу и должно развиваться и одновременно с совершенствованием частноправовой конструкции юридического лица, изменениями статуса общественных объединений, а также в целях улучшения обеспечения определенного ст. 1 ТК РФ баланса интересов работников, работодателей и государства. Юридические дефекты в той или иной части этого сложного правового статуса обуславливают общее снижение качества нормативного обеспечения права работников на объединение, могут порождать необоснованные ожидания, усиление конфликтности в трудовых отношениях, недоверие профсоюзам и их отдельным представителям, низкий уровень контролируемости организационных и финансовых процессов в профсоюзных корпорациях. Поскольку любая профсоюзная организация – это объединение работников, динамику элементов правового статуса вызывает к жизни и изменение подходов к объединению (организации), и изменение в регулировании прав работников.

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 06.02.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

² Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. от 21.12.2021) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 148.

³ Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об общественных объединениях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 21. Ст. 1930; Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 14.12.2025) «О некоммерческих организациях» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 3. Ст. 145; Закон о профсоюзах.

Теоретические основы

Важнейшая цель создания профсоюзных организаций и их объединение в систему связана с многочисленностью, чтобы исключить подавление интересов работников возможностью быстрого и высокоорганизованного сопротивления такому воздействию в различных формах – как правовому, так и неправовому. Это обстоятельство делает крупный профсоюз полноценным участником социального диалога в силу осознания его правовых и организационных возможностей.

Исследуя опыт регулирования прав профсоюзов за рубежом (сравнительно-правовой метод), можно заметить, что сложной структуры профсоюзных организаций, как правило, не наблюдается, и все они имеют объем прав и гарантий, как правило, идентичный правам объединений работодателей и соответствующий тому уровню социального партнерства, на котором происходит их взаимодействие. Такой подход основывается на ст. 2 Конвенции МОТ № 87 «О свободе объединения и защите права на организацию» (ратифицированной Указом Президиума Верховного Совета СССР 06.07.1956), где сказано, что трудящиеся и предприниматели, без какого бы то ни было различия, имеют право создавать по своему выбору организации без предварительного на то разрешения, а также право вступать в такие организации на единственном условии подчинения уставам этих последних [4, с. 278-284].

Особое положение могут занимать так называемые представительные (репрезентативные) профсоюзные организации, привилегии которых формируются и закрепляются в силу ряда объективных причин, например, значительной численности, территориального охвата либо длительности своей безупречной уставной деятельности [5]. Именно авторитетность, привлекательная для приобретения членства в такой организации, первоначально становится условием массовости, а далее вызывает к жизни публичное признание такой организации как желательного участника социального диалога, что, в свою очередь, продолжает работать на дальнейшее увеличение членства и таким образом соответствует целям и задачам социального партнерства в сфере труда.

Подобная дифференциация профсоюзных организаций – в зависимости от их численности – нашла свое отражение в российском законодательстве, хотя критерии представительности четко проявляются только на локальном уровне социального партнерства. Однако применяя к исследованию проблематики профсоюзных объединений зарубежный регуляторный опыт, возможно усложнение подхода к конструированию понятия представительности профсоюзов и для остальных уровней взаимодействия с объединениями работодателей и государством, а также изменение требований к членству и принятию решений в объединениях работодателей для дифференциации регулирования отношений в государственном и негосударственном секторах экономики.

Также для анализа норм о правовом статусе современных профсоюзов необходимо применение историко-правового метода познания, поскольку профсоюзному движению в России уже больше ста лет, и именно его итоги, ошибки и достижения определяют современное состояние профсоюзного права, а также позволяют четче уяснить содержание его норм, дефиниций, причин их появления и последующих изменений. Толкование отдельных положений Закона о профсоюзах, особенно в части, содержательно не совпадающей с нормами ТК РФ, требует анализа, основанного на нормативной системе прошедшего времени.

Результаты и обсуждение

Закон о профсоюзах предлагает разные организационно-правовые формы этих объединений: это собственно профсоюзы (общероссийский и межрегиональный), профсоюзные организации (территориальные, первичные и иные) и организации профсоюзов (общероссийское объединение (ассоциация) профсоюзов, а также территориальное и межрегиональное объединение (ассоциация) организаций профсоюзов).

Исходя из приведенного перечня, профессиональный союз – это довольно крупное, статусное общественное объединение, как уже было сказано выше, ориентированные

прежде всего на привлечение к нему внимания государства и объединений работодателей как к участнику социального диалога либо как к возможному организатору массовых акций протеста, крупных забастовок и т.п. Для занятия такой позиции, балансирующей между сферой социально-трудовых отношений, экономики и политики, профсоюзу нужна четкая внутриорганизационная структура и активность членов профсоюза, их вовлеченность в процесс защиты своих трудовых прав. Поэтому ниже такого уровня в социальном диалоге, как межрегиональный, профсоюзы, в отличие от профсоюзных организаций, не создаются.

В этой связи было бы вполне логичным формирование у профессионального союза собственного специфического правового статуса, уникальных прав, которые выделяли бы его из числа прочих профсоюзных ассоциаций, который можно вывести из целей и задач тех уровней социально-партнерского взаимодействия, на которых они существуют. Например, к числу таких особых прав очевидно должны быть отнесены право выступать с предложениями о принятии органами государственной власти нормативных правовых актов, касающихся социально-трудовой сферы (ст. 11 Закона о профсоюзах), профсоюзный контроль за занятостью и соблюдением законодательства в области занятости (ст. 12), заключение соглашений от имени работников на федеральном, в том числе отраслевом и межотраслевом уровнях (ст. 45 ТК РФ), право на участие в управлении государственными фондами, формируемыми за счет страховых взносов, а также на профсоюзный контроль за использованием средств этих фондов (ст. 15 Закона о профсоюзах) и т.д.

Напротив, права и гарантии, связанные с локальным (корпоративным) и структурно-функциональным (ниже указанного) уровнями социального партнерства логичнее связывать с правами первичной профсоюзной организации (ППО): заключение коллективного договора, учет мнения (согласование) при принятии локальных нормативных актов конкретного работодателя, участие в создании комиссии по трудовым спорам, по охране труда, получение от работодателя информации в рамках участия работников в управлении организацией и т.д. – в пределах одного работодателя или созданных им обособленных структурных подразделений.

Возникает интересный вопрос – возможно ли участие в делах конкретного работодателя не ППО, а непосредственно профсоюза, членство в котором для работника возможно по его уставу без вхождения в ППО (например, через территориальную организацию профсоюза либо специально уполномоченного профсоюзного представителя). Из приведенных выше положений о юридическом равенстве всех профсоюзных форм, а также следуя за идентичностью их уставных целей и задач, следует такую возможность признать. Однако технически управление делами профсоюза и защита прав работников потребует в такой ситуации нетипичной для практики трудовых отношений передачи полномочий профсоюза кому-то из членов этого профсоюза, видимо, путем оформления доверенности, и при этом профсоюзные представители, если ими станут работники конкретного работодателя, не будут иметь гарантий, предусмотренных, например, ст. 374 ТК РФ. Поэтому такая конструкция на практике не используется, что не вполне соответствует частноправовым элементам конструкции (статуса) профсоюзной организации и не придает ей необходимой динамики.

Сейчас в итоге для реализации публичных задач социального партнерства на соответствующих уровнях социального партнерства должны присутствовать профсоюзы, а в корпоративных отношениях представительства интересов работников у конкретного работодателя должна создаваться ППО либо же работники сформируют иной представительный орган с аналогичными функциями, но меньшим объемом защиты лиц, в него включющихся и рискующих ухудшением отношений с руководством.

Из-за явной доминанты государственного и локального уровней в социальном партнерстве довольно сложным для уяснения является особый статус территориальных организаций профсоюзов, особенного объема их прав, а также статуса общероссийского

объединения (ассоциации) профсоюзов, территориального и межрегионального объединения (ассоциации) организаций профсоюзов. Исходя из логики существования социального партнерства на каждом из указанных в ст. 26 ТК РФ уровней взаимодействия должен быть уполномоченный орган власти, возможно, также орган местного самоуправления, объединение работодателей либо его региональная (территориальная) организация и такое же объединение работников. Но поскольку ст. 26 ТК РФ предлагает вести социальный диалог также по отраслевому принципу, то форма профсоюза скорее подошла бы для представительства интересов работников отрасли (или тесно связанной общими интересами группы отраслей), а для объединения (ассоциации) профсоюзов – роль объединения усилий в защите прав работников общего характера, без учета специфики (дифференциации) правового регулирования труда.

На региональном (уровня субъекта Федерации) и территориальном (в муниципальном образовании) уровнях соцпартнерства отраслевое начало реализуют территориальные (и здесь нужно добавить в Закона о профсоюзах также термин «региональные») организации профсоюзов, а защита общих трудовых прав – это сфере ведения территориального (и регионального, которого нет в законе) объединения (ассоциации) организаций профсоюзов. Для межрегионального объединения (ассоциации) организаций профсоюзов, видимо, предполагается задача объединения в своем составе всех тех профорганизаций, которые точно создались, но ни в одну ассоциацию на своей территории войти не смогли, например, в субъектах Федерации с низкой профсоюзной активностью. Однако из Закона о профсоюзах всё это четко не вытекает.

Более того, работник, входя в ППО, далее территориальную и федеральную профсоюзные организации, об этом может даже не знать. Членские взносы при такой сложной структуре могут «раздваиваться» и «задваиваться», уходя и к ППО, и в профсоюз, и в объединение профсоюзов. Но некий «профсоюзный сервис», или «профсоюзное обслуживание»¹, понятное работнику, предоставляет ему только та структура, которая соответствует его осознанному выбору. В целом понимая, что все профсоюзы «за него», работник подчас не различает нюансов условий его профсоюзного членства, и, к примеру, финансирование за счет его взносов фонда оплаты труда работников отраслевых и межотраслевых профсоюзов, общероссийских профсоюзных ассоциаций происходит чаще всего вне рамок уяснения этих вопросов ординарными членами ППО. Утверждение в структуре смет ППО отчислений в вышестоящие профсоюзные органы единым тарифом не дает человеку четкого понимания целевого характера дальнейшего использования его средств, а вкупе с чаще всего встречающейся ставкой профсоюзного взноса в виде процента от заработной платы еще и сама ставка членского взноса может быть вариативной и только лишь условно связанной в конечном счете с бюджетом конкретной ППО.

Соответственно, работник не осведомлен никак о том, труд скольких именно профсоюзных сотрудников и каких именно уровней профсоюзных организаций он финансирует, и вопрос количества и целесообразности трудоустройства в профсоюзные организации лиц, освобожденных от иной работы, а также ставки их заработной платы и функциональные обязанности рядовому члену профсоюза неизвестны.

Необходимо также затронуть вопрос о возможности создания профсоюзной организации, не входящей в состав никакого из действующих профсоюзов и не подпадающей под признаки организационно-правовых форм, указанных в ст. 3 Закона о профсоюзах.

¹ Второй термин часто используется судами, см., например: Определение Верховного Суда РФ от 17.10.2012 № 46-АПГ12-11, Определение Верховного Суда РФ от 18.06.2009 № 46-В09-9, Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 15.02.2021 № 88-1461/2021 по делу № 2-461/2020, Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 27.06.2024 № 88-13930/2024 (УИД 24RS0056-01-2020-006458-16) // СПС «КонсультантПлюс». Видимо, он основан на тексте уставов конкретных профсоюзных организаций.

Так, в Определении Верховного Суда Российской Федерации от 30.11.1999 № 56-Г99-21 отмечено, что понятие «первичная профсоюзная организация» во всех без исключения случаях наличие вышестоящего профсоюза не предполагает¹, поскольку может быть создана гражданами для защиты их прав и реализации их целей как любая иная общественная организация, то есть безусловно. Кроме того, по ст. 10 Закона о профсоюзах регистрация любой профсоюзной формы происходит в уведомительном порядке, что также в какой-то мере сразу снимает остроту поставленного вопроса.

При этом одним из оснований отказа в регистрации любой профсоюзной организации на общих основаниях будет несоответствие законодательству ее устава², но возможно ли в описанной ситуации реально говорить о таком несоответствии – вопрос снова спорный.

В своем письме «Особенности создания и деятельности профсоюзов» от 10.06.2020 Минюст России отмечает, что при создании структурного подразделения профсоюза необходимо участие в этом с предоставлением соответствующих документов и собственно профсоюза, и его вновь образуемого отделения, но допускаются и прямые уведомительные действия о создании отделения «вышестоящим профсоюзом». Однако является ли отделением профсоюза объединение работников с собственным уставом и в дальнейшем со статусом юридического лица, не детализировано. Отмечается лишь, что в процессе создания профсоюзных организаций Минюст России и его территориальные органы не вправе контролировать деятельность профсоюзов, их объединений (ассоциаций), первичных профсоюзных организаций.³

В части тринадцатой ст. 374 ТК РФ имеется норма, определяющая порядок увольнения руководителей (их заместителей) выборных коллегиальных органов первичных профсоюзных организаций, выборных коллегиальных органов профсоюзных организаций структурных подразделений организаций (не ниже цеховых и приравненных к ним), не освобожденных от основной работы, в случае отсутствия у такой профсоюзной организации соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа. Следовательно, создание самостоятельной профсоюзной организации (пока неясно только, какой именно, но, возможно, что именно первичной, раз об этом говорит ТК РФ) вполне допустимо. Об этом, в частности, пишет А.М. Куренной [6, с. 50-51].

О необходимости создания профсоюзных объединений лиц в сфере нестандартных форм занятости справедливо говорит и С.Ю. Чуча, отмечая значимость не формы, а цели и защищаемых прав [7]. В рамках приведенных выше правовых позиций главное – это цель создания такой организации, форма которой исходя из статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее также ГК РФ)⁴ – это в любом случае общественная организация.

Постепенно реформируя под потребности постсоветской России уже не трудовое, а гражданское право, законодатель предпринял некий осторожный шаг в направлении усиления идентичности всех неправительственных (непубличных) объединений, где смысловая разница цели создания крайне редко подлежит учету при формировании собственно юридического статуса такого типа корпорации. Эта практика имеет место, например, в Новой Зеландии, где профсоюзов как особой формы нет [8, с. 14-15], но в науке отечественного трудового права такой подход является дискуссионным.

¹ <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=34147#Y4eYJBVycWWTLKRk>

² Приказ Минюста России от 26.09.2022 № 199 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении Административного регламента Министерства юстиции Российской Федерации по предоставлению государственной услуги по принятию решения о государственной регистрации некоммерческих организаций» (Зарегистрировано в Минюсте России 26.09.2022 № 70217) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 26.09.2022.

³ <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7732/>

⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

Целям социального партнерства, действительно, служат не специфика формы профсоюзной организации, не ее устав или состав ее членов, а, как уже было сказано, массовый характер такого рода объединения. Особенности профсоюзу в сравнении с иными общественными объединениями придают только лишь защищаемые ими права – права работников как разновидность прав социальных. Именно это влечет за собой формирование для отдельных правовых ситуаций специальных норм, например, об отсутствии обязательности регистрации профсоюза как юридического лица, о безвозмездном перечислении работодателем профсоюзных взносов из заработной платы работников, о возможности передать по коллективному договору обязанность оплачивать вознаграждение руководителю профсоюзной организации работодателю (ст. 377 ТК РФ) и т.д. Но специальные нормы из специальных целей – это не особенность профсоюза, такая же ситуация с религиозными, благотворительными, природоохранными организациями, политическими партиями, и этот перечень далеко не полон. Суть правовой формулы здесь в следующем: общий статус общественной организации + специальный закон или группа норм, формирующая институт права + нормы-изъятия либо нормы-гарантии, определяющие специфику регулирования отношений, связанных с участием общественной организации такого вида. Для профсоюзов основу их статуса создают Закон о профсоюзах, ТК РФ и отношения социального партнерства в сфере труда.

Хотя ТК РФ и Закон о профсоюзах в некоторых аспектах противоречат друг другу, исходя из прямого указания ст. 5 ТК РФ (части три-пять) у кодекса имеется закрепленный приоритет по всем вопросам сферы его действия. Аналогичным образом урегулировано и применение ГК РФ (п. 2 ст. 3), на который ориентирована гражданско-правовая часть статуса профсоюзной организации. Следовательно, Закон о профсоюзах следует применять в системе и только в той мере, в которой он, будучи фактически разделен на две основные части – частноправовую и трудовую, не противоречит ни ТК РФ, ни ГК РФ.

К сфере действия гражданского (а при отсутствии регистрации профсоюза как юридического лица – также административного) права относится учреждение такой организации, ее наименование, форма (признаки), структура, реорганизация, ликвидация, компетенция органов ее управления и основы ее имущественной самостоятельности. Трудовое право касаться этих вопросов и никакой дополнительной специфики профсоюзных организаций порождать не должно.

Статья 50 ГК РФ все созданные в качестве юридических лиц профессиональные союзы (профсоюзные организации) относит к общественным организациям, а объединения профессиональных союзов предлагает регистрировать в форме ассоциаций (союзов). Из абзаца первого п. 2 ст. 4 Закона о профсоюзах за этим логично следует, что права профсоюзов и гарантии их деятельности распространяются на все первичные профсоюзные организации, профсоюзы, их объединения (ассоциации), а также на образованные ими профсоюзные органы и на профсоюзных представителей в пределах их полномочий. По какой-то причине здесь не упоминаются территориальные и иные (кроме первичных) профорганизации, а также ошибочно поставлен знак равенства между правами организаций и их органов (представителей), однако считать, что это просто дефект нормы, отдельные положения Закона о профсоюзах иногда мешают.

Так, в соответствии со ст. 5 Закона о профсоюзах последние независимы, в том числе от других общественных объединений. Речь в этой статье идет именно о профсоюзах. В определении же первичной профсоюзной организации, или ППО (ст. 3 этого же закона) указано, что она создается и действует на основании устава общероссийского или межрегионального профсоюза либо на основании отдельного самостоятельного устава первичной профсоюзной организации. То есть в первом случае она в принципе независимой от профсоюза быть не может.

Приобретая права юридического лица при соответствующей регистрации, ППО становится юридически, организационно и финансово независимой от профсоюза. Но если

при этом она, по сути, создавалась в качестве так называемого «ассоциированного члена», возникает вопрос целесообразности ее отделения, ведь работники, числящиеся в ППО, одновременно считаются и членами профсоюза, в который она входит.

Если принимать отдельные уставы, то без правила об их полной идентичности возникнут подразделения профсоюза с различным статусом, а вопрос подчиненности станет заметно более спорным.

С конструкцией соподчиненных друг другу профсоюзных организаций можно было бы согласиться, если бы учредителем всех своих организаций (ППО, территориальных и иных) выступал собственно профсоюз – тогда вышестоящий и подведомственные органы были бы связаны корпоративным подчинением, общим уставом и членством. Однако как общественная организация ППО формируется путем ее создания физическими лицами (ст.ст. 2, 8, 10 и др. Закона о профсоюзах).

По Закону о профсоюзах ППО – это добровольное объединение членов профсоюза (а не самой ППО), которое действует на основании устава профсоюза либо на основании устава самой ППО, но принятого в соответствии с уставом соответствующего профсоюза (ст. 3). Нигде не указано, что учредители ППО должны быть на момент ее создания членами какого-то профсоюза и что только в силу этого допускается регистрация такой организации. Нет также и сроков, в течение которых зарегистрированная ППО или ее члены обязана войти в состав какого-то профсоюза. Наконец, не сформировано четкое правило о том, в каком объеме соответствия должны быть соотнесены между собой устав ППО и профсоюза, в который она желает войти.

Представляется, что одна и та же ППО, чьи цели и задачи соответствуют ТК РФ и у которой имеется свой устав и статус самостоятельного юридического лица, должна иметь возможность свободно входить в любой профсоюз, выходить из него и входить в другие профсоюзы без изменения своего устава. Однако для этого правильнее будет в составе профсоюза оставить не такие ППО, а только созданные и действующие по его уставу наподобие представительств; самостоятельная (независимая) ППО должна входить по существующей структуре не в профсоюз, а в территориальное объединение профсоюзных организаций.

На практике привязка ППО к конкретному профсоюзу чаще всего происходит через наименование, что никакого отношения к организационно-правовой форме и, соответственно, специфике положений устава не имеет (например, ППО профсоюза работников какой-нибудь отрасли). Это делает неоднозначным членство в таких организациях работников смежных по отношению к основной технологических профессий (специальностей), как, например, членство юрисконсульта или бухгалтера в профсоюзе строителей.

Также в случае юридической самостоятельности ППО в соответствии с данными ЕГРЮЛ возникает обоснованное сомнение в возможности существования по отношению к данной ППО некоего «соответствующего вышестоящего выборного профсоюзного органа», обеспечивающего наряду с прочим защиту отдельных профсоюзных активистов жестостящих ППО (см., например, ст. 25 Закона о профсоюзах и ст. 374 ТК РФ).

У юридического лица не должно быть никаких вышестоящих органов. Суждение по схожей ситуации высказал в 2000 году Верховный Суд Российской Федерации, указав, что норма периода существования СССР об упразднении юридического отдела и сокращении должности юрисконсульта в организации только с согласия вышестоящей организации противоречит ст. 49 ГК РФ, декларирующей самостоятельность юридического лица¹.

¹ Решение Верховного Суда РФ от 27.12.2000 № ГКПИ2000-1409 О признании незаконным и не подлежащим применению абзаца 4 пункта 4 Общего Положения о юридическом отделе (бюро), главном (старшем) юрисконсульте, юрисконсульте министерства, ведомства, исполнительного комитета Совета депутатов трудящихся, предприятия, организации, учреждения, утв. Постановлением Совмина СССР от 22.06.1972 № 467 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2001. № 10.

Разница лишь в том, что Верховный Суд основывал свою позицию на невозможности ограничения прав юридического лица внешним управлением, а вышестоящий профсоюзный орган ограничивает возможности не ППО, а работодателя. Поэтому вышестоящий орган формально есть только у той ППО, которая прав юридического лица не имеет.

Более того, почему-то законодателем для характеристики вышестоящего по отношению к ППО органа выбрана не его функция (например, исполнительный или как-то еще), а процедура его формирования – выборный. Предполагая, что в соответствии с уставом конкретного профсоюза выборными могут быть в нем совершенно разные по целям и составу органы и таких может сразу быть несколько, задача согласования либо учета мнения превращается в правовой конфликт уровня оценки понятий добросовестности и злоупотребления субъективным правом. Все, конечно же, понимают, о чем именно в законе идет речь, основываясь на историческом толковании норм профсоюзного права, но факт остается фактом – если по уставу вдруг сейчас выборными являются и ревизионная комиссия, и профком, и какая-то постоянно действующая рабочая группа профсоюза, то кто из них и для кого вышестоящий / нижестоящий профсоюзный орган и кому именно следует предоставлять гарантии необходимого согласования в отношении кого именно – качественная проблема и значительный регуляторный дефект.

Однако следует ли продолжать решать эту задачу, изменяя выборные профсоюзные органы на коллегиальные исполнительные, точно изменяя уже очевидно несовременную конструкцию профсоюзных организаций? Представляется, что нет: подход к корпоративной природе, видам и статусу различных профсоюзных организаций требует качественной законодательной новации.

Заключение

Если, к примеру, сравнить Закон о профсоюзах с законодательством, регулирующим правовое положение хозяйственных обществ, то четко виден разный уровень сложности и проработанности корпоративной модели организации, компетенции ее органов, статуса участников, способов защиты прав последних и такую ситуацию, безусловно, необходимо исправлять, и делать это нужно системно, не заблуждаясь относительно частноправовой природы статуса профсоюзных организаций. Законодатель, продекларировав независимость профсоюзных организаций от государства, в этой связи подчас устраняется от регулирования крайне важных аспектов профсоюзного статуса, что наряду с системными социально-экономическими проблемами снижения интереса к профсоюзной защите влечет за собой утрату доверия к профсоюзам и кризис профсоюзного движения. Современный работник, поставленный в условия осознания возможности перехода от коллективной идентичности к индивидуальным трудовым стратегиям и «проектной» занятости, стал выбирать нетипичные форматы реализации своего права на труд, тем более что цифровизация и демократизация в экономике и на рынке труда позволяют создавать собственный тип организации занятости, под который классический профсоюз в принципе «не заточен» и в силу этого непривлекателен.

В отличие от периода существования СССР, в котором профсоюзам были переданы отдельные публичные управленческие полномочия, сейчас дела обстоят иначе. Хотя по Закону о профсоюзах последние частично вроде как интегрированы в отдельные публично значимые процессы, например, в статусе субъектов общественного контроля (ст. 15 Закона) и участников процесса нормотворчества (ст. 11), но четко определенных механизмов такого участия и способов защиты своих прав либо прав работников в законе не сформировано, а самостоятельный интерес профсоюзных организаций к саморазвитию в современной правовой и экономической среде не выражен.

Однако поскольку законодатель в принципе положительно решает вопрос о регулировании отдельных вопросов статуса профсоюзных организаций, в их существующей правовой

модели и формах взаимодействия с иными участниками общественных отношений совершенствование отдельных конструкций и институтов профсоюзного права необходимо. Как было сказано выше, в существующей модели государственного регулирования профсоюзного права требует внимания проработка статуса каждого вида профсоюзной организации, ее задач и обязанностей в профсоюзной системе и системе социального партнерства, что повлечет за собой более эффективное использование ресурсов профсоюзов, усиление их авторитета и защищенности работников, ради которых эта система создана. Давно назрела и проблема исключения недобросовестности в использовании отдельных профсоюзных гарантий.

Альтернатива усилению публично-правового вмешательства в регулировании организационно-правовых форм профсоюзных организаций – полная самостоятельность работников в принятии решений о своих объединениях, основанное на правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, изложенной в Постановлении от 24.10.2013 № 22-П. В нем отмечено, что перечень видов профсоюзных организаций и их подразделений, присутствующих в Законе о профсоюзах, не может считаться исчерпывающим, и любой профсоюз вправе определить свою внутреннюю (организационную) структуру на свое усмотрение¹. Иной подход К.С. Раманкулов считает не согласующимся с конституционно значимыми целями вмешательством государства в деятельность профсоюзов и нарушением права на объединение [9, с. 170].

Этот подход будет соответствовать и идее ст. 50 ГК РФ о формах только лишь профсоюзных организаций и их объединений (ассоциаций) с целесообразным исключением в таком случае перечня подвидов и первых, и вторых из ГК РФ, ТК РФ и Закона о профсоюзах. При такой модели становится понятным и водораздел между сферами действия трудового и гражданского законодательства в отношении профсоюзных организаций: в ТК РФ для отраслевых целей точно будут нужны нормы о том, какие именно профсоюзные организации и по каким своим правовым признакам будут признаваться участниками социального диалога для разных уровней социального партнерства, а также особенности регулирования труда отдельных работников, наделенных полномочиями профсоюзного представительства, с указанием на то, кого именно и в каких случаях следует защищать особо. Появится весомый повод говорить и о «цифровых профсоюзах», и о профсоюзах лиц, избравших для себя нетипичную занятость (платформенную, проектную, индивидуально-определенную и т.д.), и об усложнении способов защиты трудовых прав.

Следует заметить, что сегодня, к сожалению, существенную долю интереса к объединению в профсоюзные организации формируют именно персональные гарантии отдельным профсоюзным активистам, исторически возникшие как противовес деланию работодателя избавиться именно от «возмутителей спокойствия», без которых остальные работники в целом нейтральны к работодателю и предпочитают уход с работы активным действиям по изменению существующих условий труда. Однако некоторым из таких гарантий уже под сотню лет, и создавались они совершенно в иных правовых и исторических условиях. Сегодня уже есть все основания говорить о том, что термин «хозяйская власть работодателя» резко утрачивает свои позиции [10], особенно для государственного сектора экономики, поэтому и защита профсоюзных представителей должна быть адекватной и скорее всего реализуемой через прямой судебный спор работодателя и профсоюза.

¹ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.10.2013 № 22-П «По делу о проверке конституционности абзацев первого - восьмого статьи 3 Федерального закона «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в связи с жалобами Общероссийского профессионального союза работников нефтяной, газовой отраслей промышленности и строительства и Общероссийского профессионального союза работников государственных учреждений и общественного обслуживания Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153597/.

Как вариант, для гражданского законодательства именно в его предмете возможно решить вопрос приобретения статуса юридического лица для профсоюзных организаций со сложной структурой: и вертикальной, и горизонтальной, особенно в той мере, в которой одно юридическое лицо не может и не должно быть частью другого. Из Закона же о профсоюзах предлагается изъять нормы об особенностях регулирования труда (гарантии) членов профсоюзных органов, чтобы между данным законом и ТК РФ не возникали создающие еще большие проблемы противоречия. И обязательно следует заменить другим термином понятие «профессиональные союзы обучающихся и (или) работников образовательной организации»¹, чьи функции имеют качественно другую природу – участие в управлении делами образовательной организации.

Список источников

1. Догадов В. М. Правовое положение профессиональных союзов в СССР (очерки профсоюзного права). Москва; Ленинград: Гос. изд-во, 1928. 176 с.
2. Сенников Н. М., Стремоухов А. В. Профсоюзное право: курс лекций. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2008. 350 с. ISBN 978-5-468-00198-1.
3. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. 474 с. ISBN 5-8354-0257-0
4. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. 19. М., 1960. 410 с.
5. Миронов В. К. Правовые вопросы коллективного договора в странах Восточной Европы // Трудовое право в России и за рубежом. 2010. № 1. С. 53–59. EDN: NSAVVL.
6. Куренной А. М. Вопросы эффективности представительства интересов работников в сфере наемного труда // Закон. 2019. № 11. С. 47–56. EDN: CZGBHU.
7. Чуча С. Ю. Проблемы реализации защитной функции профсоюзов в новых формах занятости // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 3. С. 18–21. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2023-3-18-21>. EDN: BSSHYA.
8. Сенников Н. М. Свобода объединения в профсоюзы как юридическая категория // Трудовое право в России и за рубежом. 2010. № 4. С. 14–20. EDN: NTDBDF.
9. Раманкулов К. С. Проблемы свободы объединения: сравнительно-правовое исследование норм законов о профессиональных союзах государств Евразийского экономического союза с учетом международных трудовых стандартов // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 2. С. 165–174. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.123.2.165-174>. EDN: EPRYXL.
10. Драчук М.А. Управленческие права работодателя на смену хозяйской власти: реалии нового времени // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 3. С. 10–13. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2023-3-10-13>. EDN: POPXAB.

References

1. Dogadov V.M. *Legal Status of Trade Unions in the USSR (Essays on Trade Union Law)*. Moscow-Leningrad: State Publishing House; 1928. 176 p. (In Russ.).
2. Sennikov N.M., Stremoukhov A.V. *Trade Union Law: A Course of Lectures*. 2nd ed., revised and add. Moscow: Norma; 2008. 350 p. ISBN 978-5-468-00198-1. (In Russ.).
3. Kozlova N.V. *Legal Personality of a Legal Entity*. Moscow: Statut; 2005. 474 p. ISBN 5-8354-0257-0. (In Russ.).
4. *Collection of current treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states*. Issue XIX. Moscow; 1960. 410 p. (In Russ.).

¹ Статья 26 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

5. Mironov V.K. Legal issues of collective agreement in the countries of Eastern Europe. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2010;(1):53–59. EDN: NSAVVL. (In Russ.).

6. Kurennoi A.M. Issues of the effectiveness of representation of workers' interests in the sphere of wage labor. *Zakon*. 2019; (11):47–56. EDN: CZGBHU. (In Russ.).

7. Chucha S.Yu. Problems of the implementation of the protective function of trade unions in new forms of employment. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2023;(3):18–21. (In Russ.) <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2023-3-18-21>. EDN: BSSHYA. (In Russ.).

8. Sennikov N.M. Freedom of Association in Trade Unions as a Legal Category. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2010;(4):14 – 20. EDN: NTDBDF. (In Russ.).

9. Ramankulov K.S. Problems of Freedom of Association: A Comparative Legal Study of the Laws on Trade Unions in the States of the Eurasian Economic Union, Taking into Account International Labor Standards. *Actual Problems of Russian Law*. 2021;(2):165–174. <https://doi.org/10.17803/1994-1471.2021.123.2.165-174>. EDN: EPRYXL. (In Russ.)

10. Drachuk M.A. Managerial Rights of the Employer to Change the Owner's Authority: Realities of the New Era. *Labor Law in Russia and Abroad*. 2023;(3):10–13. <https://doi.org/10.18572/2221-3295-2023-3-10-13>. EDN: POPXAB. (In Russ.)

Информация об авторе

М. А. Драчук – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой трудового и социального права юридического факультета, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.

Information about the author

M. A. Drachuk – Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Labor and Social Law, Faculty of Law, Dostoevsky Omsk State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.01.2026; одобрена после рецензирования 10.03.2026; принята к публикации 12.03.2026.

The article was submitted 30.01.2026; approved after reviewing 10.03.2026; accepted for publication 12.03.2026.

Законные интересы уголовно преследуемого лица: теоретико-правовой анализ и проблемы законодательного закрепления

Юрий Борисович Чупилкин

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления,
Ростов-на-Дону, Россия, chupilkin_yb@ranepa.ru,
SPIN-код: 7516-9201, <https://orcid.org/0000-0001-7728-5903>

Аннотация

Введение. Актуальность научной разработки категории «законные интересы лица, подвергаемого уголовному преследованию» детерминирована комплексом взаимосвязанных теоретических и правоприменительных проблем. Во-первых, в отечественной доктрине до настоящего времени не достигнуто консенсуса относительно сущностного содержания данного понятия и его места в системе правовых явлений, в особенности в соотношении с категорией субъективного права, что предопределяет перманентную научную дискуссию. Во-вторых, анализ отраслевого законодательства, прежде всего уголовно-процессуального и оперативно-розыскного, выявляет устойчивую терминологическую эклектику и фрагментарность в употреблении конструкции «законные интересы». Подобная законодательная непоследовательность служит индикатором отсутствия целостной концепции охраны данного правового блага на уровне правотворчества. В-третьих, специфика начального этапа уголовного преследования (выявления и установления лица, совершившего преступление) характеризуется парадоксальным сочетанием максимальной интенсивности ограничений прав личности с минимальным уровнем процессуальной публичности и состязательности.

Цель. Провести комплексный анализ понятия «законные интересы» применительно к уголовно преследуемому лицу, выявить противоречия в его законодательной регламентации в УПК РФ и Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» и сформулировать предложения по совершенствованию правового регулирования.

Методы. Исследование базируется на применении общенаучных (анализ, синтез, системный подход) и частно-научных методов: сравнительно-правового, формально-юридического, логического, метода правового моделирования.

Результаты. Установлена системная терминологическая несогласованность в использовании категории «законные интересы» в УПК РФ и Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», приводящая к правовым пробелам. Проведен анализ теоретических подходов к пониманию «законных интересов» и определено их содержание, сущностные характеристики в контексте уголовного преследования. Определены отличия категорий «законные интересы» и «субъективные права» уголовно преследуемого лица. Обоснована динамическая модель законных интересов, эволюционирующих от абстрактных охранительных барьеров на этапе выявления и установления заподозренного лица, совершившего преступление, к конкретным активным процессуальным средствам защиты на этапах установления причастности подозреваемого лица и обличения обвиняемого лица в совершении им преступления.

Выводы. Автором представлена динамическая модель эволюции системы законных интересов уголовно преследуемого лица, детерминированная этапами уголовного преследования и меняющимся процессуальным статусом лица (заподозренный → подозреваемый → обвиняемый). Обоснованы предложения по преодолению выявленных коллизий, направленные на унификацию терминологии в УПК РФ, предусматривающую закрепление категории «прав и законных интересов» для всех процессуальных статусов участников уголовного судопроизводства и на признание законных интересов объектом судебной защиты на всех этапах уголовного преследования. Для оценки правомерности действий должностных лиц (особенно в оперативно-розыскной деятельности) автор предлагает пятиуровневую иерархию правоохраняемых благ (от жизни и здоровья до имущественных интересов). Ключевым критерием законности вмешательства должен стать принцип соразмерности (пропорциональности) – защищаемый интерес должен быть не ниже того, которому причиняется вред, а ущерб должен быть минимизирован.

Ключевые слова: законные интересы, уголовно преследуемое лицо, выявление, установление совершившего преступление лица, подозреваемый, обвиняемый, правовой статус, субъективные права, соразмерность, правоохраняемые интересы

Для цитирования: Чупилкин Ю. Б. Законные интересы уголовно преследуемого лица: теоретико-правовой анализ и проблемы законодательного закрепления // Северо-Кавказский юридический вестник. 2026. № 1. С. 149–170. EDN VJHPQC

Original article

Legitimate interests of a criminally prosecuted person: theoretical and legal analysis and problems of legislative consolidation

Yuri B. Chupilkin

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия, chupilkin_yb@ranepa.ru, SPIN-code: 7516-9201, <https://orcid.org/0000-0001-7728-5903>

Abstract

Introduction. The relevance of the scientific development of the category "legitimate interests of a person subject to criminal prosecution" is determined by a set of interrelated theoretical and law enforcement problems. Firstly, there is still no consensus in Russian doctrine on the essential content of this concept and its place in the system of legal phenomena, especially in relation to the category of subjective law, which predetermines a permanent scientific discussion. Secondly, the analysis of sectoral legislation, primarily criminal procedure and operational investigative legislation, reveals a stable terminological eclecticism and fragmentation in the use of the construction "legitimate interests". Such legislative inconsistency is an indicator of the lack of a holistic concept of protecting this legal good at the law-making level. Thirdly, the specifics of the initial stage of criminal prosecution (identification and identification of the person who committed the crime) are characterized by a paradoxical combination of maximum intensity of restrictions on individual rights with a minimum level of procedural publicity and competitiveness.

Purpose. To carry out a comprehensive analysis of the concept of "legitimate interests" in relation to a criminally prosecuted person, identify contradictions in its legislative regulation in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Operational Investigative Activities" (the Law on Criminal Investigations) and formulate proposals for improving legal regulation.

Methods. The research is based on the application of general scientific (analysis, synthesis, systematic approach) and private scientific methods: comparative law, formal law, logical, legal modeling method.

Results. A systematic terminological inconsistency in the use of the category "legitimate interests" in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Federal Law "On Operational Investigative Activities" has been established, leading to legal gaps. The analysis of theoretical approaches to understanding "legitimate interests" is carried out and their content and essential characteristics in the context of criminal prosecution are determined. The differences between the categories of "legitimate interests"

and "subjective rights" of a criminally prosecuted person are determined. A dynamic model of legitimate interests is substantiated, evolving from abstract protective barriers at the stage of identifying and establishing a suspected person who has committed a crime, to specific active procedural remedies at the stages of establishing the involvement of a suspected person and exposing the accused person in committing a crime.

Conclusions. The author presents a dynamic model of the evolution of the system of legitimate interests of a criminally prosecuted person, determined by the stages of criminal prosecution and the changing procedural status of the person (suspected → suspect → accused). The proposals to overcome the identified conflicts are substantiated, aimed at unifying terminology in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, which provides for the consolidation of the category of "rights and legitimate interests" for all procedural statuses of participants in criminal proceedings and recognizing legitimate interests as the object of judicial protection at all stages of criminal prosecution. To assess the legality of the actions of officials (especially in operational investigative activities), the author suggests a five-level hierarchy of law enforcement benefits (from life and health to property interests). The key criterion for the legality of the intervention should be the principle of proportionality (proportionality) – the protected interest should not be lower than the one that is being harmed, and the damage should be minimized.

Keywords: legitimate interests, criminally prosecuted person, identification, identification of the person who committed the crime, suspect, accused, legal status, subjective rights, proportionality, law enforcement interests

For citation: Chupilkin Yu.B. Legitimate interests of a criminally prosecuted person: theoretical and legal analysis and problems of legislative consolidation. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2026;(1):149–170. (In Russ.). EDN BJHPQC

Введение

Актуальность исследования категории «законные интересы» уголовно преследуемого лица обусловлена фундаментальным значением баланса между эффективностью уголовного преследования и защитой личности от незаконного ограничения ее прав. В правовом государстве, каким провозглашена Россия, человек, его права и свободы являются высшей ценностью (ст. 2 Конституции РФ), а их защита – обязанностью государства. Неотъемлемым элементом правового статуса личности выступают законные интересы, однако их понятие, содержание и механизмы защиты в уголовном процессе, как и в теории права, остаются дискуссионными и недостаточно разработанными.

Основным объектом исследования определено лицо, подвергаемое уголовному преследованию, под которым предлагается понимать физическое лицо, в отношении которого осуществляются существенно ограничивающие его права действия и меры процессуального и оперативно-розыскного характера, направленные на установление и изобличение в совершении преступления. В рамках данного родового понятия выделяются следующие виды:

– заподозренный – физическое лицо, в отношении которого осуществляется уголовно-процессуальное и (или) оперативно-розыскное преследование по установлению его причастности к совершенному преступлению в связи с обоснованным предположением о совершении им преступления;

– подозреваемый – физическое лицо, наделенное статусом подозреваемого в соответствии со ст. 46 УПК РФ, в отношении которого осуществляется уголовно-процессуальное преследование по его установлению и изобличению в совершении преступления;

– обвиняемый – физическое лицо, в отношении которого собрано достаточно доказательств его виновности, наделенное статусом обвиняемого в соответствии со ст. 47 УПК РФ, в отношении которого продолжается уголовно-процессуальное преследование по изобличению (обличению) в совершенном преступлении [1, с. 112–127].

Анализ УПК РФ и закона об ОРД, выявляет системную несогласованность при использовании в законах категории «законные интересы».

В УПК РФ наблюдается дифференциация в определении правового статуса участников уголовного процесса. Так, ст. 47 УПК РФ гарантирует обвиняемому защиту «прав

и законных интересов», тогда как аналогичные нормы в отношении подозреваемого (ст. 46), потерпевшего (ст. 42), гражданского истца (ст. 44) и ответчика (ст. 54) упоминают лишь о «правах». В ч. 4 ст. 11 УПК РФ, закрепляющей принцип «охраны прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве», говорится: «... вред, причиненный лицу в результате **нарушения его прав и свобод** (выделено мною – Ю.Ч.) судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению». При этом законодатель в данном принципе ничего не говорит о нарушении законных интересов.

Такой подход лишен логического обоснования и создает правовой пробел.

По-разному в УПК РФ определяется данная категория при регламентации права на заявление ходатайств (ст. 119 УПК РФ) и права на обжалование (ст. 123 УПК РФ). Ходатайства могут заявлять лица, чьи «права и законные интересы» затронуты в ходе досудебного и судебного производства (ч. 1 ст. 119 УПК РФ). А вот обжаловать действия (бездействие) органов предварительного расследования, прокурора и суда могут только участники уголовного процесса и иные лица, «интересы» которых затрагиваются в ходе производства процессуальных действий.

Сочетание терминов «защита прав и интересов» употребляется применительно к защитнику, осуществляющему защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых (ст. 49 УПК РФ).

При определении вопросов о привлечении к уголовному преследованию по заявлению коммерческой или иной организации используется терминология «вред интересам ...» (ст. 23 УПК РФ).

В законе об ОРД ситуация еще более противоречива. Правовой статус лица, подвергнутого оперативно-розыскному воздействию, прямо не определен. В нормах статей 3 и 5 закона об ОРД, предусматривающих, что данный вид деятельности осуществляется в соответствии с принципом **соблюдения прав и свобод человека и гражданина** (выделено мною – Ю.Ч.), в которых законодатель не закрепляет соблюдение такой категории, как «законные интересы».

В ч. 4 ст. 5 закона об ОРД упоминается о лице, которое подвергалось оперативно-розыскному преследованию, и говорится о том, что лицо, виновность которого в совершении преступления не доказана в установленном законом порядке и которое располагает фактами проведения в отношении его оперативно-розыскных мероприятий и полагает, **что при этом были нарушены его права** (выделено мною – Ю.Ч.), вправе истребовать от органа, осуществляющего ОРД, сведения о полученной о нем информации.

Согласно ч. 2 ст. 8 закона об ОРД, предусматривающей получение санкции суда на проведение ОРМ, оговаривается только ограничение **конституционных прав человека и гражданина** (выделено мною – Ю.Ч.).

Хотя в отдельных нормах законодатель все-таки определяет, что **конституционные права и свободы, законные интересы человека и гражданина** (выделено мною – Ю.Ч.) (ч. 3 ст. 10 закона об ОРД) не могут быть ограничены при заведении дела оперативного учета, а **при нарушении прав и законных интересов физических и юридических лиц** (выделено мною – Ю.Ч.) органом (должностным лицом), осуществляющим ОРД, вышестоящий орган, прокурор либо судья обязаны принять меры по их восстановлению и возмещению причиненного вреда (ч. 9 ст. 5 закона об ОРД).

Особого внимания заслуживает употребляемая в ч. 4 ст. 16 закона об ОРД категория «правоохраняемые интересы», допускающая вынужденное причинение им вреда: «При защите жизни и здоровья граждан, **их конституционных прав и законных интересов** (выделено мною – Ю.Ч.), а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств, допускается **вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам** (выделено мною – Ю.Ч.) должностным лицом органа, осуществляющего ОРД,

либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга». Правоохраняемые интересы – очень широкая категория, которая в себя включает и публичные и частные интересы. Вместе с тем закон об ОРД не предусматривает критериев причинения вреда указанным интересам.

В. Ф. Луговик и С. М. Лугович полагают, что законодатель подчеркивает специфичность ОРД, исключительность полномочий оперуполномоченного, вероятность возникновения сложных и нетипичных ситуаций, когда он, исполняя профессиональный долг, вынужден действовать с учетом дефицита времени либо принимать неординарные решения, и в связи с этим его правомерными действиями может быть вынужденно причинен вред охраняемым интересам [2, с. 15].

Н. Н. Лесовая, причинение вреда правоохраняемым интересам объясняет возможностью возникновения непредвиденных обстоятельств, труднопрогнозируемых ситуаций, особенно это связано с поведением заподозренных в совершении преступления лиц. В таком положении, по ее мнению, право оперативного сотрудника на оправданный риск есть не что иное, как право на причинение вреда при реализации правомерных и логически необходимых действий по выявлению и изобличению преступников в случае наступления непредвиденных обстоятельств. Здесь принципиально важны обстоятельства, наличие которых обуславливает оправданность риска, а также пределы правовой защиты от наступления уголовной ответственности за причиненный вред правоохраняемым интересам [3, с. 134; 4, с. 77].

С такой широкой трактовкой согласиться сложно, поскольку в законодательстве четко определены случаи, когда лицо может быть освобождено от уголовной ответственности (необходимая оборона, крайняя необходимость, причинение вреда при задержании и выполнение приказа).

Попытаемся разобрать данное положение на следующих примерах. Первая ситуация. В результате проводимых оперативно-розыскных мероприятий «оперативный эксперимент» и «проверочная закупка» осуществляется силовое задержание заподозренных лиц, не оказывающих сопротивление, но в результате которого им намеренно причиняется вред здоровью разной тяжести.

Вторая ситуация. Если в результате оперативно-розыскного и дальнейшего уголовного преследования будет изобличено лицо в совершении преступления, например, директор предприятия, но деятельность самого предприятия в результате осуществления уголовного преследования руководителя будет парализована, приведет к банкротству, не будут выполнены госзаказы, сорваны договорные обязательства и сделки, работникам предприятия не будет выплачена заработная плата. В результате уголовного преследования будет причинен вред государственным, публичным и частным интересам.

Можно ли такой вред, причиненный в приведенных случаях, рассматривать как обособленный? Думается, что нет. Поскольку вред правоохраняемым интересам отдельной личности, общества и государства будет причинен не соразмерный (не пропорциональный), той полезной деятельности, которая осуществляется органами уголовного преследования по раскрытию и расследованию преступлений.

Выявленная терминологическая неопределенность категории «правоохраняемые интересы» в ч. 4 ст. 16 закона об ОРД требует не просто констатации, а выработки доктринального механизма, позволяющего отличить правомерное вынужденное причинение вреда от злоупотребления или должностного преступления. Автор считает возможным использовать специально разработанную им для этих целей конституционно обоснованную иерархию правоохраняемых интересов и принцип соразмерности (пропорциональности) как ключевой критерий правомерности. Основываясь на положениях Конституции РФ (ст. 2, ч. 3 ст. 55), представляется возможным выстроить следующую иерархическую структуру благ, которые государство берет под охрану.

Первый уровень (абсолютный приоритет) – жизнь и здоровье человека, достоинство личности. Основой выступают нормы статей 20, 21 Конституции РФ. Этот уровень обладает безусловным приоритетом и не может быть ограничен ни при каких обстоятельствах, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом (необходимая оборона, крайняя необходимость).

Второй уровень (высший приоритет) – конституционные права и свободы граждан. Неприкосновенность жилища, тайна переписки, частная жизнь и т.д., предусмотренные нормами ст. ст. 22–25 Конституции РФ. Эти права имеют преимущество перед публичными интересами и могут быть ограничены только федеральным законом в конституционно значимых целях и при условии соразмерности.

Третий уровень – публичные интересы общества. Общественная безопасность, общественный порядок, нравственность, здоровье населения (ч. 3 ст. 55 Конституции РФ).

Четвертый уровень – интересы государства (оборона, безопасность государства, защита конституционного строя – ст. 55, ст. 71 Конституции РФ).

Пятый уровень – законные интересы физических и юридических лиц. Имущественные интересы, деловая репутация, интересы предпринимательской деятельности – ст. 34, ст. 35 Конституции РФ. Это именно та категория, которая является предметом нашего анализа применительно к уголовно преследуемому лицу.

Таким образом, «правоохраняемые интересы» – это интегративная категория, охватывающая все пять уровней. «Законные интересы» отдельного лица являются составной частью (подмножеством) этой системы и занимают в ней низшее (пятое) положение, что, однако, не умаляет их защищенности, но определяет логику их возможного ограничения при коллизии с вышестоящими благами.

Исходя из предложенной иерархии, правомерность вынужденного причинения вреда по ч. 4 ст. 16 закона об ОРД должна оцениваться через призму принципа соразмерности (пропорциональности). Этот принцип предполагает соблюдение трех условий.

1. Ценностное превосходство. Защищаемый интерес должен относиться к более высокому уровню иерархии, чем тот, которому причиняется вред, либо находиться с ним на одном уровне при невозможности достичь цели иным способом.

2. Минимизация ущерба. Сотрудник оперативно-розыскных органов (ОРО), обязан выбирать те средства и методы, которые причиняют наименьший вред из всех возможных в сложившейся обстановке.

3. Недопустимость диспропорции. Объем причиненного вреда не должен явно превышать объем предотвращенного вреда.

Предложенная модель позволяет дать четкую правовую оценку примерам, приведенным в статье.

Ситуация с силовым задержанием не оказывающего сопротивления лица. Вред здоровью (уровень 1) причиняется для защиты интересов государства (уровень 4) или публичных интересов (уровень 3). Согласно принципу соразмерности, такое соотношение недопустимо. Никакой государственный или публичный интерес не оправдывает намеренного причинения вреда здоровью лица, не оказывающего сопротивления (за исключением случаев необходимой обороны или крайней необходимости, которых в описанной ситуации нет). Действия сотрудников ОРО должны квалифицироваться не как вынужденное причинение вреда, а как превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ).

Ситуация с банкротством предприятия из-за уголовного преследования директора. Здесь коллизия возникает между интересом государства в изобличении преступника (уровень 4) и законными интересами третьих лиц (работников, контрагентов) и самого предприятия (уровень 5). Такая коллизия (4 vs 5) в принципе допустима (вышестоящий интерес может оправдывать ограничение нижестоящего). Однако она требует проверки на соразмер-

ность. Если уголовное преследование ведется законно, а банкротство является его отдаленным и косвенным следствием, состав преступления в действиях следователя отсутствует. Но если применяются заведомо несоразмерные меры процессуального принуждения (например, арест всего имущества при возможности залога, или необоснованное заключение под стражу руководителя уникального производства), целью которых является не правосудие, а паралич предприятия, то такие действия нарушают принцип соразмерности и могут быть признаны незаконными.

Особый случай – конституционная обязанность государства по обеспечению безопасности и угроза терроризма.

Предложенная иерархия правоохраняемых интересов требует дополнительного осмысления в контексте реализации конституционной обязанности государства по обеспечению безопасности личности, общества и государства (ст. ст. 2, 55, 71 Конституции РФ). Наиболее остро эта проблема проявляется при пресечении террористических угроз, где коллизия между защищаемыми и повреждаемыми интересами достигает максимального накала.

Обязанность государства обеспечивать безопасность не может рассматриваться как интерес четвертого уровня в чистом виде. Это конституционный императив, легитимирующий применение специальных, в том числе экстраординарных, мер. В контексте борьбы с терроризмом безопасность государства и общества выступает не как самодовлеющая ценность, а как необходимое условие (средство) для защиты жизни и здоровья неопределенного круга лиц (I уровень).

Следовательно, при коллизии интересов в условиях террористической угрозы действуют следующие правила:

1. Приоритет защиты жизни. Абсолютной целью любых действий оперативных сотрудников и специальных служб является предотвращение гибели людей. Именно интерес I уровня оправдывает применение наиболее интенсивных мер, включая временное и соразмерное ограничение прав II уровня.

2. Легитимация ограничений. Ограничение конституционных прав граждан (II уровень) в ходе антитеррористических операций допустимо в силу прямого указания ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, но лишь в той мере, в какой это необходимо для защиты жизни и здоровья людей (I уровень) и основ конституционного строя (IV уровень).

3. Недопустимость «абсолютной безопасности». Даже угроза терроризма не может служить основанием для умаления достоинства личности, применения пыток или насилия (нарушение абсолютного запрета ст. 21 Конституции РФ). Государство, защищая жизнь, не вправе уподобляться террористам в методах. Кроме того, ограничения прав должны быть соразмерны реальной, а не мнимой угрозе. Данная система правил не подменяет собой уголовно-правовую оценку, но служит доктринальным и правоприменительным ориентиром, позволяющим оценить социальную оправданность и правомерность действий в конкретной оперативной обстановке, характеризующейся дефицитом времени и информации (до происходящего события).

Таким образом, борьба с терроризмом не отменяет предложенную иерархию, а лишь акцентирует её инструментальный характер. Высшей ценностью остается человек, его жизнь и достоинство, а безопасность государства выступает гарантом реализации этой ценности. Любое отступление от этого принципа ведет к девальвации конституционного правопорядка.

Проведенный анализ свидетельствует о необходимости нормативной конкретизации ч. 4 ст. 16 закона об ОРД. Представляется целесообразным дополнить ее положением, закрепляющим иерархию интересов и принцип соразмерности.

Предлагается следующая редакция части 4.1 статьи 16 (ввести новый пункт): «При оценке правомерности причинения вреда, предусмотренного частью третьей настоящей статьи, учитывается иерархия правоохраняемых интересов, основанная на конституционных

ценностях. Приоритетное значение имеют жизнь, здоровье и достоинство личности. Вынужденное причинение вреда признается правомерным, если оно является соразмерным, то есть:

1) защищаемый интерес по своей значимости не ниже интереса, которому причинен вред;

2) вред является минимально необходимым для достижения цели защиты в сложившейся обстановке;

3) предотвращенный вред не меньше вреда, причиненного. При коллизии равноценных интересов приоритет отдается интересам, непосредственно связанным с предотвращением реальной опасности, угрожающей неопределенному кругу лиц или основам конституционного строя».

Таким образом, предложенная иерархия и принцип соразмерности позволяют не только наполнить конкретным содержанием абстрактную категорию «правоохраняемые интересы», но и создают объективный масштаб для оценки действий должностных лиц.

Сравнительный анализ смежных областей регулирования (КоАП РФ, КАС РФ, Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле») также подтверждает отсутствие единого подхода. Например, в КоАП РФ задачи законодательства включают защиту «законных экономических интересов» (ст. 1.2), однако статус лица, в отношении которого ведется производство, описывается только через «права» (ст. 25.1). В то же время административное и уголовное законодательство устанавливают ответственность за нарушение именно «прав и законных интересов» (например, ст. 285 УК РФ, ст. 5.6 КоАП РФ).

Совершенно иную картину можно наблюдать в федеральном законе «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»¹ (далее – закон о ГКНиМК), где законодатель использует словосочетание «права и законные интересы» во всех случаях, когда речь идет об охране и защите юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. Ключевым является принцип, предусматривающий обязанность контрольно-надзорных органов при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля, **охранять права и законные интересы** (здесь и далее текст выделен мною – Ю.Ч.), уважать достоинство личности, деловой репутации контролируемых лиц (ст. 10 закона о ГКНиМК). Хотя следует отметить, что категория «законные интересы» содержится только в названии статьи, а в диспозиции самой нормы рассматриваемого закона предусматривается обязанность контрольно-надзорных органов **признавать, соблюдать и защищать права и свободы контролируемых и иных лиц**, а категория «законные интересы» не употребляется.

Определяя статус контролируемого лица, законодатель оговаривает, что **защита прав и законных интересов контролируемого лица** может осуществляться лично или через представителя (ч. 5 ст. 31 закона о ГКНиМК).

Инспектор контрольно-надзорного органа обязан: соблюдать российское законодательство, **права и законные интересы контролируемых лиц** (п. 1 ч. 1 ст. 29 закона о ГКНиМК); ... **не допускать необоснованного ограничения прав и законных интересов контролируемых лиц**, неправомерного вреда (ущерб) их имуществу (п. 9 ч. 1 ст. 29 закона о ГКНиМК).

При отсутствии основания для проведения внепланового контрольно-надзорного мероприятия или несоблюдении порядка его проведения прокурором должны быть приняты меры **по защите прав и законных интересов контролируемых лиц** (п. 13 ст. 66 закона о ГКНиМК).

Действия и бездействия сотрудников, осуществляющих оперативно-розыскное преследование, могут быть обжалованы в порядке, предусмотренном кодексом административного

¹ Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) // СПС КонсультантПлюс.

судопроизводства (КАС РФ). В этой связи имеется необходимость рассмотрения правового статуса лица, подвергнувшегося оперативно-розыскному преследованию, и обжаловавшему законность и обоснованность действий (бездействия) должностных лиц указанных органов.

Прежде всего КАС РФ регулирует порядок осуществления административного судопроизводства при рассмотрении и разрешении Верховным Судом и судами общей юрисдикции РФ административных дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, прав и законных интересов организаций (ч. 1 ст.1 КАС РФ).

Согласно ч. 1 ст. 4 КАС РФ предусматривается, что каждому **заинтересованному лицу** гарантируется право на обращение в суд с административным иском **за защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов**, в том числе в случае, если, по мнению этого лица, созданы препятствия к осуществлению **его прав, свобод и реализации законных интересов**.

Преимущество нормативных положений КАС РФ перед рассмотренными законодательными актами (УПК РФ, КоАП РФ, законом об ОРД) заключается в том, что законодатель закрепил понятие сторон – административного истца и ответчика (ст. 38 КАС РФ), а также определил круг лиц, которые могут выступать **в защиту прав, свобод и законных интересов граждан**. В качестве таковых могут выступать: прокурор (ст. 39 КАС РФ); Центральный банк РФ; Уполномоченный по правам человека в РФ; уполномоченный по правам человека в субъекте РФ; органы местного самоуправления; Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка; уполномоченный по правам ребенка в субъекте РФ (ст. 40 КАС РФ), а также иные лица.

В приведенных нормах законов (УПК РФ, закона об ОРД, КоАП РФ, КАС РФ, закона о ГКНиМК) при употреблении категории «права» и «законные интересы» законодателем используется соединительный союз «и». В результате по смыслу норм получается, что меры по защите личности применяются при нарушении как прав, так и законных интересов в совокупности.

Таким образом законодательная техника при использовании правовых категорий «права» и «интересы» в правовом статусе лиц, используемая в УПК РФ, в законе об ОРД, КоАП РФ и в законе о ГКНиМК значительно отличается и не носит системного характера. Достоинством закона о ГКНиМН, где законодатель системно и последовательно использует словосочетание «права и законные интересы» во всех случаях, когда речь идет об охране и защите юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Вместе с тем, содержание диспозиций норм ряда должностных преступлений, предусмотренных ст. ст. 285, 286, 288 и 293 УК РФ, свидетельствует о том, что уголовный закон обозначает общественно опасные последствия, которые могут наступить **за существенные нарушения прав и законных интересов граждан или участников, подвергаемых уголовному преследованию оперативно-розыскными органами и органами предварительного расследования** (выделено мною – Ю.Ч.).

Аналогичным образом регулируется ответственность и в нормах КоАП РФ за совершение правонарушения, где в названии статьи, либо в диспозиции нормы предусматривается нарушение «прав и законных интересов»: за дискриминацию (ст. 5.6 КоАП РФ); за нарушение требований законодательства о защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности (ст. 14.57 КоАП РФ); за совершение народным дружинником или внештатным сотрудником полиции действий, нарушающих права и законные интересы граждан или организаций (ст. 19.36 КоАП); за нарушение правил несения службы лицом, входящим в состав войскового наряда по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, если это деяние причинило вред правам и законным интересам граждан (ст. 34.3 КоАП РФ).

Практика высших судебных органов признания ненормативного акта недействующим также исходит из наличия одновременно двух условий: 1) несоответствие его закону

или иному правовому акту и 2) нарушение «прав и охраняемых законом интересов» гражданина или юридического лица¹. Как видим, во втором условии выделяют нарушение прав и законных интересов личности.

Обнаруженные диспропорции не являются технической погрешностью, а свидетельствуют об отсутствии единой законодательной концепции, принижающей значение законных интересов как автономного объекта правовой охраны, особенно на досудебных этапах уголовного преследования.

Теоретические основы

В теории права и уголовного судопроизводства среди ученых нет единства мнения, по поводу того, что понимать под «законными интересами». Вместе с тем, авторы, отстаивающие позицию важности законных интересов, едины во мнении, что законные интересы обладают большим, но во многом не раскрытым регулятивным и правозащитным потенциалом [5, с. 172], уверены в том, что современная российская правовая доктрина остро нуждается в целостной концепции законных интересов, которая позволит существенно не только обогатить теорию права, но и сформировать практику удовлетворения правомерных стремлений различных субъектов [6, с. 98].

В юридической науке сформировались три основных подхода к пониманию категории «законные интересы».

Первый подход – интерес как предпосылка или цель права. В рамках данного подхода законный интерес трактуется как: поощряемые (поддерживаемые) законом устремления к достижению определенной цели [7, с. 14]; цель для его достижения [8, с. 21; 9, с. 35; 10, с. 21]; феномен, предшествующий субъективному праву и обязанности [11, с. 32]; «неполноценное», «усеченное» право [12, с. 132]. При таком взгляде законные интересы представляются своего рода «эмбриональным состоянием» субъективных прав, ожидающих позитивного закрепления в законодательстве [13, с. 31].

Второй подход – интерес как побудительное начало (мотив). Странники этой позиции рассматривают законный интерес в качестве осознанного побуждения к действию (бездействию), порождаемого потребностью в достижении социального блага и выступающего движущей силой правовой активности субъекта [14, с. 52; 15, с. 34; 16 с. 105].

Третий подход заключается в том, что «законный интерес» – это фиктивная категория в системе права. «Под брендом «законных интересов» рассматриваются интересы, к которым право относится безразлично, нейтрально» [17, с. 12]. Критики, апеллируя, в частности, к идеям Л.И. Петражицкого, оценивают понятие «интерес» как метафору, лишённую точного научного содержания и относящуюся к области эмоциональных переживаний [18, с. 249–250].

Скептическая оценка законных интересов как несуществующей категории представляется неубедительной ввиду ее укорененности в правовой традиции, начиная с XIX века, а также широкого использования в конституционном и отраслевом законодательстве Российской Федерации.

Термин «интерес» происходит от латинского «interest» и означает – «иметь значение», «важно» [19, с. 240]. В словарях русского языка термин «интерес» понимается в нескольких значениях: «внимание, возбуждаемое кем или чем-нибудь значительным, привлекательным»; «важность, значительность, занимательность»; «нужды, потребности; выгода» [20, с. 204; 21, с. 211].

¹ Определение КС РФ от 28 января 2016 г. № 109-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Данышина Сергея Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части 1 статьи 128 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс; Пункт 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 4.

Законный интерес характеризуется отсутствием прямой конкретизации в нормативных актах (в отличие от субъективного права), что подтверждается анализом источников, за исключением отдельных документов, например, Доктрины информационной безопасности РФ (далее – Доктрина ИБ), предусматривающей, что **личностные интересы каждого индивида состоят в том, чтобы была возможность реализовать конституционные права и свободы** (выделено мною – Ю.Ч.), в повышении уровня и качества жизни, в обеспечении личной безопасности, в физическом, интеллектуальном и духовном развитии¹.

Вопросу законных интересов уделяется внимание и в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий», где под нарушением законных интересов граждан или организаций в результате злоупотребления или превышения должностными полномочиями предлагается понимать: «... **создание препятствий в удовлетворении гражданами или организациями своих потребностей, не противоречащих нормам права и общественной нравственности (например, создание должностным лицом препятствий, ограничивающих возможность выбрать в предусмотренных законом случаях по своему усмотрению организацию для сотрудничества)**» (выделено мною – Ю.Ч.). Исходя из данного положения постановления Пленума следует, что Верховный Суд РФ толкует категорию «законные интересы», как **возможности граждан или организаций удовлетворить свои потребности, которые не противоречат нормам права и общественной нравственности** (выделено мною – Ю.Ч.).

Результаты и обсуждение

На основании проведенного анализа, «законный интерес» может быть определен как охраняемая государством возможность физических и юридических лиц удовлетворять свои потребности в соответствии с предписаниями законодательства и общепринятыми нормами морали. Содержательная цель законных интересов уголовно преследуемого лица заключается в том, чтобы удовлетворять свои правомерные потребности и стремления, непосредственно связанные с его положением при проведении уголовного преследования. Законный интерес аккумулирует в себе как побудительное начало (мотив к защите), так и цель (стремление к справедливому разбирательству). Эти потребности уголовно преследуемого лица являются правомерными, то есть не противоречащими нормам права и общественной нравственности. Например, интерес в скорейшем окончании преследования путем обжалования правомерен, в то время как интерес в сокрытии уличающих доказательств (уничтожение вещественных доказательств, давление на свидетелей) нельзя рассматривать как законный, т.к. он противоречит нормам закона и морали.

В качестве основных направлений реализации законных интересов уголовно преследуемого лица представляется возможным выделить: процедурно-процессуальные и репутационно-восстановительные интересы.

Процедурно-процессуальные интересы направлены на: 1) на законное и обоснованное оперативно-розыскное преследование личности. Сюда входит интерес в законном и обоснованном преследовании при заведении дела оперативного учета, при проведении оперативно-розыскных мероприятий, при передаче результатов ОРД органам предварительного расследования и в суд, в недопустимости провокационно-подстрекательских методов при проведении оперативно-розыскных мероприятий; 2) законное и обоснованное уголовно-процессуальное преследование лица в качестве заподозренного, подозреваемого и обвиняемого; 3) обеспечение права на защиту и состязательности сторон (полное, объективное и всестороннее исследование доказательств); 4) правильное применение закона.

Репутационно-восстановительные интересы заключаются в минимизации негативных последствий от уголовного преследования. Это интересы в охране чести, достоинства,

¹ Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ 09.09.2000 № Пр-1895 // СЗ РФ. 12.12.2016. № 50. Ст. 7074.

деловой репутации, в возмещении вреда от незаконных действий сотрудников правоохранительных органов, в восстановлении доброго имени в случае реабилитации.

Законные интересы уголовно преследуемого лица действуют на всех этапах уголовного преследования (на этапе выявления и установления лица, совершившего преступление, в связи с обоснованным на то предположением; на этапе установления причастности подозреваемого лица к совершению преступления; на этапе обличения обвиняемого лица в совершении им преступления, причастность к которому подтверждено достаточной совокупностью доказательств).

На основе предложенной классификации уголовно преследуемого лица (заподозренный, подозреваемый, обвиняемый) автором разработана динамическая модель эволюции его законных интересов в зависимости от этапов его уголовного преследования.

Этап выявления и установления лица, совершившего преступление, представляет собой начальный, часто профилактический этап ОРД, когда оперативный аппарат собирает и анализирует информацию для обнаружения признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, при этом круг лиц может быть ещё не определён. Специфика данного этапа заключается в том, что заподозренное лицо чаще всего не идентифицировано оперативным аппаратом как конкретный подозреваемый. Интересы носят абстрактный, но фундаментальный характер и направлены на предотвращение произвольного и массового вторжения в частную жизнь.

Система законных интересов лица на этапе выявления преступления.

1. Интерес в обеспечении конституционного принципа неприкосновенности частной жизни (ст. 23 Конституции РФ) при проведении поисковых, «фоновых» мероприятий. Содержание законного интереса заключается в недопущении сбора информации «вслепую» или по неконкретным критериям (например, анализ всех транзакций в определённом районе) превращается в тотальную слежку за неограниченным кругом лиц без связи с конкретными признаками преступления.

Гарантией законного интереса является требование наличия повода и основания для начала ОРМ (ст. 7 закона об ОРД). Даже на этапе выявления работа должна начинаться с конкретных оперативных сигналов, а не произвольного производства ОРД.

2. Интерес в охране от необоснованного и дискриминационного включения в сферу оперативного внимания. Содержание интереса заключается в защите от того, чтобы основанием для сбора данных стали не признаки противоправного поведения, а, например, принадлежность к определённой социальной, национальной группе, политические взгляды или иные признаки, не имеющие криминогенной природы.

В качестве гарантий соблюдения рассматриваемого интереса является запрет ОРД для достижения целей, не указанных в ст. 2 закона об ОРД, и общие принципы уважения прав человека (ст. 5 закона об ОРД).

3. Интерес в обеспечении конфиденциальности информации, изначально не относящейся к целям ОРД. Например, если в ходе наблюдения за общественным местом случайно были получены сведения о частной жизни лиц, не причастных к криминальной среде, они не должны фиксироваться, храниться и использоваться. Гарантия соблюдения данного интереса выражается в обязанности должностных лиц оперативно-розыскных органов уничтожения такой информации (ч. 4 ст. 5 закона об ОРД).

4. Интерес в законности получения сведений и их процессуальной «конвертации» или уничтожении. Если на этапе выявления признаки преступления у конкретного лица не подтвердились, у него возникает законный интерес в том, чтобы собранные о нём материалы были уничтожены, а не оставались в оперативных учётах неопределённо долго. Если же признаки подтвердились, то интерес заключается в том, чтобы переход к этапу проверки и затем в уголовный процесс был оформлен с соблюдением всех норм, гарантирующих допустимость будущих доказательств. Гарантией соблюдения интереса являются

правила документирования (ст. 11 закона об ОРД) и положения УПК РФ о недопустимости доказательств, полученных с нарушением закона об ОРД (ст. 89 УПК РФ).

5. Интерес в пресечении провокации как метода выявления преступления. Данный интерес можно обозначить, как критически важный. Заподозренное лицо вправе ожидать, что сотрудник оперативно-розыскного органа на этапе выявления не будет создавать искусственные условия, побуждающие к совершению преступления там, где такая готовность отсутствовала. Это абсолютный запрет. Согласно ст. 5 закона об ОРД прямо запрещена провокация. Любые данные, добытые таким путём, не могут быть использованы в качестве доказательств.

6. Интерес в последующем судебном контроле за законностью действий на ранней стадии. Если лицо не знает о проводимых оперативно-розыскных мероприятиях, его интерес защищается возможностью последующей проверки законности этих действий, когда о них станет известно в рамках уголовного дела или через обращение в суд (с жалобой на нарушение прав, например, после утечки информации). Гарантими данного законного интереса являются нормы, предусматривающие право на обжалование (ч. 3 ст. 5 закона об ОРД), а также механизм исключения недопустимых доказательств в порядке ст. ст. 75, 89 УПК РФ).

Законные интересы лица на этапе выявления лица, совершившего преступление, в связи с обоснованным на то предположением, по сути – допроцессуальные гарантии, заложенные в закон об ОРД, которые создают правовое поле для будущего уголовного судопроизводства. Их нарушение на этой ранней, «невидимой» стадии фатально для легитимности всего последующего уголовного преследования, так как отравляет источник доказательств. С позиции уголовного процесса эти интересы являются объектом последующей судебной оценки на предмет соблюдения закона.

На этапе установления причастности заподозренного, подозреваемого лица к совершению преступления, законные интересы носят преимущественно охранительный характер, поскольку лицо лишено возможности их активно реализовывать из-за негласного характера ОРД, либо недостаточно регламентированных процедур гласных ОРМ.

На данном этапе можно выделить следующие интересы.

1. Интерес в наличии законного и обоснованного повода для проведения ОРМ. Содержание данного интереса заключается в стремлении к тому, чтобы сбор информации о нём был инициирован не произвольно, а при наличии конкретных оснований, перечисленных в ст. 7 закона об ОРД (например, данные о признаках подготавливаемого преступления).

Гарантими соблюдения законных интересов и конституционных прав личности на данном этапе являются: ведомственный внутренний контроль и прокурорский надзор за соблюдением законности при заведении дел оперативного учёта.

2. Интерес в соразмерности и избирательности применяемых негласных методов. Содержание интереса выражается в стремлении к тому, чтобы интенсивность вмешательства в частную жизнь (прослушивание, наблюдение) соответствовала тяжести предполагаемого деяния и достоверности исходной информации. Интерес в минимизации ущерба для прав третьих лиц (родственников, коллег).

Содержание интереса заключается в стремлении к тому, чтобы сведения, добытые оперативным путём (о личных отношениях, привычках, здоровье), не связанные с предметом проверки, не фиксировались, не хранились и не распространялись.

Автор поддерживает предложения о необходимости включения в текст закона об ОРД принципа соразмерности [22, с. 100–113], что повысит законность проводимых оперативно-розыскных мероприятий. В условиях развития цифровых технологий и расширения арсенала оперативно-технических мероприятий, с учетом предложенных автором критериев соразмерности, данный принцип становится главным правовым барьером против превращения ОРД в систему тотального наблюдения. Он требует особой тщательности при оценке необходимости и масштаба сбора цифровых данных. Внедрение принципа соразмерности

позволит повысить гарантии прав и законных интересов личности при принятии решения о проведении наиболее интрузивных ОРМ.

3. Интерес в сохранении конфиденциальности частной жизни, не относящейся к проверяемой информации.

4. Интерес в недопущении провокации преступления со стороны сотрудников оперативно-розыскных органов и их агентов. Содержание интереса заключается в том, лицо вправе рассчитывать, что оперуполномоченные или полицейские агенты не создадут искусственных условий для совершения им преступных действий, к которым у него не было изначальной готовности (умысла). Это прямо запрещено ч. 1 ст. 5 закона об ОРД. Гарантия соблюдения требований закона заключается в абсолютном запрете провокации, а доказательства, полученные таким путём, являются недопустимыми.

5. Интерес в надлежащем процессуальном «переходе» – законности передачи результатов ОРД в уголовный процесс. Содержание интереса заключается в том, чтобы материалы ОРД, на основе которых будет возбуждено уголовное дело и начато уголовное преследование, были получены без нарушений закона. Это ключевой интерес, связующий ОРД и уголовный процесс. Его нарушение делает доказательства недопустимыми. Гарантия данного интереса заключается в том, что суд и сторона защиты на стадии предварительного и судебного следствия вправе требовать проверки законности источников доказательств.

6. Интерес в объективной фиксации не только уличающих, но и оправдывающих или смягчающих обстоятельств. Содержание интереса сводится к стремлению к тому, чтобы в оперативных материалах были отражены все собранные данные, в том числе указывающие на непричастность или меньшую степень вины. Гарантия соблюдения интереса – обязанность сотрудника оперативно-розыскного органа представлять все собранные материалы (ч. 4 ст. 11 закона об ОРД).

7. Интерес в последующем судебном контроле за законностью проведённых ОРМ. Даже если уголовно преследуемое лицо не знало о мероприятиях, оно обладает интересом в возможности последующей проверки их законности через обжалование прокурору или суд действий сотрудников оперативно-розыскных органов (ст. 5 закона об ОРД) или через заявление ходатайств стороной защиты в рамках уголовного дела.

На этапе установления причастности заподозренного, подозреваемого к совершению преступления законные интересы лица существуют не как право на активные действия, а как совокупность охраняемых законом барьеров против произвола деятельности сотрудников правоохранительных органов. Их защита обеспечивается не самим лицом (которое не информировано), а системой законодательных сдержек и противовесов: судебным санкционированием, прокурорским надзором и, что наиболее важно, последующей процессуальной оценкой в рамках уголовного дела. Нарушение этих интересов на этапе проведения оперативно-розыскных мероприятий создаёт критические риски для всего последующего уголовного преследования, так как ставит под вопрос допустимость основных доказательств. Таким образом, законные интересы на этом этапе – это процессуальные гарантии в латентной форме.

Законные интересы уголовно преследуемого лица на этапе обличения обвиняемого в совершении преступления трансформируются из абстрактных охранительных барьеров (характерных для этапа ОРД) в конкретные, активные, процессуально оформленные стремления, реализуемые как лично, так и через защитника в условиях состязательности.

Основными интересами уголовно преследуемого лица, признанного подозреваемым, на этапе проверки его причастности к совершенному преступлению, или обвиняемым на этапе его обличения, являются интересы в сфере реализации права на защиту. Данное право может быть реализовано путем соблюдения интересов в конфиденциальном общении с защитником и в эффективной защите. Содержание интереса заключается в недопустимости любого вмешательства (включая негласные ОРМ) в отношении с защитником

(ст. 8 Федерального закона «Об адвокатской деятельности»), а также добросовестной и активной деятельности защитника (ст. 8 Кодекса профессиональной этики адвоката).

Интерес в своевременном и полном ознакомлении с материалами, лежащими в основе подозрения или обвинения. Уголовно преследуемое лицо стремится не просто формально получить доступ к делу, а понять логику стороны обвинения, включая косвенные улики, часто имеющие оперативно-розыскное происхождение. Сюда можно отнести и интерес в доступе к материалам, обосновывающим ходатайства стороны обвинения (о мере пресечения, проведения отдельных следственных действий).

Интересы в сфере процессуальных сроков и процедур. Интерес в разумном сроке предварительного расследования (ст. 6.1 УПК РФ). Стремление к тому, чтобы расследование не затягивалось без объективных причин, что усугубляет психологическое давление и ограничивает права.

По окончании предварительного расследования законный интерес уголовно преследуемого лица заключается в достаточном времени на ознакомление с материалами уголовного дела.

Отдельно следует выделить законный интерес в использовании институтов, способных оптимизировать уголовное преследование, путем заключения досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1 УПК РФ) и прекращения уголовного преследования.

Подозреваемое, обвиняемое в совершении преступления лицо заинтересовано в доказывании виновности и установлении истины по уголовному делу. Прежде всего, это интерес в полноте, объективности и проверяемости доказательственной базы. Содержание интереса заключается в стремлении: в собирании и проверке следователем не только уличающих, но и оправдывающих, а также смягчающих ответственность доказательства; в детальной фиксации хода и результатов следственных действий; в проверке и возможной дезавуации результатов ОРД, если они получены с нарушением закона или интерпретированы предвзято; в истребовании оперативно-розыскных материалов.

Интерес в допустимости и достоверности доказательств, особенно полученных с использованием результатов ОРД, чтобы любые сведения, полученные негласным путём (прослушивание, оперативное внедрение, снятие информации с технических каналов связи и пр.), были легализованы в процессе строго по правилам ст. 89 УПК РФ. Нарушение закона об ОРД при их получении должно влечь признание доказательств недопустимыми (ст. 75 УПК РФ).

Интерес в активном участии в формировании доказательственной базы защиты, проявляется в стремлении уголовно преследуемого лица к реализации права представлять доказательства, заявлять ходатайства о допросе свидетелей, назначении экспертиз (в том числе повторных или дополнительных), истребовании документов. Это интерес в процессуальном паритете со стороной обвинения.

Отдельный блок интересов можно выделить в сфере применения мер процессуального принуждения.

Интерес в обоснованности, соразмерности и мотивированности любого ограничения прав. Содержание данного интереса заключается в стремлении к тому, чтобы избрание меры пресечения (особенно заключения под стражу), обыск, наложение ареста на имущество были необходимыми и достаточными, основанными на конкретных, проверяемых данных, а не на оперативной информации «в чистом виде».

Интерес в получении полноценной копии постановления о производстве мер принудительного характера.

Интерес в изменении или отмене мер принуждения, пресечения если отпали основания. Содержание интереса заключается в активных действиях по доказыванию изменения обстоятельств (возмещение ущерба, положительные характеристики, состояние здоровья) для перехода к более мягкой мере.

На этапе обличения обвиняемого лица в совершении им преступления, его законные интересы становятся главным механизмом реализации принципа состязательности. Они трансформируются из абстрактных охранительных барьеров (характерных для этапа ОРД) в конкретные, активные, процессуально оформленные стремления, реализуемые как лично, так и через защитника в условиях состязательности.

Уголовный процесс на данном этапе выполняет функцию легитимации и санации тех данных, которые были получены в ходе негласной деятельности на этапах выявления и установления лица, совершившего преступление.

Законные интересы уголовно преследуемого лица – это фильтр и детектор, который заставляет сторону обвинения действовать в строгих процессуальных рамках, обеспечивая публичность, проверяемость и, в конечном счёте, справедливость правосудия. Нарушение этих интересов ведёт не только к отмене отдельных решений, но и к дискредитации всей деятельности уголовного преследования.

Необходимо уделить внимание и вопросу о соотношении законных интересов и субъективных прав, который является дискуссионным.

Одни авторы рассматривают законный интерес как элемент содержания субъективного права [23, с. 249–250; 24, с. 50; 25, с. 92–97; 26, с. 25]. Так, А. В. Малько считает, что законный интерес (охраняемый законом интерес) – это правовая дозволенность, которая не обеспечена конкретной юридической обязанностью, то есть своего рода «усеченное» объективное право [27, с. 68]. Законный интерес признается «своеобразным усеченным правом», «усеченной возможностью» и В. В. Субочевым [28, с. 19].

Н. В. Витрук, напротив, высказывает мнение, что охраняемые законом интересы не опосредованы субъективными правами, имеют самостоятельное значение и могут существовать наряду с субъективным правом. Отечественное законодательство не закрепляет субъективное право на неиспользование права или свободы, поэтому закон говорит не только о правах и свободах личности, но и о правах и законных интересах. В обоснование своей позиции Н. В. Витрук приводит пример, который уместно рассмотреть в качестве дискуссионного по данному вопросу. Так, обвиняемый по уголовному делу имеет право давать показания по существу дела. В своих интересах обвиняемый использует это право, т.е. дает показания. Но он может и не воспользоваться этим правом, не реализовать его, отказываясь давать показания по существу дела. Принуждать обвиняемое лицо к реализации его права – к даче показаний – нельзя, поскольку это будет нарушением его законного интереса. Таким образом законный интерес обвиняемого не всегда заключается в реализации права. Если обвиняемого (подсудимого) начнут принуждать давать показания, то он будет обращаться за защитой своего законного интереса, а не права давать показания. В результате Н. В. Витруком делается вывод, что интерес, который заключается в неиспользовании конкретного права либо свободы, относится к разряду интересов, охраняемых государством наряду с правами и свободами личности [29, с. 157].

Представляется, что позиция Н. В. Витрука основана на расширительном толковании категории «интерес», тогда как с точки зрения юридической техники интерес в отказе от дачи показаний является неотъемлемым элементом содержания самого субъективного права, а не отдельным, параллельным ему феноменом. Поскольку право обвиняемого давать показания, по своему содержанию подразумевает и право обвиняемого лица отказаться от дачи показаний полностью или частично. И получается, что законный интерес обвиняемого, заключающийся в отказе от дачи показаний, может являться и составной частью права обвиняемого на дачу показаний. В том числе из содержания прав обвиняемого на защиту и на дачу показаний, вытекает его законный интерес давать ложные показания, чтобы избежать уголовной ответственности. Поскольку на обвиняемого (подозреваемого) не распространяются требования, предусмотренные ст. 307 УК РФ. В случае, если к обвиняемому (подозреваемому) будут применены недозволенные методы ведения допросов

(пытки, принуждение, обман) для получения его признательных показаний, то он вынужден будет обратиться за защитой своего законного интереса, заключающегося в том, что к нему не могут применять подобные способы принуждения, а полученные таким образом показания должны быть признаны не допустимыми доказательствами.

Анализ примера с правом обвиняемого (подозреваемого) давать показания демонстрирует, что интерес в отказе от дачи показаний или в защите от принуждения к ним имманентно присущ самому субъективному праву и реализуется через соответствующие процессуальные механизмы. Нарушение законного интереса, как правило, сопряжено с нарушением или угрозой нарушения корреспондирующего субъективного права. В этой связи представляется правильным, что обладатель (носитель) соответствующего интереса вправе руководствоваться им в своем процессуальном поведении в силу поощрения (стимулирования) законом этого стремления путем установления и наделения обладателя этих интересов совокупностью субъективных прав и обязанностей. Если не нарушается или не ограничивается субъективное право личности, если не причиняется материальный и моральный вред лицу и его имуществу, то по отношению к данному субъекту нельзя говорить о нарушении его законного интереса.

Таким образом, нарушение законного интереса обвиняемого сопряжено с нарушением его права на дачу показаний. Отстаивание своего законного интереса обвиняемым происходит путем реализации его прав (право на обжалование, на подачу заявлений, на представление доказательств), путем подачи обвиняемым жалоб и заявлений в контрольно-надзорные органы о совершенном в отношении него противоправных действий сотрудниками правоохранительных органов и предоставлении доказательств соответствующих фактов.

В этой связи представляется правильным, что обладатель (носитель) соответствующего интереса вправе руководствоваться им в своем процессуальном поведении в силу поощрения (стимулирования) законом этого стремления путем установления и наделения обладателя этих интересов совокупностью субъективных прав и обязанностей. Если не нарушается или не ограничивается субъективное право личности, если не причиняется материальный и моральный вред лицу и его имуществу, то по отношению к данному субъекту нельзя говорить о нарушении его законного интереса.

Ряд ученых придерживаются дихотомического подхода, разделяют интересы, опосредованные субъективным правом, и интересы, охраняемые законом самостоятельно.

А. Р. Султанов выделяет нарушение прав и нарушение законных интересов и считает, что наличие нарушенного законного интереса достаточно для того, чтобы заинтересованное лицо могло подать жалобу в апелляционную инстанцию об оспаривании нормативных актов в порядке, предусмотренном кодексом административного судопроизводства РФ [30, с. 73–79].

М. А. Козлов рассматривает понятие «законный интерес» как составную часть, регулируемую субъективным правом, так и как самостоятельную категорию, которая не регулируется субъективным правом [31, с. 73].

Представляется дискуссионным тезис о полной автономии законного интереса от субъективного права. Следует согласиться с мнением ученых (А. В. Малько, В. В. Субочев), которые сущностным признаком законного интереса считают возможности личности, которые охраняются государством, но не обеспечиваются конкретной процессуальной обязанностью должностных лиц по ее соблюдению. Это отличает законный интерес от субъективного права (например, права знать, в чем лицо подозревается или обвиняется (ст. 46, ст. 47 УПК РФ)). Право всегда корреспондирует с чьей-то обязанностью его обеспечить. Законный интерес лишь охраняется общим запретом на его нарушение. Но для реализации законного интереса у государства нет заранее установленной позитивной обязанности.

Ф. Н. Багаутдинов справедливо отмечает, что неотъемлемой составляющей частью категории «законный интерес», является его защита [26, с. 30], т.е. способ, с помощью которого обладатель законного интереса может его отстоять.

По мнению А. В. Малько и В. В. Субочева, законные интересы обладают доказательственной формой, которую должен в своей деятельности реализовать субъект, отстаивающий свои законные интересы, двумя способами. Первый способ заключается в обосновании того, что субъектом на основании закона выдвигаются правомерные требования (просьбы). Второй способ сводится к тому, чтобы найти и выработать метод защиты для обращения в компетентные органы для того, чтобы выдвинутое им притязание (дозволение) значимости имеющегося интереса было удовлетворено [6, с. 84–90, 94, 98].

С. А. Ядрихинским акцентируется внимание на том, что отличие между понятиями «законный интерес» и «субъективные права» налогоплательщика, состоят не в наборе правомочий, а в приводном механизме реализации. Притязания выражаются в субъективных правах, которые наделены эксплицитным признаком, а законный интерес вариативен и стохастичен. Корреспондирующая законному интересу обязанность в должных действиях имплицитна. Она не формализована под каждый случай (*ad hoc*), что делает ее нетипичной, а потому затруднительной к восприятию, но главное – она предполагается, а не исключается. В противном случае законные интересы могут оказаться фантомом [5, с. 169–187].

Таким образом, носитель законного интереса для его защиты обладает правом требования, а на противоположную сторону возлагается обязанность рассмотрения данного права.

Защита законного интереса, так же, как и государственная защита прав и свобод человека и гражданина предполагает не только право лица обратиться в суд, иной юрисдикционный орган, но и возможность эффективно пользоваться теми полномочиями участника (стороны) разбирательства, которые дает ему процессуальное законодательство¹.

Законодательство в сфере уголовного преследования, предусматривает возможности охраны и защиты прав и законных интересов личности в форме досудебного производства. Например, в УПК РФ закреплены институты, предусматривающие порядки заявления и рассмотрения ходатайств и жалоб руководителями, органами, осуществляющими предварительное расследование и жалоб надзирающим прокурорам (ст. ст. 123, 124 УПК РФ).

Охрана законных интересов выражается также в надзорной деятельности органов прокуратуры за исполнением законодательства оперативно-розыскными органами и органами предварительного расследования

Категория «законные интересы» личности является многогранной и представляет собой охраняемые и защищаемые законом возможности личности, в удовлетворении своих материальных и духовных потребностей, которые вытекают из содержания закона (его духа) и не противоречат нормам права и морали. Законные интересы личности, подвергаемой уголовному преследованию, детерминированы потребностями охраны и защиты личности, общества и государства. Охрана и защита личности, так же, как и общества и государства выражают систему потребностей, определяющую деятельность правоохранительных органов в раскрытии и расследовании преступлений.

Представляется возможным выделить ряд отличий законного интереса от субъективного права.

Во-первых. Законный интерес в отличие от субъективных прав личности не конкретизирован и не имеет четкого нормативного закрепления.

Во-вторых. Право всегда имеет четкого адресата, который корреспондирует обязанности по его исполнению (суд, следователь), а законный интерес защищается через общий запрет его нарушения и обеспечивается комплексом различных правовых средств (право на обжалование, право на защиту, право на реабилитацию). Законный интерес наполняет права смыслом (например, право на защиту служит реализации интереса в справедливом разбирательстве).

¹ Постановления Конституционного Суда РФ: от 23 февраля 1999 года № 4-П, от 23 января 2007 года № 1-П, от 21 января 2019 года № 6-П, от 20 января 2021 года № 2-П.

В-третьих. Право может быть реализовано, а законный интерес нуждается в оценке его законности. Т.е. заинтересованное лицо должно обратиться в суд или в правоохранительный орган и доказать, что законный интерес нарушен.

Заключение

На основе проведенного комплексного теоретико-правового и сравнительно-законодательного исследования, сформулированы и обоснованы следующие научные выводы.

1. Действующее уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство содержит системную терминологическую несогласованность и концептуальную недооценку категории «законные интересы». Это проявляется в дифференцированном и фрагментарном использовании данной конструкции в УПК РФ, её подчинённом положении относительно «прав и свобод» в базовых принципах закона об ОРД, а также в использовании в ст. 16 закона об ОРД доктринально неопределённого и потенциально произвольного понятия «правоохраняемые интересы». Данные законодательные дефекты не являются техническими, а свидетельствуют об отсутствии целостной правозащитной концепции, создавая «зону уязвимости» для личности на досудебных стадиях

2. Предложена пятиуровневая модель иерархии правоохраняемых интересов и сформулированы критерии принципа соразмерности, которые позволяют конкретизировать абстрактное понятие «правоохраняемые интересы», создают объективные и проверяемые критерии для оценки действий сотрудников оперативно-розыскных органов и следователей. Это напрямую служит цели защиты законных интересов уголовно преследуемого лица, поскольку любое несоразмерное вторжение в его правовой статус (особенно на первых, негласных этапах) может и должно быть квалифицировано как нарушение, влекущее судебную защиту и, в необходимых случаях, исключение полученных доказательств.

3. Обоснована система конкретных мер по преодолению выявленных коллизий, образующая концепцию законодательной унификации и усиления судебной защиты.

В УПК РФ необходимо закрепить единообразную формулу защиты «прав и законных интересов» для всех участников, чьё положение ущемляется преследованием (подозреваемый, потерпевший и др.), и распространить действие нормы о возмещении вреда (ч. 4 ст. 11 УПК РФ) на случаи нарушения законных интересов.

В законе об ОРД требуется инкорпорировать категорию «законные интересы» в базовые принципы (ст. 3, 5) и нормы о судебном санкционировании (ст. 8).

4. Законный интерес уголовно преследуемого лица представляет собой самостоятельную, динамичную правовую категорию, отличную от субъективного права. Её сущность заключается в охраняемой государством правомерной потребности (возможности) лица в достижении социального блага (законного, обоснованного, соразмерного и справедливого уголовного преследования), которая вытекает из духа закона и норм морали, поощряется правопорядком, но не обеспечена конкретной юридической обязанностью другого субъекта. В отличие от субъективного права, защита законного интереса требует от его носителя инициативы по доказыванию правомерности притязания в рамках соответствующих процедур.

В правоприменительной практике: необходимо последовательно признавать нарушение законного интереса самостоятельным основанием для судебного обжалования и восстановления правового статуса лица, что соответствует конституционно-правовому смыслу высшей ценности прав и свобод человека.

5. Разработана динамическая модель эволюции системы законных интересов уголовно преследуемого лица, детерминированная этапами уголовного преследования и меняющимся процессуальным статусом лица (заподозренный → подозреваемый → обвиняемый). Законные интересы трансформируются: от абстрактных, охранительных и пассивно-гарантированных барьеров против произвола на негласном этапе выявления и установления лица, совершившего преступление, к конкретным процессуальным средствам активной защиты на этапах установления причастности подозреваемого лица к совершению

преступления и обличения обвиняемого лица в совершении преступления. Эта модель раскрывает содержание законных интересов как сквозного гарантирующего механизма, обеспечивающего легитимность всего доказательственного массива.

Реализация выводов будет способствовать системному совершенствованию законодательства, повышению уровня судебного контроля на досудебных стадиях и укреплению гарантий личности в рамках построения правового государства.

Список источников

1. Чупилкин Ю. Б. Уголовно преследуемое лицо: понятие, виды, правовой статус // Северо-Кавказский юридический вестник. 2025. № 4. С. 112–127. EDN: WCITLW.
2. Луговик В. Ф., Лугович С. М. Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий. М.: ИНФРА-М, 2018. 156 с. https://doi.org/10.12737/monography_5a210698cef517.60525590. ISBN: 978-5-16-013526-7. EDN: YJHBR.
3. Лесовая Н. Н. Система правовых гарантий социальной защиты оперативного состава уголовно-исполнительной системы // Человек: преступление и наказание. 2017. Т. 25. № 1. С. 131–136. EDN: YKTRVD.
4. Горяинов К. К., Епифанов С. С., Журавлев А. Н. [и др.]. Об оперативно-розыскной деятельности: научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г № 144-ФЗ (постатейный): задачи оперативно-розыскной деятельности, оперативно-розыскные мероприятия, правовая защита должностных лиц, социальная и правовая защита граждан, прокурорский надзор, ведомственный контроль. М.: Проспект, 2021. 128 с. ISBN 978-5-392-33574-9.
5. Ядрихинский С. А. О соотношении законного интереса и субъективного права налогоплательщика: структурные особенности // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 1. С. 170–188. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.169.187>. EDN: IXVNOQ.
6. Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы в правовой жизни общества: актуальные вопросы теории и практики // Правоведение. 2014. № 2 (313). С. 84–98. EDN: TIWTGZ.
7. Гладышева О. В. Теоретическая модель механизмов обеспечения прав и законных интересов человека и гражданина в уголовном судопроизводстве: дис.... д-ра юрид. наук: 12.00.09. М., 2013. 478 с. EDN: SUYELN.
8. Ем В. С. Категория обязанности в советском гражданском праве : Вопросы теории : диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03. М., 1981. 209 с.
9. Братусь С. Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 376 с. EDN: RFXYAZ.
10. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. Ленинград: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 72 с.
11. Власова А. В. Структура субъективного гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. Ярославль, 1998. 150 с.
12. Подвижник Права: Памяти Нагашбая Шайкенова. В 2-х т. Изд. 2-е, перераб. и доп. Том 2 / Авт.-сост.: Л. А. Шайкенова; Подготовка текстов: И. В. Синельников. Астана: Фолиант, 2002. 400 с.
13. Шадрин В. С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2000. 232 с. ISBN: 5-93295-015-3. EDN: RHTJJK.
14. Куцова Э. Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 114 с.
15. Масленникова Л. Н. Методология познания публичного и частного (диспозитивного) начал в уголовном судопроизводстве. М.: Академия управления МВД России, 2000. 180 с. EDN: ZUSJBL.
16. Деришев Ю. В., Овчинников Ю. Г. Теоретические основы уголовно-процессуальных гарантий. Омск: Омский юридический институт, 2012. 180 с. ISBN: 978-5-98065-095-7. EDN: QSPCJT.
17. Черданцев А. Ф., Гунин Д. И. Интересы законные, противозаконные и незаконные // Российское правосудие. 2013. № 7 (87). С. 12–21. EDN: RVZBMD.
18. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. 606 с. ISBN 5-8114-0224-4.
19. Баш Л. М., Боброва А. В., Вечеслова Г. Л. [и др.]. Современный словарь иностранных слов: толкование, словоупотребление, словообразование, этимология: около 7000 слов, 14100 словосочетаний и предложений, 1600 цитат. М.: Цитадель, 2000. 926 с. ISBN 5-7657-0104-3.

20. Ожегов С. И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов / Под ред. Н. Ю. Шведовой. 20-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1988. 748 с. ISBN 5-200-00313-X.
21. Лопатин В. В., Лопатина Л. Е. Русский толковый словарь. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 1997. 832 с. EDN: RTAOUJ.
22. Кольцов Д. В. Место принципа соразмерности в международно-правовом институте специальных методов расследования. Анализ с оперативно-розыскных позиций // Труды Академии управления МВД России. 2025. № 2 (74). С. 100–113. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2025-274-100-113>. EDN: FFISRI.
23. Толстой Ю. К. К теории правоотношений. Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1959. 87 с.
24. Шепелев Д. В. О понимании категории "законный интерес" // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 2 (15). С. 42–51. EDN: NXYZOP.
25. Груздев В. В. Охраняемый законом интерес как объект гражданско-правовой защиты // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 10. С. 92–97. EDN: OCSPYL.
26. Багаутдинов Ф. Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2004. 544 с. ISBN: 5-93295-114-1. EDN: QVXNTH.
27. Малько А. В. Основы теории законных интересов // Журнал российского права. 1999. № 5/6 (30–31). С. 65–72. EDN: VDJOHP.
28. Субочев В. В. Законные интересы / Под ред. А. В. Малько. М.: Норма, 2008. 495 с. ISBN 978-5-468-00151-6.
29. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. М.: Инфра-М, 2008. 448 с. ISBN: 978-5-468-00162-2. EDN: SDQPGL.
30. Султанов А. Р. Обжалование и законный интерес // Вестник гуманитарного университета. 2017. № 4 (19). С. 73–79. EDN: ZXFHIV
31. Козлов М.А. Субъективное право и охраняемый законом интерес как предметы судебной защиты // Журнал российского права. 2008. № 3 (135). С. 69–77. EDN: NYJSPF.

References

1. Chupilkin Yu.B. Criminally prosecuted person: concept, types, legal status. *North Caucasus Legal Vestnik*. 2025;(4):112-127. EDN: WCITLW. (In Russ.).
2. Lugovik V.F., Lugovich S.M. *The legal status of an operative during operational search activities*. Moscow: Scientific Publishing Center INFRA-M LLC; 2018. 156 p. https://doi.org/10.12737/monography_5a210698cef517.60525590. ISBN: 978-5-16-013526-7. EDN: YJJHBR. (In Russ.).
3. Lesovaya N.N. The system of legal guarantees of social protection of the operational staff of the penal enforcement system. *Man: crime and punishment*. 2017;25(1):131–136. EDN: YKTRVD. (In Russ.).
4. Goryainov K.K., Epifanov S.S., Zhuravlev A.N. [and others]. *On operational investigative activities : scientific and practical commentary to Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995 (article-by-article): tasks of operational investigative activities, operational investigative measures, legal protection officials, social and legal protection of citizens, prosecutorial supervision, departmental control*. Moscow: Prospekt; 2021. 128 p. ISBN 978-5-392-33574-9. (In Russ.).
5. Yadrikhinsky S.A. On the relationship between the legitimate interest and the subjective right of the taxpayer: structural features. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2020;(1):170–188. <https://doi.org/10.17323/2072-8166.2020.1.169.187>. EDN: IXVNOQ. (In Russ.).
6. Malko A.V., Subochev V.V. Legitimate interests in the legal life of society: current issues of theory and practice. *Pravovedenie*. 2014;2(313):84–98. EDN: TIWTGZ. (In Russ.).
7. Gladysheva O.V. *Theoretical model of mechanisms for ensuring the rights and legitimate interests of man and citizen in criminal proceedings*: dissertation by Dr. Sci. (Law). Moscow; 2013. 478 p. EDN: SUYELH. (In Russ.).
8. Em V.S. *The category of duties in Soviet civil law: Questions of theory*: dissertation ... Cand. Sci. (Law). Moscow; 1981. 209 p. (In Russ.).
9. Bratus S.N. *Subjects of civil law*. Moscow: Gosyurizdat; 1950. 376 p. EDN: RFXYAZ. (In Russ.).
10. Chechot D.M. *Subjective law and the forms of its protection*. Leningrad: Publishing House of Leningrad University; 1968. 72 p. (In Russ.).
11. Vlasova A.V. *The structure of subjective civil law*: dis. ... Cand. Sci. (Law). Yaroslavl; 1998. 150 p. (In Russ.).
12. *The Ascetic of Law: In memory of Nagashbai Shaikenov*. In 2 vol. of the 2nd Ed., revised and add. Vol. 2. Author-comp.: L.A. Shaikenova; Preparation of texts: I. V. Sinelnikov. Astana: Foliant; 2002. 400 p. (In Russ.).
13. Shadrin V.S. *Ensuring individual rights in the investigation of crimes*. Moscow: Yurлитинформ; 2000. 232 p. ISBN: 5-93295-015-3. EDN: RHTJJK. (In Russ.).

14. Kutsova E.F. *Guarantees of individual rights in the Soviet criminal process*. Moscow: Publishing House of Moscow University; 1972. 114 p. (In Russ.).
15. Maslennikova L.N. *Methodology of cognition of public and private (dispositive) principles in criminal proceedings*. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia; 2000. 180 p. EDN: ZUSJBL. (In Russ.).
16. Derishev Yu.V., Ovchinnikov Yu.G. *Theoretical foundations of criminal procedural guarantees*. Omsk: Omsk Law Institute; 2012. 180 p. ISBN: 978-5-98065-095-7. EDN: QSPCJT. (In Russ.).
17. Cherdantsev A.F., Gunin D.I. Legitimate, illegal and illegal interests. *Russian Justice*. 2013;7(87):12–21. EDN: RVZBMD. (In Russ.).
18. Petrazhitsky L.I. *Theory of law and the state in connection with the theory of morality*. St. Petersburg: Lan Publ.; 2000. 606 p. ISBN 5-8114-0224-4. (In Russ.).
19. Bash L.M., Bobrova A.V., Vecheslova G.L. [and others]. *Modern dictionary of foreign words: interpretation, usage, word formation, etymology : about 7000 words, 14100 phrases and sentences, 1600 citations*. Moscow: Citadel; 2000. 926 p. ISBN 5-7657-0104-3. (In Russ.).
20. Ozhegov S.I. *Dictionary Russian language: Approx. 57,000 words*. N.Yu. Shvedova (ed.). 20th ed., ster. Moscow: Rus. yaz.; 1988. 748 p. ISBN 5-200-00313-X. (In Russ.).
21. Lopatin V.V., Lopatina L.E. *Russian explanatory dictionary. 4th ed., stereotype*. Moscow: Rus. yaz.; 1997. 832 p. EDN: RTAOUJ. (In Russ.).
22. Koltsov D.V. The place of the principle of proportionality in the international law institute of special investigative methods. Analysis from operational-investigative positions. *Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia*. 2025;2(74):100–113. <https://doi.org/10.24412/2072-9391-2025-274-100-113>. EDN: FFISRI. (In Russ.).
23. Tolstoy Yu.K. *Towards the theory of legal relations*. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University; 1959. 87 p. (In Russ.).
24. Shepelev D.V. On understanding the category of "legitimate interest". *Actual problems of Russian law*. 2010;2(15):42–51. EDN: NXYZOP. (In Russ.).
25. Gruzdev V.V. Legally protected interest as an object of civil protection. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*. 2011;(10):92–97. EDN: OCSPYL. (In Russ.).
26. Bagautdinov F.N. *Ensuring public and personal interests in the investigation of crimes*. Moscow: Yurlit-inform; 2004. 544 p. ISBN 5-93295-114-1. EDN: QVXNT. (In Russ.).
27. Malko A.V. Fundamentals of the theory of legitimate interests. *Journal of Russian Law*. 1999;5/6(30-31):65–72. EDN: VDJOHP. (In Russ.).
28. Subochev V.V. *Legitimate interests*. A.V. Malko (ed.). Moscow: Norma; 2008. 495 p. ISBN 978-5-468-00151-6. (In Russ.).
29. Vitruk N.V. *General theory of the legal status of the individual*. Moscow: Infra-M; 2008. 448 p. ISBN: 978-5-468-00162-2. EDN: SDQPGL. (In Russ.).
30. Sultanov A.R. Appeal and legitimate interest. *Bulletin of Liberal Arts University*. 2017;4(19):73–79. EDN: ZXFHIV. (In Russ.).
31. Kozlov M.A. Subjective law and legally protected interest as subjects of judicial protection. *Journal of Russian Law*. 2008;3(135):69–77. EDN: NYJSPF. (In Russ.).

Информация об авторе

Ю. Б. Чупилкин – кандидат юридических наук, доцент кафедры процессуального права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

Information about the author

Yu. B. Chupilkin– Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Procedural Law, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South-Russian Institute of Management.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 03.02.2026; одобрена после рецензирования 13.03.2026; принята к публикации 14.03.2026.

The article was submitted 03.02.2026; approved after reviewing 13.03.2026; accepted for publication 14.03.2026.

Проект «Правовой мир Кавказа» продолжается

Важным этапом в разработке научно-исследовательского проекта «Правовой мир Кавказа» стало завершённое в прошлом году издание первого варианта первого в истории учебника «История государства и права народов Кавказа» в четырёх частях. Предполагается подготовка его сокращённого варианта, призванного обеспечить преподавание этой дисциплины в юридических вузах Кавказа.

В феврале 2026 г. издан **32 том Антологии памятников права народов Кавказа, посвящённый теме «Государственное управление народами Кавказа Российской империей в XIX – начале XX века»**, охватывающий период трансформации публичной власти и нормативных систем народов Кавказа и формирования имперской системы управления ими. Особенностью данного тома является вовлечение в научный оборот (в рамках первого раздела) документов, свидетельствующих о большом внимании, которое уделялось прогрессивно мыслящими деятелями России и органами власти Российской империи обсуждению конкретных механизмов мирного вхождения народов Кавказа в состав Российской империи, что в научной литературе оказалось несколько в тени, поскольку в центре ее внимания было обоснование необходимости действительно реализованного только военного способа решения вопроса. Однако, оказалось, что военное решение неспособно окончательно решить эту проблему прежде всего в силу несоответствия традиционного образа жизни, систем власти и нормативного регулирования отношений всех народов Кавказа уже сформировавшемуся и внешне стабильному общественному и государственному строю Российской империи. Военный способ покорения народов Кавказа, включавший в себя трагическую их депортацию в другие страны, против которой выступало большинство высокопоставленных военных, на самом деле оказался лишь первым этапом, за которым с необходимостью последовали периоды военного управления, военно-народного управления и перехода к гражданскому управлению народами Кавказа под постоянным воздействием и контролем системы имперских органов централизованного управления всем процессом названной выше трансформации. В связи с этим основное содержание тома составляют акты всех уровней имперской власти, положенные в основу коренного преобразования образа жизни народов Кавказа, приведение его в полное соответствие с потребностями обеспечения единства всей системы имперского государства, включая вопросы образования, формирования управленческих кадров из представителей местных народов.

В указанном томе комплексно представлен процесс становления и функционирования системы управления народами Кавказа с момента их покорения до развала Российской империи, который последовал за Февральской и Октябрьской революциями 1917 года.

В заключение необходимо отметить труд ученых, подготовивших текст данного тома: координатора работы по подготовке тома к изданию доктора юридических наук А.Н. Маремкулова, доктора юридических наук, академика АМАН Ф.А. Озову, доктора юридических наук, проф. Х.Д. Исмаилова, доктора юридических наук, профессора М.С.А.-С. Исмаилова, представляющих соответственно Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Карачаево-Черкесский институт гуманитарных исследований им. Х.Х. Хапсирокова, Бакинский государственный университет, Дагестанский государственный университет. Осуществлял общее руководство подготовкой и процессом издания данного тома Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

*Д. Ю. Шапсугов, докт. юрид. наук, проф.,
директор центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС*

Откровенная беседа о связи времен в профессии

12 февраля с.г. в рамках ежегодной «Недели науки» состоялась уже традиционная **открытая лекция профессора кафедры уголовно-правовых дисциплин, д.ю.н., профессора Александра Ивановича Бойко**. На сей раз она была посвящена эволюции отраслевой науки и называлась **«Прошлое, настоящее и будущее отечественной уголовно-правовой доктрины»**.

Как и всегда, выступление лектора отличалось охватом множества, не всегда отражаемых в научных публикациях, проблем, было наполнено показательными эпизодами из других сфер жизни, перемежалось редкими и глубокими по смыслу цитатами авторитетов, инкрустировалось изящными словооборотами, краткими историческими справками, намёками да игривыми двусмысленностями. Все эти фрагменты удачно синтезировались выступающим для максимально полного и относительно лёгкого усвоения слушателями. Однако впечатления ловкого маркетингового нарратива, с помощью которого представители торговых компаний пытаются привлечь внимание целевой аудитории своей продукцией исключительно в целях её реализации, натужно стараясь установить эмоциональную связь с клиентами, вызвать их доверие и сформировать лояльность, не было. Личного интереса лектора в овациях и прочих впечатляющих последствиях доклада не чувствовалось, да его и не могло быть по такой теме. Напротив, материал подавался без акцентированного навязывания личной позиции, но таким образом, что потребность в выработке мнения о сути и полезности зигзагов в эволюции уголовно-правовых знаний рождалась у зрителей аудитории и гостей эфира как собственная потребность. Пламенных призывов, фейерверков и митинговых страстей оратор в аудитории не извергал. Зато лейтмотив всего публичного действия ощущался и осознавался всеми твёрдо: приверженность многовековой генеалогии профессиональных мыслей о преступности и реагировании на неё свята; отечественный дым полезнее привозных идей и социальной инженерии «просвещённого» Запада.

А начал своё выступление А.И. Бойко с крылатого суждения с привкусом злой шутки о матушке-России как о «стране без прошлого» или «с неизвестным прошлым» – всё из-за нашей национальной привычки перманентно менять вектор своего развития строго в противоположную сторону, обрушиваясь с критикой на своих предшественников. Вот и поднимаются на горизонте закономерные стартовые вопросы: а) если «прошлое, как и будущее, изменить нельзя», то можно ли его (прошлое) в отличие от будущего переписать» (Л.В. Шебаршин)?; б) а есть ли тогда у нас («Иванов, не помнящих родства») будущее?; в) может ли оно быть вообще у страны, постоянно отрекающейся от собственного исторического опыта?; г) допустимо ли рассуждать о прошлом, настоящем и грядущем отдельной сферы жизни, управления и науки (борьба с преступностью) в отрыве от социально-экономического уклада и социально-политического строя соответствующего периода? В этой плоскости и было проведено лектором публичное повествование по теме.

Заявив об особой важности идентификационной функции коллективной памяти для России – аппетитной для избалованных высокими стандартами жизни и привыкшими сибаритствовать за счёт других народов европейцев, но в силу своей выстраданной ментальности всё прощающей соседним племенам и пассионарно пекущейся преимущественно о планетарных, но не национальных проблемах, лектор высказал предположение, что нам – жителям огромной, малолюдной, но богатой на этническое и религиозное многообразие страны полезно и хотя бы обязательно оценивать свое бытие в связке оболганного политиками прошлого, очевидного настоящего и всего лишь вероятного будущего.

Кратко объяснив слушателям значение истории для человечества и почему в названии лекции использован термин «доктрина», а не наука (мысль, юриспруденция и пр.), автор акцентированно заявил, что в связке теории, закона и правоприменения роль ответственной примы принадлежит науке. Такова духовная повинность образованного класса, который имеет возможность и которому положено за счёт населения и для его блага ежедневно и системно размышлять о состоянии и совершенствовании общественной жизни. Данная нагрузка безальтернативна и священна, ею нельзя манкировать, отговариваясь материальными затруднениями или будничными хлопотами. Законодатель и практик никогда не поднимутся до стратосферы научных обобщений, а вот учёный анализирует и прикладные последствия своих расчётов, предсказаний и рекомендаций. Кроме того, учёный штурмует методологические высоты, о существовании которых другие субъекты доктрины даже не подозревают. Так наука проверяет собственную состоятельность, расширяет видимые только ей горизонты знания. Таким образом, доктрину желательно разуместь как постоянно обновляемый набор генеральных установок, как результат совмещённой эволюции основных сфер практики человечества (в данном случае – законодательства, науки и практики, а также в ограниченном объёме юридического образования).

Значительная часть выступления была посвящена рассмотрению нашей государственно-правовой истории, которая на Западе и в трудах отечественных либералов клишировано рисуется преимущественно в тёмных тонах: варварство, империя зла, геноцид, ГУЛАГ, тоталитаризм... Приведённые во время лекции факты и доказательства позволили профессору заявить, что «карательная практика» Отечества, несмотря на отдельные трагические страницы её истории, не даёт оснований для посыпания головы пеплом.

В выступлении была приведена «ломаная линия» государственных и научных исканий в сфере принуждения за несколько столетий и объявлен главный раздражитель коллективной мысли, её нравственной неудовлетворенности: «всякое право предполагает неравенство... есть применение одинакового масштаба к различным людям» (В.И. Ленин). Отсюда многочисленные издержки в практике исполнения насилия, отсюда пятна на служебных туниках Эриний, Немезиды и даже самой Фемиды неизбежны в любой стране мира.

На взгляд докладчика, официальные и доктринальные толкователи текстов УК и правоприменительной практики ищут свежие рецепты, объясняют древние директивы набором осовремененных аргументов, устраивают дискуссии, имеющие огромный общественный резонанс, определяют следующие генеральные направления эволюции отраслевой мысли и практики на ближайшее будущее:

- «наступательное» наказание или «апатичные» средства социальной защиты;
- «размытая» аналогия или «чёрно-белая» противоправность;
- публичное или/и частное начала в области борьбы с преступностью;
- поиски вечного, неуловимого идеала справедливости;
- принуждение в призме конфликтологии;
- нетленная проблема гуманизации карательной деятельности государства;
- варианты перехода от *tat justiz* к *person justiz* (от юстиции деяния к юстиции деятеля).

Сам же лектор главными проблемами настоящего на перепутье прошлого и будущего уголовно-правовой доктрины объявил и аргументировал следующие: а) чрезмерная юридизация общества; б) опасность сползания уголовного законодательства и правоприменения в лоно кастовости – в силу громадного имущественного неравенства населения по итогам приватизации; в) падение качества языка права – основного орудия труда юристов; г) растущая сложность правовой системы, влекущая коллизионность и бланкетность отраслевых предписаний; д) диалектика стабильности и изменчивости уголовного закона;

е) целесообразность сочетанного мониторинга усилий всех соучастников процесса реагирования на преступность (науки, парламента и правоприменительной практики); ж) совершенствование методологии научного исследования преступности и реагирования на неё (заявлено, что нынешнее уголовное право подошло к тому порогу, когда прорывные результаты маловероятны при ставке на привычные одномерные познавательные технологии, которые пока приносят плоды и будут использоваться в исследованиях порознь).

Конечно, **«критика легка, да искусство мудрено»** (Н. Буало). Потому в завершающей части открытой лекции А.И. Бойко привёл и кратко прокомментировал 9 личных инновационных предложений для сферы реагирования на преступность, а затем сосредоточился на библейском вопросе – ответит ли доктрина на вызовы времени? сможет ли она работать на будущее? Прибегнув к суконному языку анкет современной социологии, докладчик заявил: скорее «нет», чем «да». И привёл доводы: достоверность любой гуманитарной науки «хромает», и это давно доказано науковедами мира (Дж. Бернал и др.); прагматичный рынок гарантирует печальную судьбу фундаментальным наукам и тем представителям частных отраслей знаний, которые берутся за разработку стратегических проблем, а не тактических вопросов, ибо только усилия на втором направлении способны дать быструю отдачу; состояние современной ученой юриспруденции, выражаясь канцелярским слогом, оставляет желать лучшего (в выступлении приведена обширная подборка иллюстраций печального положения дел); если наука как ведущий элемент доктрины – это сегодняшний день, то будущее и для неё, и для других этажей доктрины готовится в образовательных учреждениях. А ситуация с юридическим образованием в настоящее время аховая.

Завершил свою содержательную лекцию А.И. Бойко следующими словами: мы, уголовники – в арьергарде или обозе юриспруденции, служим приверженцами прошлого в настоящем и защитниками понятного существующего перед неизведанным грядущим; мы защищаем настоящее в эпохи перемен и потому обвиняемся пропагандистами обновления в косности и даже реакционности, но по историческим меркам ненадолго – до того редута, когда массы обожгутся о результаты реформ и разуверятся в них (полезности или даже безвредности для страны). Мы причиняем боль собственному народу не столько по собственной прихоти либо вольнодумству, но более в силу политической угодливости и бланкетной зависимости в общем юридическом мире.

*По представленному автоотчёту лектора
(Редакционная коллегия журнала
«Северо-Кавказский юридический вестник»)*

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы юриспруденции.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07-21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем оригинальной научной статьи должен быть не менее 20 страниц. В указанный объем включены таблицы и список литературы (на кириллице и латинице). Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Структура рукописи должна соответствовать международному стандарту изложения результатов авторского исследования в научной статье – **IMRAD** («Introduction, Materials and methods, Results and Discussion», то есть «введение, материалы и методы, результаты и обсуждение»). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы). Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках: - заголовок статьи; - имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе / Information about the author»; - аннотация (300-350 слов). **Аннотация должна быть структурирована**, в ней обязательно указываются: Введение, Цель, Методы, Результаты, Выводы (кратко). Если статья посвящена теоретическому исследованию, то раздел Methods (Методы) заменяется на Theoretical Basis (Теоретические основы); - ключевые слова или словосочетания (не менее 10).

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 20 до 30 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [3, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: Гончаров В. И. Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: Шапсугова М. Д. Трансформация классических принципов гражданского права в современном российском праве // Северо-Кавказский юридический вестник. 2016. № 4. С. 68–71).

Для каждой журнальной статьи в списке источников необходимо при наличии указывать ее DOI (цифровой идентификатор) и код EDN (коды проверять на сайте: https://elibrary.ru/find_edn_list.asp?).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице **автором указывается**: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». **При написании текста статьи и составлении списка источников не использовались средства искусственного интеллекта».**

Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Редакция журнала «Северо-Кавказский юридический вестник». Тел. 8-863-279-41-62;

e-mail: urvestnik-uriu@ranepa.ru

Мы не запрещаем позитивизм, но стремимся определить его действительное место в познании права.

**СЕВЕРО-КАВКАЗСКИЙ
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**

№ 1, 2026

Выход в свет 30.03.2026. Гарнитура Cambria. Формат 60x84¹/₈. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Объем 11 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 1372-26

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Тропарево-Никулино,
пр-кт Вернадского, д. 82, стр. 1.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ООО «Амирит»
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 88. Тел.: 8-800-700-86-33 | (845-2) 24-86-33
E-mail: zakaz@amirit.ru. Сайт: amirit.ru